

А. Г. ГЕРЦЕН, А. Ю. ЗЕМЛЯКОВА, В. Е. НАУМЕНКО, А. В. СМОКОТИНА

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ СКЛОНЕ МЫСА ТЕШКЛИ-БУРУН (МАНГУП)

Мангупское городище, расположенное на одноименном изолированном плато с высшей точкой около 600 м над уровнем моря, представляет собой уникальный пример сосредоточения на одном памятнике разновременных и разноплановых объектов III-XVIII вв. Их многолетнее археологическое изучение позволяет наметить в общих чертах основные этапы истории городища:

1. *Позднеримский – ранневизантийский* (III – конец VIII вв.), в ходе которого в середине VI в. на плато строится крепость Дорос для федератов Византийской империи и христианская базилика – кафедральный храм будущей Готской епархии.

2. *Хазарский* (конец VIII – середина IX вв.), отмеченный захватом крепости хазарами в 780-х гг. и кратковременным пребыванием их гарнизона, после чего Дорос на несколько десятилетий превращается в важный стратегический пункт византийско-хазарского пограничья.

3. *Фемный* (середина IX – середина XI вв.), в рамках которого крепость переходит под контроль византийской администрации в Херсоне, а к концу X в. становится центром особого подразделения Херсонской фемы – турмархии Готи. Период завершается пока неясной природной (землетрясение?) или военной катастрофой, после чего поселение надолго приходит в упадок.

4. *Феодоритский* (XIV – третья четверть XV вв.), связанный с формированием на плато города Феодоро – центра одноименного княжества в юго-западной части Крыма, игравшего заметную роль в международной политике Причерноморского региона. После разрушительного похода армии Тамерлана в конце XIV в. возрождается в 20-х гг. следующего столетия, постепенно приобретая столичный облик.

5. *Турецкий* (1475 г. – конец XVIII в.), который начинается захватом крепости турками, после чего Мангуп становится центром кадылыка – административного округа Османской империи в Крыму. Последние жители покидают плато в начале 90-х гг. XVIII в.

Важно подчеркнуть, что эта периодизация основана не только на данных немногочисленных письменных и эпиграфических источников, но и на результатах длительных систематических археологических исследований объектов, расположенных на Мангупском плато и в его окрестностях, что является ее несомненным достоинством [1, с. 85-88; 2, с. 746; 3, с. 29-30; 4, с. 94-111; 5, с. 69-70]. Однако, результаты этих исследований, по большей части, пока не изданы. По-прежнему, публикация материалов раскопок 1938 г. базилики и княжеского дворца в центральной части городища является одной из наиболее полных, хотя и носит общий характер [6, с. 334-389; 7, с. 390-418; 8, с. 116-138]. Последнее заключение применимо и в отношении издания результатов разведок и раскопок 1967-1969 гг. в юго-восточной части плато и за пределами крепостных стен [9, с. 123-139], а также исследования крестообразного храма на юго-восточном склоне Мангупа [10, с. 224-241]. В дальнейшем в научный оборот были введены лишь некоторые закрытые, в археологическом смысле, комплексы [11, с. 324-339; 12, с. 522-540; 13, с. 127-146], клады [14, с. 126-133; 15, с. 196-197; 16, с. 83-84; 17, с. 151-152], отдельные группы вещественных материалов (детали гарнитуры одежды, печати, поливная керамика) [18, с. 198; 19, с. 68-72; 20, с. 59-65; 21, с. 172-180; 22, с. 257-287]. Важным для понимания раннего периода в истории поселения на Мангупском плато является недавнее стратифицированное издание материалов раскопок укрепления А-ХІХ (Демир-Капу) с подробным описанием стратиграфической ситуации и анализом как характерных видов массового археологического материала, так и наиболее выразительных индивидуальных находок, что не исключает необходимости специального исследования его керамического комплекса [23, с. 314-345].

В целом, учитывая широкомасштабный характер археологического изучения памятника, предприняемого в последние десятилетия экспедицией Таврического Национального университета им. В. И. Вернадского в сотрудничестве с Крымским отделением Института востоковедения им. А. Крымского, степень опубликованности материалов исследований выглядит явно недостаточной для получения ясного представления об основных составляющих и эволюции археологического комплекса находок из поселения в различные периоды его истории. Не решают эту проблему издания результатов изучения оборонительной системы и церковно-монастырских комплексов Мангупа, так как вещественные находки отсутствуют при их раскопках, либо представлены ничтожным количеством артефактов [24, с. 87-166, рис. 27-28; 25, с. 36]. Максимально возможное полное издание надежно стратифицированного массового археологического материала является, на сегодняшний день, настоятельной необходимостью. Это позволит не только уточнить изложенную выше периодизацию памятника, но и выделить хронологически более узкие периоды в его истории. Настоящая работа,

посвященная публикации результатов стратиграфических исследований 1998 и 2003 гг. на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун, значительно расширивших круг вещественных источников для создания объективной историко-археологической периодизации цитадели Мангупского городища, вызвана именно этими обстоятельствами.

Предварительно необходимо высказать ряд замечаний в отношении особенностей формирования культурного слоя на Мангупском плато в целом и на территории цитадели в частности, а также важности данного объекта в контексте археологического изучения памятников городища.

Как известно, фрагментарность письменных свидетельств, недостаточная сохранность культурных горизонтов, фиксируемая в ходе археологического изучения т.н. “пещерных городов” Крыма, обуславливает значительные трудности, с которыми сталкиваются исследователи при выделении основных этапов их функционирования. Указанные проблемы в полной мере относятся и к наиболее крупному поселению этой группы – Мангупскому городищу (рис. 1). Несмотря на длительность его изучения, до сих пор не удалось выявить где-либо на памятнике участка стратифицированных культурных напластований, который бы отражал все основные этапы жизни поселения. В определенной степени это объясняется как обширным характером Мангупского плато (около 90 га), позволявшим его обитателям в разное время обживать новые территории, не возводя постройки на месте образовавшихся, по тем или иным причинам, руин застройки, так и все еще недостаточной изученностью памятника.

Исключением, в известной мере, является цитадель на мысе Тешкли-бурун, археологическое изучение которой, на сегодняшний день, можно считать завершенным (рис. 2). Ее площадь невелика (около 1,2 га), однако, раскопки показали, что именно здесь есть возможность наблюдать динамику жизни поселения на протяжении практически всей истории его существования, разумеется, коррелируя эти представления с результатами работ на иных участках городища. Безусловно, речь не идет о полностью репрезентативной стратиграфической ситуации. Из-за ограниченности территории акрополя, при значительных перестройках и перепланировках существовавшей застройки, стены сооружений разбирались на строительный материал, а накопившиеся к этому моменту культурные горизонты сбрасывались с мыса на его склоны, чтобы расчистить поверхность скалы – “дневного горизонта” в этой части поселения. При этом могло происходить выравнивание материка, приводившее к уничтожению карстовых полостей и искусственных скальных сооружений, например, тарапанов. Именно поэтому наилучшим образом сохраняются горизонты наиболее позднего этапа истории цитадели – слои функционирования и разрушения начала XV – начала XVII вв. Керамические и индивидуальные находки более раннего времени есть, но они

немногочисленны, неравномерно распределены по территории мыса и, как правило, встречаются в переотложенном состоянии [19, с. 68, 71; 22, с. 257]¹. В результате, при воссоздании исторической периодизации акрополя Мангупского городища настоящей задачей является изучение не только строительных остатков и культурных напластований, сохранившихся на поверхности мыса, но и археологическое исследование участков “строительных сбросов” на его склонах, особенно применительно к ранней истории памятника.

Следует отметить, что Е. В. Веймарн, приступая к раскопкам цитадели Мангупа в конце 60-х гг. XX в., относил изучение “мусорных свалок” акрополя к числу первоочередных задач. Используя собственный опыт подобного рода работ за пределами крепостных стен Чуфут-Кале [27, с. 64-75], он еще в 1969 г. заложил на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун, в 50 м к востоку от куртины цитадели, разведывательную траншею площадью 16 м². Массовый керамический материал, полученный в ходе раскопок, укладывавшийся в пределах VI-XII вв. и XIV-XVII вв., по определению автора, позволял получить представление об общей периодизации жизни поселения в этой части плато [9, с. 137-138].

Причины, побудившие нас продолжить стратиграфические исследования юго-восточного склона мыса Тешкли-бурун, были следующие. Во-первых, визуальный осмотр месторасположения раскопа Е. В. Веймарна показал, что здесь изначально вряд ли можно было рассчитывать на сохранение “чистоты” культурных горизонтов и соответственно стратифицированность материала. Траншея располагалась напротив естественной расселины, по которой во время непогоды вместе с потоками воды постоянно смывался с поверхности мыса культурный слой. Размытость границ между слоями, зависимость их образования от природных факторов затрудняли, на наш взгляд, объективную систематизацию археологического материала на отдельные хронологические группы. Это заставило перед началом работ в 1998 г. искать такое место для нового раскопа, где бы природное вмешательство было минимальным. Во-вторых, необходимость проверки результатов работ 1969 г., опираясь на современную методику полевых исследований, объяснялась совершенно иным уровнем сегодняшних

¹ Один из немногих сохранившихся участков культурного слоя X – первой половины XI вв. зафиксирован у тыльной стороны северо-западной куртины цитадели и связан с функционированием и разрушения постройки этого времени [13, с. 132-145]. Гибель сооружения определяет, вероятно, дату сокрытия “Тешклибурунского клада” – предметов одежды VI-VII вв., происходящих, скорее всего, из раннесредневековых некрополей Мангупа [15, р. 196-197; 16, р. 83-84; 17, S. 151-152]. Из культурных горизонтов XV – начала XVII вв. происходят немногочисленные, но хорошо определяемые фрагменты византийской белоглиняной и красноглиняной поливной керамики VII-XIII вв. – “Glazed White Ware I, II, IV” “Zeuxippus Ware”, “Ceramique byzantine de l'Egee” [21, с. 176-179, рис. 2,2,5-12; 22, с. 257-261, рис. 1,2-5,7-31; 2,1-13,3-4; 5,5]. Отметим также бронзовую вотивную статуэтку Гермеса-Меркурия I-II вв., найденную недавно в ходе раскопок постройки, разрушенной в конце XV в. [26, с. 15-16].

представлений о хронологии и типологии массового археологического материала. Наконец, в ходе расширения площади раскопа в 2003 г. перед отрядом экспедиции была сформулирована еще одна задача – получение полного стратиграфического профиля юго-восточного склона мыса с выходом на предполагаемое полотно средневековой объездной дороги и последующим его зондированием.

Для решения поставленных задач в ходе полевых сезонов 1998 и 2003 гг., непосредственно под пещерным “боевым” казематом № 2, на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун крутизной 35° были разбиты четыре квадрата (нумерация А-Г) общей площадью более 100 м². Контроль за стратиграфией осуществлялся с помощью бровок шириной от 1 до 3 м, а также временных стратиграфических профилей на отдельных участках раскопа. В квадратах А, Б, В работы были доведены до материка, в квадрате Г, заложенном непосредственно на трассе подъездной дороги – до уровня ее предполагаемого первоначального полотна, которое удалось исследовать до скалы лишь в северо-западной части квадрата (рис. 3). Заключительной фазой раскопок стала инструментальная съемка профиля склона мыса, дополненная его обмерами и осмотром естественных скальных площадок, на которых накопился культурный слой, с помощью альпинистского снаряжения (рис. 4)².

Описание результатов археологических исследований требует нескольких предварительных замечаний. Мощность культурных напластований на площади раскопа колебалась в среднем в пределах 1,30-1,90 м, достигая максимальной глубины (до 2,80 м) в его западной части, непосредственно у скального обреза мыса (квадрат А, 1998 г.). В ходе исследований выявлено четыре основных культурных горизонта, которые интерпретируем как последовательные “строительные сбросы” с поверхности плато с материалом в пределах VI-VII, IX-XI и XIV-XVI вв. (слои №№ 2-5). Они перекрыты задернованными слоями современного мусора и осыпей и характеризуются практически полным отсутствием камня, обилием пятен разложившегося известкового раствора, углей, щебня, костей животных и крупных фрагментов керамики, иногда склеивающихся или несущих следы спекшегося с ней раствора и земли (рис. 5-8). Природные факторы (обычная сухость южного склона Мангупа и постоянный сток воды по скале и далее по склону мыса), несомненно, повлияли на высокую степень “цементации” грунта, особенно нижних культурных напластований. Это, с учетом их насыщенности керамическим материалом, металлическими и стеклянными находками, заставило в ходе раскопок рассматривать, параллельно с версией о “сброшенности” культурного слоя с территории цитадели, и иную гипотезу его происхождения в связи с функционированием поселения на юго-восточном склоне мыса, ставшую маловероятной лишь на этапе обработки результатов раскопок.

² Выражаем искреннюю признательность за помощь сотруднику Крымского отделения Института “Укрпроектреставрация” Л. П. Щусь.

Говоря о стратифицированности культурных горизонтов, отражавших хронологически различные периоды строительной активности на территории Мангупской цитадели, не следует абсолютизировать данное заключение. Особенности рельефа материковой поверхности определяли разную степень “чистоты” и “смешанности” слоев “сбросов” на площади раскопа. Так, для ранних культурных горизонтов (VI-VII и IX-XI вв. – слои №№ 3-5) стратифицированность зафиксирована в наилучшей степени в квадрате А 1998 г., где зачистка скалы показала явные следы ее ломки на строительный материал в эпоху раннего средневековья, закономерно приведшей к образованию своеобразного “котлована”, ставшего естественным накопителем для “мусора”, сброшенного сверху. На других участках исследования (квадраты Б, В, Г), где материк сохранил естественный облик – сильно каррированная скала, многочисленные разломы которой заполнены стерильным, в археологическом смысле, щебнем, продуктом ее разрушения – достаточно крутой рельеф (перепад в пределах раскопа составлял более 8 м) приводил к постоянному раскату на широкой площади сбрасываемого культурного слоя и незначительной, но определенно фиксируемой, “перемешанности” комплекса находок. Условия для сохранения стратифицированности культурных горизонтов сложились здесь лишь в эпоху позднего средневековья, когда скала была уже перекрыта мощными напластованиями грунта. Наиболее показательным примером “сбросов” этого времени, который характеризуют материалы XIV-XVI вв., является комплекс находок из 2-го слоя в квадрате Б 2003 г.

Переходим к более детальному описанию стратиграфической ситуации и полученного археологического комплекса находок.

Как уже отмечалось, верхним культурным горизонтом на площади раскопа является *дерновый слой* мощностью 0,10-0,30 м. По структуре, это гумусированный рыхлый грунт, насыщенный корнями кустарников и деревьев, перекрытый местами слоями современного мусора и осыпей. Задернованный “*слой осыпи*” мощностью до 0,48 м зафиксирован полосой до 1,20-1,40 м непосредственно вдоль скальной кромки мыса в северо-западной части раскопа (рис. 5-8).

Комплекс находок из дернового слоя и “слоя осыпи” состоит в основном из многочисленных, но невыразительных фрагментов керамики с сильно окатанными краями, а также плохо сохранившихся металлических и стеклянных изделий. С учетом их разновременности и неясного происхождения ограничимся описанием лишь тех артефактов, которые сами по себе представляют интерес для изучения истории Мангупского городища.

К таковым относится, прежде всего, фрагмент дна на кольцевом поддоне от красноглиняной миски (?), плотного теста с примесью известняка и шамота, украшенной под кроющей глазурью желтого цвета растительным орнаментом (многолепестковая розетка?), выполненным в так называемой технике *shampleve*

(в русскоязычной литературе обычно “выемчатая техника” или реже техника “в резерве”) (рис. 9, 1). Принято считать, что ее элементы в украшении византийских поливных сосудов появляются еще в середине – второй половине XII в. на изделиях группы *Incised Sgraffito Wares*. В короткий промежуток времени (конец XII – первые десятилетия XIII вв.) в ряде городских центров Греции и Македонии (Фессалоники, Коринф, Афины), возможно, в Константинополе и на Кипре выпускалась глазурованная керамика с сюжетными изображениями животных (кролика, льва, лани, птиц) и людей (воинов, любовные сцены), в декорировании которых “выемчатая техника” доминировала (*Shampleve Wares*). В Палеологовский период она продолжает использоваться на поливной посуде, как правило, в сочетании с техникой “сграффито” и реже подглазурной росписью ангобом. Сюжетный набор, чаще всего, сводится к простым композициям растительного (многолепестковые розетки, гирлянды) и геометрического характера (“шахматная доска”). Ареал данной группы изделий, скорее всего, из мастерских Фессалоник, Серр, Никеи, охватывает не только области Византии (Коринф, Эфес, Спарта, Фасос, Пергам и др.), но и соседние территории (Болгария, Румыния), что не исключает, по мнению исследователей, адаптации такого стиля декорирования поливных сосудов к потребностям местного керамического производства [28, p. 162-166, fig. 141-144; 29, с. 60, обр. IX; XV; XXXIV; XXXV; 63,2; 70,5-7; 72,6,10; 89; 92; 30, с. 45, табл. IV,14; V,2,10,11; VIII,3-8,10,12; IX,1,3,6-7; XIII,2,8; XIV,4,6,9; XIX,3; XX,3,9; 31, p. 426, 434, fig. 10, 19; 32, p. 512-514, fig. 12-13; 33, p. 214-215, 219, fig. 2-6, 43-45; 34, p. 289, fig. 3, 8a, 10b; 35, p. 260-261, fig. 2,7; 3,8-9; 4,11; 5,6; 36, p. 83-84, 102-110, 115-116, pl. 16-18, fig. 27, 50-55; 37, S. 17, Taf. 4,67; 5,68-70; 11,185; 38,390; 38, p. 429-430, 440-441, fig. 3,38-42; 4,38,40,f; 8,97-101; 9; 39, p. 20-23, 44-47, 57-70, 77-78, 83, 131-134, 156-157, 179-185, 200-203, 218-219, 229-231, № 29-33, 49-69, 79, 82, 90-91, 103, 132-133, 143, 145-147, 187-188, 206-212, 227-232, 252-254, 267-269; 40, p. 69, 133, 144]. В Северном Причерноморье, очевидно, как немногочисленный импорт в археологических комплексах XIII и XIV вв., глазурованные кувшины, миски, чаши, в декоре которых используется техника *shampleve*, известны по раскопкам Белгорода-Днестровского [41, fig. 52,4; 54,2; 42, с. 69, рис. 25,12-14], Азова [43, с. 129-130, рис. 10,85; 25,76,84; 44, с. 160-165, рис. 1,10; 3,2], Таманского городища [45, с. 235, табл. 68,20], а также ряда приморских центров Таврики – Херсона, Партенита, Алустана, Сугдеи, Каффы [46, с. 192-193, 198-200, 204-207, табл. XXIII (группа 8), XXIX (группа 12), XXXI (группа 14); 47, с. 131-132, 140-144, рис. 82 (группа 4), 90 (группа 7); 48, с. 83, рис. 9; 49, с. 28, рис. 1,3; 3,2,4; 50, с. 50-53; 51, с. 182-184, рис. 1; 52, с. 240, 243, табл. 3,1; 5,1-3; 53, с. 193-198, рис. 103,1-2; 118,2-4; 54, с. 51-52, 55-56, 81-96, табл. 29,98; 30,99-103; 32; 66,211; 68-81; 55, с. 261-276; 56, с. 554, рис. 24]. Вероятно, к этому же времени, скорее – к XIV в., следует отнести и нашу находку. Фрагментарность, исключительная редкость, отсутствие ясного археологического

контекста для фрагментов поливной керамики с орнаментом в технике “шамплеве”, найденных на Мангупе, не позволяют сузить датировку³. Тем не менее, их наличие пополняет незначительный, на сегодняшний день, круг вещественных свидетельств из истории городища в эпоху, культурные горизонты которой и соответствующий материальный комплекс пока не выделен в ходе археологических исследований.

Из индивидуальных находок в слое, функциональное назначение которых выглядит ясным, отметим ряд изделий из кости – круглую плоскую пуговицу (?), сердцевидную плоскую нашивку, астрагал (рис. 9,2-4), медный наперсток (рис. 9,5), серебряную шаровидную с петлей пуговицу, плакированную золотом (рис. 9,6), фрагмент рукоятки железного ножа с костяной накладкой, украшенной врезным линейным и циркульным орнаментом (рис. 9,7), предметы вооружения – железное кольчужное кольцо (рис. 9,8), фрагмент железной пластины от панцирного доспеха (рис. 9,9), железный арбалетный болт с трехгранной головкой (рис. 9,10) и типичные для горизонтов времени пребывания турецкого гарнизона в цитадели Мангупа железные черешковые наконечники стрел с ромбовидным в сечении пером (рис. 9,11-13). Из коллекции нумизматических находок (всего 12 экз.) выделим серебряную монету молдавского правителя Стефана III (1457-1504) с гербовым изображением на аверсе (букраний с 5-конечной звездой между рогами) и геральдического щита с 10-лепестковой розеткой на оборотной стороне, еще одно свидетельство молдавско-феодоритских отношений в канун трагических для городища событий 1475 г. [239, p. 154, fig. 12] (см. Приложение 1, № 4).

Вторым слоем повсеместно является рыхлый, местами пылевидный грунт серого цвета, насыщенный щебнем и мелким бутовым камнем. В нем практически отсутствуют крупный бут и обработанные блоки, но изредка встречаются пятна гари и разложившегося известкового раствора. Мощность горизонта колеблется в пределах исследованного участка от 0,20 до 0,60-0,70 м, возрастая в северо-восточном направлении (до 0,90 м) (рис. 5-8). Его археологический комплекс в целом состоит из фрагментарных и разновременных находок, датирующихся от периода раннего средневековья до “турецкого” времени. На первый взгляд, такая структура слоя вряд ли свидетельствует о его происхождении в результате единовременного “сброса” с поверхности плато. Однако, от этого вполне логичного заключения следует, вероятно, отказаться после того, как на площади квадрата Б, непосредственно у скального обреза мыса, выборка 2-го слоя дала выразительный и обширный комплекс керамических находок XIV-XV вв. (около 45% от общего числа в слое), дополненный небольшой группой материалов и хорошо датированной коллекцией монет XVI в. Стратиграфически на большей части

³ В обзорной публикации поливной керамики Мангупской цитадели, в которой учтены материалы 1975-1997 гг., присутствует лишь один фрагмент данной группы изделий [22, с. 263, рис. 6,12].

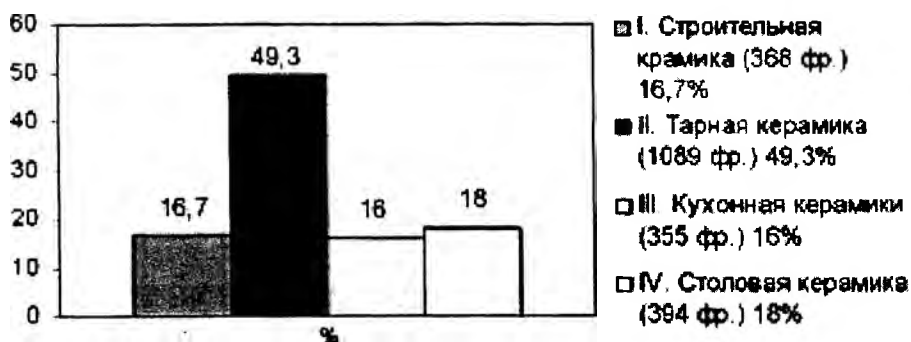
квадрата, особенно в его северо-восточной части, горизонт залегал на поверхности материка, сильно каррированный характер которого, очевидно, предохранил его, в отличие от других участков раскопа, от сильного раската вниз по склону и обеспечил сохранность археологического комплекса. Таким образом, гипотеза искусственного происхождения слоя в результате строительной активности на территории цитадели в "турецкий" период получает материальные обоснования, а многочисленные раннесредневековые артефакты в нем могут быть квалифицированы как обычная "примесь снизу", не имеющая датирующего характера.

Приступая к характеристике археологического материала, следует сделать ряд предварительных замечаний. Во-первых, наш анализ сконцентрирован в основном на находках из 2-го слоя в квадрате Б, как уже отмечалось, наиболее показательном комплексе времени образования горизонта на участке исследования. Подчеркнем, что он включает в себя все основные составляющие керамических групп материалов, известные по раскопкам Мангупской цитадели периода княжества Феодоро и, таким образом, содержит важные материальные свидетельства по истории акрополя городища в это время. Артефакты с площади других квадратов приводятся по мере необходимости. Во-вторых, последовательная характеристика строительной, тарной, кухонной и столовой керамики, стеклянных, костяных и металлических изделий из слоя носит в основном описательный характер, а их датировка ориентирована, прежде всего, на стратиграфический контекст Мангупского городища. С учетом недостаточной опубликованности и лишь первичной систематизации основных категорий находок на позднесредневековых памятниках Таврики такой подход, на сегодняшний день, нам кажется более эффективным, чем просто формальный поиск аналогий, за исключением, естественно, прямых совпадений.

По своей структуре, **керамический комплекс 2-го слоя** в квадрате Б состоит из фрагментов строительной, тарной, кухонной и столовой керамики (всего 2206 фрагментов) (см. *график 1*).

График 1

Структура керамического комплекса 2-го слоя из квадрата Б (%)

Строительная керамика в слое представлена фрагментами красноглиняных керамид и калиптеров, покрытых зачастую светлым ангобом, из плотного теста с примесью известняка, шамота и железистых частиц (84% от общего числа находок черепицы) и коричневоглиняной желобчатой черепицы рыхлого теста с примесью известняка и шамота типа “татарка”. Керамиды имеют подпрямоугольный в сечении верхний и трапециевидный, реже треугольный, боковой бортики, хорошо выраженный коленчатый изгиб в нижней части и невысокие рельефные водосливные валики. Края калиптеров с дуговидным профилем иногда оформлялись неглубоким уступом (“манжетом”), черепицы типа “татарка” – несколькими поперечными желобками. В культурных горизонтах Мангупского городища обе группы изделий отражают доминирующий тип черепицы, использовавшийся соответственно в период княжества Феодоро (XIV-XV вв.) и в “турецкое” время (XVI-XVIII вв.). К сожалению, фрагментарность наших находок и в целом слабая опубликованность археологических материалов из раскопок Мангупа не позволяют пока сузить эту датировку. Отметим лишь, что технологически и морфологически подобные ангобированные керамиды и калиптеры известны по раскопкам дворца 20-70-х гг. XV в. в центральной части Мангупского плато и крестообразного храма на его юго-восточном склоне [7, с. 401, рис. 14,а; 10, с. 229, рис. 5,13-19], а также позднесредневековых городских центров и поселений юго-западной части полуострова, прежде всего, Херсона [46, с. 118-121, рис. 85, 85а; 57, с. 78-79, рис. 18-19; 47, с. 147-155; 58, с. 104-119, рис. 1,1-2,4-5,10,26,33 (группы 1, 3); 59, с. 231-232, рис. 4,1-3; 53, с. 124, рис. 46-48 (группа 1); 60, с. 42-43 (группа 1); 61, с. 113, рис. 12-15].

Основную часть комплекса *тарной керамики* из 2-го слоя, около 77%, составляют фрагменты раннесредневековых амфор, бытовавших в пределах V-XI вв. – красноглиняных круглодонных желобчатых типа V по Херсонесской классификации амфор 1971 г. (далее – ХК-71) [62, с. 85, рис. 6], коричневоглиняных с большим содержанием слюды типа 95 по Зеест, красноглиняных с расширяющимся книзу горлом типа 100 по Зеест [63, с. 118-120, табл. XXXVIII,95; XXXIX,100], светлоглиняных с вытянутым “морковкообразным” корпусом типа *carottes* или класса 2 по Херсонесской классификации амфор 1995 г. (далее – ХК-95), светлоглиняных с рифлением корпуса типа “набегающая волна” класса 12 по ХК-95, коричневоглиняных с сужением корпуса класса 1 по ХК-95, коричневоглиняных с цилиндрическим корпусом типа “Газа” класса 4 по ХК-95, красноглиняных с воронкообразным горлом и гребенчатым рифлением в верхней части корпуса типа “Истрия” класса 18 по ХК-95, красноглиняных с яйцевидным корпусом, украшенным в верхней части зонами концентрических окружностей, класса 24 по ХК-95, красноглиняных желобчатых с невысоким горлом и округлым дном класса 36 по ХК-95, коричневоглиняных высокогорлых амфор-кувшинов с плоскими ручками класса 41 по ХК-95 [64, с. 16, 19, 21, 29-30, 38, 50-51, 60-61, 63-

64]. Несмотря на свое обилие, данная группа керамики является в слое “примесью снизу”, не имеющей отношения ни к хронологии, ни к происхождению горизонта. Ее наличие указывает лишь на то, что к моменту “сброса” культурного слоя с поверхности мыса недалеко от его края сохранялся участок раннесредневековых напластований, уничтоженный при расчистке территории цитадели от мусора.

В этой связи наибольший интерес для понимания времени образования 2-го слоя и его появления на юго-восточном склоне акрополя городища имеет *поздняя группа находок тарных сосудов* (около 11% от общего числа фрагментов тарной керамики в слое)⁴. Ее характеризуют фрагменты красноглиняных плоскодонных амфор с внутренней бугристой поверхностью и плотным черепком с включениями известняка класса 52 по ХК-95 [64, с. 83-84], грушевидных желобчатых амфор с округлым дном и дуговидными ручками (плотный светло-коричневый черепок изобилует включениями песка и частиц слюды) класса 45 по ХК-95 [64, с. 73-74]⁵ и коричневоглиняных тарных кувшинов с широкими плоскими ручками, украшенных росписью линиями светлого ангоба. Учитывая отсутствие профильных частей амфор и слабую изученность указанных тарных кувшинов, ограничимся общими замечаниями относительно хронологических рамок использования и происхождения этих сосудов.

Грушевидные амфоры с дуговидными ручками принадлежат группе находок дальнего импорта на Мангупе, производившихся на западном побережье Мраморного моря в Ганосе [83, р. 193-197; 84, р. 167-178] или в Трапезунде [73, с. 90-91; 85, с. 147, 150; 86, с. 202-214]. Их вариации хорошо известны по раскопкам городских центров и поселений Византии, Кипра, Далмации, Сербии, Болгарии, Древней Руси, где они обычно датируются XII-XIII вв. [65, р. 334, fig. 23; 66, р. 47, Р. X,5; 67, р. 74, fig. 6; 68, р. 115, fig. 3,3 (type III); 69, р. 274-276, fig. 12-14 (type 4); 70, р. 76, fig. 24,12-13 (type 62); 71, с. 179-181; 72, с. 347, 349-350, 353-360, рис. 2,2, XIII (тип I, вид 1)]. Главным образом, из археологических комплексов XIII и XIV вв. происходят находки этого типа амфор на памятниках Северного Причерноморья (Белгород-Днестровский, Азак) [42, с. 56-58, рис. 18,2; 22,1; 73, с. 86-90, рис. 13,1-2; 74, с. 8, табл. 2,1] и Крыма (Херсон, Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Бакла, Исар-Кая, Партенит, Судак) [46, с. 102-103, рис. 53, 54; 75, с. 340, рис. 11,37-38; 62, с. 94, рис. 25 (тип XXIII); 76, с. 256, рис. 1,4; 77, с. 26-27, рис. 4,1; 47, с. 111-113, рис. 69,1-5; 59, с. 239, рис. 6,2-3; 8,1-3; 10,1-2; 78, с. 97, рис. 32,7-9; 34,1-4,6-8 (тип 1); 48, с. 88-89; 61, с. 110-113; 64, с. 73-77, табл. 35-42, №№ 150-160) (класс 45); 79, р. 98, fig. 4,55 (type 55); 80, с. 192-193, рис. 9,1; 87, с. 198-201; 81, с. 193-194, рис. 3,2; 82, с. 109, табл. 23,30]. Не исключено, что такие амфоры производились и позднее [72, с. 349; 88, с. 197-198], о чем дополнительно

⁴ Около 12% фрагментов тарных сосудов из слоя – стенок гладкостенных пифосов и крупных кувшинов (?) – осталась неопределенной.

⁵ Происходят с площади квадратов А и В.

свидетельствуют результаты археологических исследований Мангульской цитадели. Их находки, в том числе археологически целых экземпляров, обычны для культурных горизонтов XV в. на акрополе городища.

Амфорам класса 45 в целом хронологически синхронны *плоскодонные ангобированные амфоры* класса 52 по ХК-95, ручки которых, овальные в сечении либо несколько уплощенные, плавно опускаются на плечи сосудов. Ареал распространения данного типа амфор ограничен памятниками Юго-Западной Таврики – Херсон, Эски-Кермен [46, с. 102, рис. 49; 50; 75, с. 342, рис. 11,40; 62, с. 95, рис. 27-29 (тип XXV); 47, с. 113, рис. 69,6-7; 61, с. 110-113; 64, с. 83-88, табл. 28; 42; 46-50, №№ 181-199 (класс 52); 79, р. 98, fig. 4,56 (type 56); 80, с. 193, рис. 9,3-6; 81, с. 194, рис. 3,3; 82, с. 109, табл. 23,32], Тепе-Кермен [76, с. 256], Ласпи [57, с. 62, рис. 6,2], Бакла [77, с. 28, рис. 4,2-3], Исар-Кая [59, с. 239-240, рис. 6,4-5; 10,4; 78, с. 97, рис. 35,2-4], Партенит [48, с. 88-89]. За пределами региона, как и вне полуострова, находки этих амфор чрезвычайно редки. Единственной, по сути, аналогией является сосуд, происходящий из комплекса начала XIV в. из поселения Агиос Стефанос (Пелопоннес) [89, р. 199, fig. 6]⁶. Сказанное не исключает местного происхождения амфор, хотя следов гончарных печей и брака от их производства до сих пор не обнаружено [62, с. 95; 81, с. 194]. На акрополе Мангупа амфоры класса 52, как и описанные выше грушевидные амфоры с дуговидными ручками, обычно характеризуют группу тарной керамики из культурных горизонтов XV в.

Плоскодонные коричневоглиняные кувшины, покрытые ангобом в тон черепку, имеют шаровидное тулово, невысокое горло со слабопрофилированным округлым венчиком, непосредственно к которому или чуть ниже крепились широкие плоские ручки (ручка?), украшенные росписью линиями светлого ангоба. Изготовлены из плотного глиняного теста с включениями известняка, карасана, песка (рис. 10,4-5; 11,6). Фрагменты таких тарных сосудов происходят на Мангупе из раскопок не только жилой застройки цитадели периода княжества Феодоро, но и дворца 20-70-х гг. XV в. в центральной части плато [7, с. 396, рис. 8; 9]. Подобные по форме изделия присутствуют в комплексе 1462/1467–1475 гг. (“слой пожара”) башни Орта-Куле в Алустане [90, с. 157, 161, рис. 24,1,2,4]. Безусловно, очерченный круг аналогий пока не позволяет сделать определенные выводы о хронологических рамках бытования и происхождении данных кувшинов, хотя гипотеза об их производстве в одном из гончарных центров Юго-Западного Крыма в XV в. кажется вполне вероятной.

Условно к числу тарных изделий из комплекса 2-го слоя на площади раскопа, не известных среди опубликованных материалов позднесредневековых памятников Таврики, относятся фрагменты коричневоглиняных кувшинов – с

⁶ На древнерусских памятниках встречены лишь обломки таких амфор [72, с. 350 (тип VI)]. Привлекательные же в качестве аналогий кувшины, найденные при раскопках памятников Сербии, морфологически отличны от крымских экземпляров [68, р. 115-117, fig. 4].

двучастным венчиком и раструбообразным горлом, украшенным в средней части врезными концентрическими линиями (рис. 10,1), и с вогнутым плоскосрезанным венчиком с внешним выступом-манжетом под крышку (?) (рис. 10,2-3). Их объединяет ангобное покрытие в тон черепку и близкое по структуре глиняное тесто – плотное с включениями известняка, карасана и пироксена, из-за чего поверхность сосудов носит храповатый характер.

Кухонная керамика из 2-го слоя на площади квадрата Б делится на два хорошо выраженных хронологических блока находок (табл. 1).

Таблица 1

Структура комплекса кухонной керамики 2-го слоя из квадрата Б

№	Кухонная керамика	Всего фрагментов	%
1	Гончарная	321	88
2	Лепная	34	12

К раннесредневековому времени относятся фрагменты лепных сероглиняных горшков зачастую с подлощенной поверхностью, с отогнутым непрофилированным венчиком и плоским дном. Глиняное тесто рыхлое с включениями известняка, шамота, песка, толченой ракушки и органических остатков (всего 34 фрагмента; 12% от общего числа находок кухонных сосудов). Подобные изделия составляют комплекс кухонной посуды из слоя, предшествующего горизонту функционирования и гибели постройки X – первой половины XI вв. у тыльной стороны северо-западной куртины цитадели Мангупа [13, с. 146, рис. 6,3-12]. Отдельно отметим два фрагмента венчиков с сильно отогнутым краем лепных сероглиняных горшков рыхлого теста с примесью шамота и дресвы, не имевших следов лощения корпуса, один из которых украшен в верхней части врезным и гребенчатым волнистым орнаментом (рис. 22,2-3). Обычно на территории Мангупского городища описанные сосуды составляют группу кухонной керамики в слоях VI-VII вв. К несколько более позднему времени, не выходящему, однако, за пределы X-XI вв., относятся фрагменты гончарных коричневоглиняных плотного теста с включениями известняка, шамота, песка, реже слюды горшков с рельсовидным под крышку (?) (рис. 22,1,4), двучастным (рис. 22,6) и вертикальным подтреугольным в сечении венчиками (рис. 22,5).

Группу *позднесредневековых кухонных сосудов* (88% от числа находок данной группы керамики) характеризуют фрагменты горшков следующих форм:

1. Красноглиняные рыхлого теста с включениями известняка, карасана и пироксена, одно- или двуручные, плоскодонные, с шаровидным корпусом, невысоким усеченно-коническим, реже цилиндрическим горлом, и рельсовидным (под крышку?) венчиком, непосредственно к которому крепилась овальная в сечении ручка. Горло одного из сосудов украшено вертикальным налипным валиком с пальцевыми вдавлениями по нему (рис. 10,6-9; 11,1-3). Круг известных нам аналогий ограничен комплексами XV в: уже упоминавшимся “слоем пожара”

башни Орта-Куле в крепости Алустон [90, с. 157, рис. 24,5], культурным слоем 1459/1460–1475 гг., образовавшимся в результате строительства и формирования инфраструктуры укрепления (“замка”) Чобан-Куле [91, с. 212, 221-223, рис. 22,2], горизонтом функционирования христианского храма и его некрополя на южной окраине села Малый Маяк [92, с. 268-269, рис. 16,1-3]. Эту хронологию в целом подтверждают исследования Мангупской цитадели, на территории которой горшки с рельсовидным венчиком происходят из горизонтов функционирования и разрушения жилой застройки XV в. В то же время отметим, что такие наблюдения носят предварительный характер, обоснование которых возможно лишь в ходе дальнейшей публикации результатов археологических раскопок⁷.

2. Плоскодонные коричневоглиняные горшки с шаровидным корпусом и слегка отогнутым венчиком, украшенным врезными концентрическими линиями по невысокому горлу. Непосредственно к краю венчика крепилась овальная в сечении ручка. Глиняное тесто рыхлое с включениями известняка, карасана, песка и толченой гальки (рис. 11,4). Подобные горшки известны по опубликованным материалам из верхних культурных напластований Херсонесского городища [93, с. 95, рис. 2,3; 54, табл. 217,В11], комплексов XIV-XV вв. Мангупа, Пампук-Кай, Сугдеи, Алустана [10, с. 228, рис. 4,16; 78, с. 98, рис. 37,22; 94, с. 108, рис. 4,4; 90, с. 157, 170, рис. 24,3; 41], комплекса поселения золотоордынского времени у с. Кринички близ города Старый Крым [95, с. 125, табл. 11,1].

3. Красноглиняные плоскодонные горшки с отогнутым непрофилированным венчиком и шаровидным неорнаментированным корпусом. Глиняное тесто рыхлое с примесью известняка, карасана, песка (рис. 12,1). Известны на некоторых горно-крымских укреплениях XIII-XIV вв. (Исар-Кая, Пампук-Кая) [59, с. 235; 78, с. 98, рис. 36,5; 37,27]. В рассматриваемом комплексе встречаются фрагменты близких по форме неорнаментированных сосудов с плохо сохранившимся прилепом непосредственно у венчика ручки, уплощенной либо овальной в сечении – традиционных составляющих набора кухонной керамики на позднесредневековых памятниках Таврики [46, с. 108, рис. 67,1-2; 68,1,3,5; 96, с. 17-18, рис. 4,а,б,в; 97, с. 15, рис. 9,2; 47, с. 117, рис. 72,1; 93, рис. 2,1-2; 78, с. 98, рис. 37,23; 61, рис. 2,1].

Трудно реконструировать форму и соответственно определиться с аналогиями для коричневоглиняного сосуда, от которого сохранился лишь фрагмент цилиндрического горла со слегка скошенным вовнутрь краем, украшенным снаружи врезной волнистой линией под заостренным валиком (рис. 11,5).

⁷ В этой связи преждевременным выглядит утверждение И. Б. Тесленко и А. В. Лысенко о массовости горшков с рельсовидным венчиком в комплексах первой половины XVI в. со ссылкой на неопубликованный отчет об исследованиях средневекового храма на поляне Ай-Констант на горе Аю-Даг в 1999 г. и материалы зольника конца XV-XVII вв. (?) в башне Орта-Куле в Алустане [92, с. 269]. В последнем случае интересующая нас находка входит в комплекс разновременных изделий от IX-X до XVIII-XIX вв. в верхних наслоениях и поэтому не может быть датирована узко [90, с. 150-155, рис. 22,1].

Структура *столовой керамики* из 2-го слоя на площади квадрата Б представлена в специальной таблице (табл. 2).

Таблица 2

Структура комплекса столовой керамики 2-го слоя из квадрата Б

№	Столовая керамика	Всего фр-тов	%
1	Краснолаковая	1	0,3
2	Глазурованная групп GWW-I и GWW-II (по Дж.Хейсу)	4	1
3	Простая гончарная	184	46,7
4	Глазурованная "сграффито" конца XIV-XV вв.	147	37,3
5	С подглазурной росписью кобальтом производства Изник ("Милетская серия")	2	0,5
6	Глазурованная конца XV-XVI вв.	56	14,2

Традиционно столовая керамика делится на глазурованную и неглазурованную. При этом следует отметить их примерно равные пропорции в комплексе – соответственно 53% и 46,7%. Еще на один момент необходимо обратить внимание. Бытование подавляющего большинства сосудов из рассматриваемого горизонта, даже с учетом обычных трудностей, с которыми сталкиваются исследователи на этапе подбора аналогий и датировки неполивной бытовой керамики, относится к позднесредневековому периоду в истории Таврики. Находки раннесредневекового времени представлены единичными обломками краснолаковой посуды и ранней византийской поливной белоглиняной керамики групп "Glazed White Ware I и II" по Дж. Хейсу, которые датируются в целом, соответственно, VII – первой половиной IX вв. и IX – началом XII вв. [70, р. 15-29]. К группе GWW I относится подтреугольный в сечении с внутренней подрезкой край от блюда под желтой глазурью (рис. 22,7), к группе GWW II – фрагменты дна на высоком кольцевом поддоне (рис. 22,9) и слабоотогнутого венчика с выступающим внутренним краем от миски (тип 1 по Дж. Хейсу) (рис. 22,8) под зеленой глазурью, а также блюда с "прокатанным" (рельсовидным) краем (тип 2 по Дж. Хейсу) (рис. 22,10), крытого желтой поливой.

Неглазурованная посуда в слое представлена фрагментами плоскодонных кувшинов, изготовленных из близкого по структуре плотного теста с примесью известняка, карасана, органики, покрытых ангобом в тон черепку, отличающихся друг от друга по форме горловой части:

1. С узким, S-видным горлом и подтреугольным в сечении венчиком (рис. 12,2).
2. С узким, цилиндрическим горлом и клювовидным венчиком (рис. 12,3).
3. С узким, воронковидным горлом и валикообразным венчиком (рис. 12,4).
4. С широким усеченно-коническим горлом и рельсовидным венчиком (рис. 12,5).
5. С вытянутым оваловидным корпусом, невысоким горлом и вертикальным непрофилированным венчиком, к которому крепилась ручка, овальная в сечении, украшенная росписью линиями светлого ангоба – простые либо пересекающиеся

в виде неправильных ромбов (рис. 12,6). Подобные кувшины известны по раскопкам зольника конца XV-XVI вв. (?) с разновременными материалами в башне Орта-Куле крепости Алустон [98, с. 205-206, рис. 112].

Как видим, фрагментарность представленных столовых кувшинов в совокупности со слабой изученностью бытовой неполивной керамики позднесредневековой Таврики оставляют открытыми для большинства из них вопросы их распространения и датировки. Лишь с учетом того, что некоторые из них – кувшины с клювовидным и рельсовидным венчиками, с росписью линиями светлого ангоба – типичны для материального комплекса Мангупской цитадели периода княжества Феодоро, хронология данной группы изделий предварительно определяется в пределах XIV-XVI вв.

Поливная керамика из 2-го слоя представлена, прежде всего, фрагментами красноглиняных сосудов открытого типа на кольцевых поддонах – пиалами, мисками, чашами с вертикальным валикообразным, вогнуто-выпуклым, подтреугольным в сечении либо заостренным венчиками, тарелками с сильно отогнутым краем. После обжига черепок приобретал различные оттенки – от светло-коричневого до кирпично-красного цвета. Глиняное тесто плотное, хорошо промешанное, с мелкими включениями частиц известняка, органики, карасана, песка. Внутреннее поле изделий, как и верхний наружный кант мискообразных и чашеобразных сосудов, покрывались монохромной зеленой (рис. 12,7,10; 13,7; 14,2; 15,1,5,7,9) либо желтой глазурью (рис. 13,1,4,6,8; 14,6; 15,3,8), иногда с зеленой и коричневой подцветкой окислами металлов (т.н. “полихромная глазурованная керамика”) (рис. 12,8,9,11; 13,2,3,5; 14,1,3-5,7; 15,2; 16,1,3-5,7,8). Последняя, как правило, декорирована в технике “сграффито” по светлому ангобу. Типичны композиции растительного характера, обрамленные одной или двумя концентрическими линиями.

По форме и особенностям орнаментации, данная группа поливной керамики находит множество аналогий среди опубликованных материалов XIV-XV вв., полученных в ходе археологических исследований городских центров и поселений горной и южнобережной Таврики, а также за ее пределами [27, с. 65-66, 68, рис. 18; 19; 20,1-2; 99, с. 91, рис. 8; 57, с. 70-73, рис. 10; 11; 100, с. 74-81, рис. 4,3-11; 5; 6,6-14; 41, fig. 50-51; 42, с. 67-77, рис. 26-28; 101, с. 203-204, рис. 6,9-14; 7; 78, с. 99-103, рис. 38,3,8-10; 39,2; 41; 102, с. 16, рис. 10,5,6,8; 48, с. 89, рис. 9; 98, рис. 115,2-3; 103, с. 216-218, табл. 6, 1-11,15-27,29,33-42; 7,1-9,23-25,27-38; 90, с. 150, 157, рис. 14,25-35; 91, рис. 22,1,4-5,8-18; 92, с. 269, рис. 17]. На сегодняшний день среди специалистов преобладает убеждение о том, что она производилась во многих городских центрах Северного Причерноморья, в Крыму, предположительно – в Каффе, Солдае, Алустоне, Чембало и др. [104, с. 147; 105, с. 82-89; 106, с. 108-112; 107, с. 324-348], сохраняя при этом морфологические и композиционно-орнаментальные принципы поздневизантийской глазурованной посуды в технике

“сграффито”. На Мангупе подобная керамика известна по раскопкам дворца и цитадели, являясь, таким образом, выразительной составляющей материального комплекса городища 20-70-х гг. XV в. [7, с. 399, рис. 13; 8, с. 116-130, табл. 1-4; 19, с. 72, рис. 1,6-8; 2,1-3; 22, с. 261-262, рис. 5,1-4,6-8; 6,1-5; 7-16]. Не исключено, что она также имеет местное происхождение, на что помимо обилия и разнообразия ассортимента изделий указывают находки камней песчаника с каплями светло-зеленой глазури и керамического брака [22, с. 262]⁸.

Безусловно, несмотря на свою кажущуюся однородность, проблемы появления и прекращения использования поливной керамики в технике “сграффито” в целом, выделения отдельных хронологических и региональных серий сосудов требуют дополнительного изучения. В этой связи следует обратить внимание на два фрагмента доньев полусферических чаш (?) на кольцевом поддоне под желтой кроющей глазурью, практически все внутреннее поле которых покрыто сложным декором растительного характера. Особенностью техники орнаментации является зеленая и коричневая подцветка линий различной толщины, которыми выполнен гравированный рисунок (рис. 16,2; 17). Такая керамика присутствует в небольшом количестве в комплексах XV в. цитадели Мангупа [22, с. 262, рис. 11; 14,8; 15], верхнем культурном горизонте функционирования христианского некрополя близ села Малый Маяк [92, с. 269, рис. 18], она известна по раскопкам позднесредневековых слоев Таманского городища [101, с. 203, рис. 7,2,4]. По форме и стилю орнаментации ей близка группа чашеобразных сосудов из Афин, датированных XV и XVI (?) вв. [39, р. 97-101, №№ 112-116].

К числу *импортной поливной керамики*, использовавшейся на Мангупе это время, несомненно, следует отнести фрагмент дна красноглиняной (тесто плотное с включениями известняка, органики, карасана) чаши (?) на кольцевом поддоне с росписью растительного характера кобальтом по светлому ангобу, после чего сосуд был покрыт бесцветной глазурью (рис. 16,6). Принадлежит группе раннеосманских глазурованных изделий, производившихся в Изнике на протяжении всего XV в. и, возможно, в начале следующего столетия (так называемая серия “Miletus Ware”) [108, р. 233-235, fig. 44; 45; 109, р. 82-85, 90, 115, 119, 141-142, 144-145, 147, 176, 179, 278-279, 283-284; 70, р. 238-239, fig. 92-93, pl. 26-29]. Кроме Константинополя и Изника данная керамика известна по раскопкам Варны [110, с. 430, обр. 1], Азова, Белгорода-Днестровского, средневековых памятников Грузии⁹, а также ряда городских центров

⁸ Фрагмент спекшихся при обжиге двух доньев на кольцевых поддонах от поливных сосудов открытого типа с орнаментом “сграффито” обнаружен во время археологических исследований позднесредневековой жилой и хозяйственной застройки к северо-западу от так называемого “Храма Богородицы” в 2002 г.

⁹ В данном случае ссылаемся на историографический обзор И. Б. Тесленко, так как отмеченные в нем источники информации о находках красноглиняной керамики с подглазурной росписью кобальтом оказались нам не доступными [111, с. 386].

южнобережной и горной Таврики (Гурзуф, Симеиз, Ореанда, Бакла, Фуна, Алушта, Судак, Балаклава, Инкерман, Морское, Партенит) [57, с. 76, рис. 15; 100, с. 83-84, рис. 7,4-7; 78, с. 101-102, рис. 42; 90, с. 154, рис. 19-21; 91, с. 212, рис. 22,7-8; 111, с. 388-393, рис. 1-15]. На территории Мангупа фрагменты сосудов группы "Miletus Ware" обнаружены в ходе изучения дворца и цитадели, что позволяет с учетом археологического контекста находок определить время их бытования на городище серединой – второй половиной XV в. и, возможно, самым началом XVI в. [7, с. 402, рис. 16; 22, с. 263, рис. 18; 19,1-6]. Это заключение совпадает с результатами специального исследования хронологии использования поливной керамики с подглазурной росписью кобальтом и на других памятниках Крыма [111, с. 393-394]¹⁰.

Остальная глазурованная керамика из 2-го слоя представлена немногочисленными фрагментами изделий следующих форм:

1. Светлоглиняные чаши плотного теста с примесью известняка и органических остатков со сферическим корпусом и вертикальным валикообразным краем, покрытые зеленой монокромной глазурью. На внешней стороне одной из них сохранился фрагмент растительного декора, выполненного тонкой линией (рис. 15,4,6).

2. Красноглиняная неглубокая миска с вертикальным непрофилированным краем, плотного теста с примесью известняка, карасана, органики, покрытая темно-зеленой глазурью (рис. 15,5).

3. Красноглиняные плоскдонные кувшины из плотного теста с примесью известняка, карасана, органики, покрытые зеленой глазурью. От одного сосуда сохранились фрагменты невысокого усеченно-конического горла с венчиком в виде полувалика и овальной в сечении ручки (рис. 18,1-3).

4. Красноглиняные туваки плотного теста с примесью известняка, карасана, органики с цилиндрическим корпусом, завершающимся сильно отогнутым венчиком, и плоским дном, чуть выше которого горизонтально крепилась овальная в сечении ручка. Покрыты глазурью зеленого (рис. 18,5-8) либо желтого цвета (рис. 18,4).

Хронология данных изделий определяется пока приблизительно. Обычно они характеризуют материальный комплекс городища "турецкого" времени, хотя подобные красноглиняные миски, туваки и особенно кувшины встречаются в небольшом количестве уж в слоях разрушения застройки цитадели, датированных концом XV в.

¹⁰ Важно подчеркнуть, что близкие выводы получены исследователями независимо друг от друга. Гипотеза в отношении хронологии мангупского материала была озвучена нами в 1998 г. на конференции в Ялте. Она обосновывалась в основном стратиграфическими наблюдениями, сделанными в ходе раскопок Мангупа. И. Б. Тесленко же оперирует ситуацией на иных памятниках, главным образом, в Алустане и Фуне.

Анализ группы *индивидуальных изделий* из слоя носит в целом описательный характер, что обусловлено их недостаточной изученностью. В отличие от комплекса вещественных находок периода раннего средневековья, некерамические артефакты X-XVII вв., обнаруженные в ходе раскопок памятников полуострова, по большей части не систематизированы, имеют зачастую дискуссионное функциональное определение, широкую датировку и поэтому, в полной мере, не могут быть использованы в качестве хронологических индикаторов на этапе обработки и публикации результатов археологических исследований. Сказанное заставляет при интерпретации материала опираться, прежде всего, на стратиграфическую ситуацию Мангупского городища, лишь по мере необходимости расширяя круг аналогий внешними примерами.

При выборке 2-го слоя с площади раскопа обнаружены два *пряслица*: красноглиняное плоское (рис. 19,11) и сероглиняное биконическое с подлощенной поверхностью (рис. 19,10). Последнее находит аналогии в материалах V-VII вв. Скалистинского могильника [112, с. 189 (тип 1)]. *Изделия из кости* представлены фрагментами дисковидных с отверстием пуговиц, украшенных врезными концентрическими линиями, крепившихся, очевидно, на узле (рис. 19,12-13), и астрагалом со свинцовой заливкой для утяжеления (рис. 23,7). Идентичные пуговицы присутствуют в коллекции костяных изделий Саркела [113, с. 103, рис. 52,10], комплексах XIV в. Белгорода-Днестровского и Судака [42, рис. 33,5; 56, с. 555, рис. 28,15-16], в зольнике конца XV-XVI вв. в башне Орта-Куле в Алустане [90, рис. 13,7,10-11]. Астрагалы, хорошо известные на античных памятниках Северного Причерноморья, продолжают использоваться как игральные кости вплоть до XIV-XV вв. [114, с. 86; 115, с. 93; 42, с. 85, рис. 33,5; 78, с. 113; 95, с. 44, табл. 2,8-9,11-12]. Из находок *стеклянных изделий* отметим сферические бусы из бесцветного (рис. 19,8) и черного пастового стекла (рис. 19,9), фрагменты браслетов подовальных и плоских в сечении из синего пастового стекла (рис. 19,1-2), мелкие обломки вертикального валикообразного, отогнутого непрофилированного и отогнутого полого венчиков и доньев на кольцевом поддоне от сосудов открытого типа из синего (рис. 19,4,6) и бесцветного прозрачного стекла (рис. 19,3,5,7). Их точной хронологической идентификации в комплексе мешают либо сильная фрагментарность (стеклянные сосуды), либо длительный период использования (бусы, браслеты). К примеру, браслеты из синего пастового стекла, войдя в моду у населения Таврики еще на рубеже IX-X вв. [116, с. 47], фиксируются в комплексах усадеб конца XI в. – 1278 г. Северного района Херсона [81, с. 221-222, рис. 24,1-6,8,15]. На Мангупе они известны по раскопкам базилики в центральной части плато [6, рис. 45]. На территории цитадели происходят из горизонтов 20-70-х гг. XV в., хотя использовались на городище, несомненно, и в более раннее время.

Группа *медных предметов* из слоя представлена листовидными подвесками с отверстиями под петлю (рис. 19,20-21), округлой заклепкой (рис. 20,9),

шаровидной пуговицей с петелькой (рис. 20,10). Такие пуговицы извлечены из скальных гробниц пещерных храмов у главных ворот Эски-Кермена [116, с. 47, рис. 6,6-8,16-17; 7,16], известны по раскопкам христианских некрополей – около храма Иоанна Предтечи на Боспоре (горизонт конца X – начала XII вв.) [117, с. 365-373, рис. 17,6,8,9,15,22,25,27-28,41], в квартале X в Северном районе Херсона (конец XI в. – 1278 г.) [81, с. 216, рис. 20,15-19], на окраине села Малый Маяк [92, с. 266, рис. 12,10-12,22,30], около двухапсидного храма близ крепости Фуна (могила № 7; XVI в.) [118, с. 203, рис. 8,8], поселений Молдавии, где они датируются серединой XIV в. [41, fig. 40,3].

Из бронзы были изготовлены каплевидная пуговица с петлей от верхней одежды (?), на щитке которой сохранились следы гравированного орнамента растительного характера (рис. 19,16), бесщитковый перстень с жуковиной под квадратную вставку из бесцветного стекла (рис. 19,14), фрагмент каплевидной бляхи (?) с прорезным ажурным орнаментом, дополненным гравировкой (рис. 19,15), S-видные подвески с гладкой и рифленой поверхностью с бутонообразными выступами на концах (рис. 19,17-18), фрагмент прямоугольного приемника (?) от пряжки (рис. 19,19), пряжка с прямоугольным приемником для ремня и овальной рамкой (рис. 21,3), втульчатый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 23,4). За исключением последнего, который принадлежит к артефактам из области скифо-сарматской археологии и может рассматриваться как одна из наиболее ранних случайных находок на Мангупе, а также каплевидной пуговицы, связанной с пребыванием турецкого гарнизона на территории цитадели городища, вопрос датировки всех остальных бронзовых изделий из слоя следует оставить открытым.

Среди группы железных предметов во 2-м слое отметим большое количество обломков кованых гвоздей с плоской шляпкой (всего 493 фрагмента), фрагменты ножей, в том числе с костяными накладками на рукоятках, украшенными врезным линейным и циркульным орнаментом (рис. 20,1-2), пружинного замка (рис. 23,2), плоского креста с равноконечными ветвями (рис. 23,5), сапожную набойку (рис. 20,6), полусферическую подкову с тремя отверстиями (рис. 21,8), прямоугольные рамку (рис. 20,7) и приемник от поясных пряжек (рис. 21,4), крепительные стержни с кольцом (рис. 20,3; 23,3), ключи (рис. 20,4; 21,10), фибулы – пальчатую (рис. 21,9) и с прогнутой спинкой (рис. 23,6), рукоятку от складной бритвы (рис. 23,1). Неясно назначение двух предметов – с круглой двойной шляпкой и стержнем (заклепка?) и стаканообразного с плоским дном (деталь ножен?) (рис. 20,8; 21,2). Предметы вооружения представлены фрагментом пластины от панцирного доспеха с остатками железных заклепок (рис. 20,5), черешковыми наконечниками стрел – с листовидным, в том числе с загнутым от удара о твердую поверхность, острием (рис. 21,5-7) и ромбовидным в сечении пером (рис. 19,22-30). К этой же группе находок относится известняковое ядро от пращи (рис. 19,1). Аналогичные

панцирные пластины найдены при раскопках генуэзского укрепления третьей четверти XV в. Чобан-Куле [91, с. 208, рис. 20,15-17,22-23]. Подобные, но не идентичные, листовидные наконечники стрел происходят из комплексов XIV в. Тырнова [119, с. 284, обр. 97,б), Молдавии [41, fig. 30,4-5], Белгорода-Днестровского [42, с. 84, рис. 33,4], Судака [56, рис. 19,12], поселения Кринички II [95, с. 47, табл. 5,5, с. 175, табл. 23,23]. Однако, стратиграфические наблюдения на цитадели и других объектах на Мангупском плато показывают, что они массово присутствуют и в комплексах следующего столетия. В "турецкий период" жизни городища их сменяют черешковые наконечники стрел с ромбовидным в сечении пером, нижняя граница использования которых определяется находками из Чобан-Куле [91, рис. 20,18] и верхних культурных горизонтов дворцового комплекса 1425-1475 гг. на Мангупе [7, с. 403, рис. 17,м].

Нумизматическая коллекция состоит из 27 монет. За исключением одной плохо сохранившейся монеты позднеримского времени (см. Приложение 1, № 13), все остальные серебряные номиналы выпускались в период Крымского ханства. Обращает на себя внимание большая группа монет правления хана Менгли-Герая I (1475-1515), чеканенные в промежутке между 1492 и 1515 гг. (всего 19 экземпляров). Наиболее поздней нумизматической находкой является монета 1588 г. выпуска Гази-Герая II (1588-1607/1608), определяющая, очевидно, как время завершения формирования 2-го слоя на территории м. Тешкли-бурун, так и его появления на площади раскопа (см. Приложение 1, № 37).

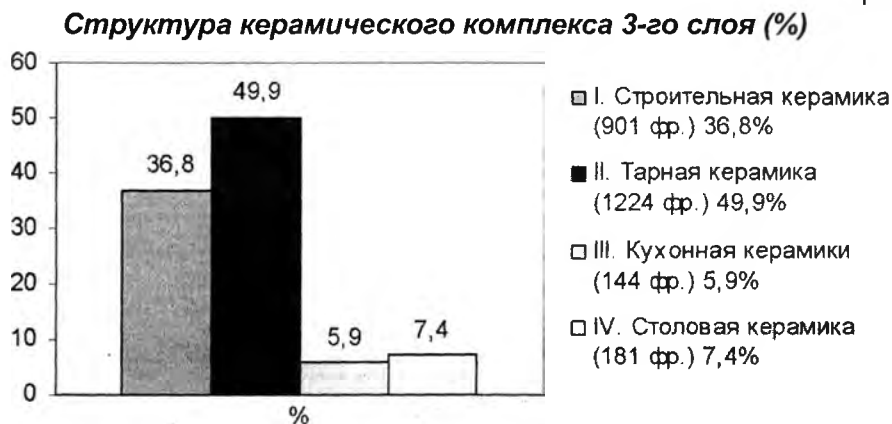
В заключении характеристики индивидуальных изделий в слое отметим *моливдовул* с крестообразной инвокативной монограммой на аверсе и монограммой (имени, должности?) на оборотной стороне, датируемый предположительно VII-VIII вв. Данная находка, пополняющая пока немногочисленную группу византийских печатей, найденных на городище, невзирая на отсутствие ясного археологического контекста, представляет собой самостоятельный источник по истории раннесредневекового Мангупа, но требует, безусловно, отдельного исследования.

Суммируя наблюдения, отмеченные в процессе анализа археологического материала из 2-го слоя, можно сделать следующие выводы в отношении хронологии и происхождения комплекса. Он состоит из трех хорошо выраженных хронологических групп находок. Раннесредневековый блок (амфоры, лепная керамика, краснолаковые и поливные сосуды), не выходящий за пределы X-XI вв., включает в себя около трети от общего количества артефактов в слое (33%). Более 60% находок керамики, стеклянных, костяных, металлических изделий, с определенными оговорками, характеризует материальный комплекс городища XIV-XV вв., прежде всего, его наиболее изученной на сегодня в археологическом отношении части – Мангупской цитадели. Еще около 5% вещественных материалов (фрагменты желобчатой черепицы типа "татарка", глазурованных мисок,

чаш, кувшинов, туваков и особенно нумизматическая коллекция) уверенно могут быть отнесены к концу XV-XVI вв. Время завершения формирования горизонта определяет наиболее поздняя датированная монета (выпуска 1588 г.) – конец XVI – начало XVII вв. Показательно отсутствие в нем комплекса артефактов XII-XIII вв., крайняя немногочисленность которых подтверждается работами и на других участках городища. Стратиграфические наблюдения позволяют рассматривать версию “сброшенности” 2-го слоя с поверхности мыса как наиболее обоснованную при решении вопроса о его происхождении. По крайней мере, веских оснований, чтобы связать данный горизонт с функционированием поселения за пределами крепостных стен (остатки построек, крепид, хозяйственных сооружений и т.д.), у нас нет. В таком случае, представленный комплекс свидетельствует о том, что при расчистке от мусора дневной поверхности м. Тешкли-бурун в “турецкое” время был уничтожен участок культурных напластований вблизи его юго-восточного края, отражавший все основные исторические этапы жизни акрополя Мангупского городища.

Третьим слоем на всей поверхности раскопа, за исключением северо-восточной части квадрата Б, является светло-серый плотный грунт почти без камня, насыщенный щебнем, известковой и керамической крошкой, углями, прослойками разложившегося известкового раствора, образующих в некоторых местах подобие “корки”. Его мощность колеблется в пределах 0,40-0,60 м. На участке подъездной дороги (квадрат Г), где 3-й слой залегал непосредственно под напластованиями современного мусора и дерна, его нижний горизонт представлял собой практически сплошную прослойку керамического “боя” (рис. 5-8). Из-за того, что 3-й слой в квадрате Б зафиксирован лишь незначительным по площади наплывом вдоль юго-западной бровки, наш анализ археологического материала следует ограничить комплексом находок в квадратах А, В и Г, имевшим сходную структуру. Его характеризуют, прежде всего, обломки (2450 фрагментов) строительной, тарной, кухонной и столовой керамики (см. график 2).

График 2

Как видно из графика, чуть более трети керамических находок представлены фрагментами *строительной керамики*. Подавляющее большинство из них (более 90%) принадлежит керамидам и калиптерам, имеющим глиняное тесто и морфологию, аналогичные красноглиняной ангобированной черепице, описанной во 2-м слое, которая доминирует на памятниках Мангупского городища в период княжества Феодоро (XIV-XV вв.). Отметим полное отсутствие фрагментов черепицы XVI-XVII вв. типа “татарка”. Лишь 8,7% от общего числа находок строительной керамики (78 фрагмента) составляют обломки ангобированной красноглиняной рыхлого плохо промешанного теста с известняковыми “разводами”, крупными включениями шамота и железистых частиц черепицы с высоким (до 6,0-6,5 см) прямоугольным либо подтреугольным в сечении бортиком. Подобные керамиды известны из комплекса середины – второй половины IX в. поселения Ходжа-Сала у подножия Мангупа [11, с. 325, рис. 1,1 (группа 3)]. Однако, в целом хронология и форма данной группы керамики пока изучена слабо.

Тарная керамика составляет около половины находок в 3-м слое (1224 фрагментов). Из них около 20% стенок красноглиняных пифосов, амфор и крупных тарных сосудов остались неопределенными (табл. 3). Большинство из них происходило с площади квадрата В, крутой рельеф которого, вероятно, обусловил, в отличие от других участков, сильный раскат слоя “сброса” и соответственно значительное повреждение фрагментов керамики.

Таблица 3

Структура комплекса тарной керамики из 3-го слоя

№	Тарная керамика	Всего фр-тов	%
1	Раннесредневековые амфоры (типы 95 и 100 по Зеест, тип V по ХК-71, классы 1, 2, 12 по ХК-95)	207	16,9
2	Амфоры-кувшины класса 41 по ХК-95	457	37,3
3	“Причерноморские” амфоры класса 24 по ХК-95	211	17,2
4	“Причерноморские” амфоры класса 36 по ХК-95	94	7,6
5	Амфоры класса 52 по ХК-95 и позднесредневековые тарные кувшины	10	0,8
6	Неопределенные тарные сосуды	245	20,2

Из таблицы соотношения различных групп тарной керамики следует, что наиболее поздними в слое являются единичные фрагменты, менее 1% от общего числа тарных сосудов, плоскодонных красноглиняных ангобированных амфор с внутренней бугристой поверхностью класса 52 по ХК-95, традиционных для культурных горизонтов XV в. цитадели Мангупа, и крупных кувшинов тарного назначения этого же времени. Среди последних особо отметим фрагмент цилиндрического горла со слегка скошенным вовнутрь краем, украшенным снаружи врезной волнистой линией под заостренным валиком, от

коричневоглиняного сосуда, аналогичного уже описанному выше (рис. 11,5; 25,1). Как и во 2-м слое, но в значительно меньшей пропорции, в 3-м слое в качестве "примеси снизу" присутствуют обломки раннесредневековых амфор, характерных для комплексов городища VI-VII вв. – красноглиняных круглодонных желобчатых типа V по ХК-71, коричневоглиняных с большим содержанием слюды типа 95 по Зеест, красноглиняных с расширяющимся книзу горлом типа 100 по Зеест, коричневоглиняных с сужением корпуса класса 1 по ХК-95, светлоглиняных с вытянутым "морковкообразным" корпусом типа *carottes*, светлоглиняных с рифлением корпуса типа "набегающая волна" класса 12 по ХК-95 (около 17%). Более же 60% тарной керамики составляют фрагменты амфор трех типов – высокогорлых амфор-кувшинов класса 41 по ХК-95, "причерноморского типа" классов 24 и 36 по ХК-95, обычно доминирующих среди изделий данной группы в комплексах Северного Причерноморья и Таврики на протяжении периода IX-XI вв. Остановимся на них подробнее, так как их совместная находка в слое во многом определяет его хронологию.

Наиболее многочисленны (37,3%) фрагменты плоскодонных коричневоглиняных *высокогорлых кувшинов с плоскими широкими ручками* (глиняное тесто относительно плотное с включениями известняка, песка, пироксена, железистых минералов), которые из-за своего использования иногда в литературе включают в группу амфор (рис. 24,1,2,4; 27,1-3; 30,5,8). Они хорошо представлены по опубликованным результатам археологических исследований Херсонеса и его округа [62, с. 91-92, рис. 20; 21; 47, с. 32-33, рис. 14; 64, с. 63-66; 79, р. 97, fig. 4,44; 120, с. 318-320, 325, рис. 5; 10,3-6; 121, с. 354; 122, с. 230-239, рис. 1-9], сельских поселений и укреплений горной части Таврики (Бойко, Бакла, Горный Ключ, Эски-Кермен, Мангуп и др.) [99, рис. 7,6; 123, рис. 17,3; 124, с. 41-42, рис. 9; 125, с. 43-47; 126, с. 99-100; 127, с. 60, рис. 9,3; 128, с. 39, рис. 4,1-6,9-12; 78, с. 88-89; 10, с. 231, рис. 4,2-6; 11, с. 335-336; 13, с. 134-138, рис. 4,2-7], на южнобережных памятниках полуострова (Партенит, Алустон) [57, с. 64, рис. 8,5; 48, рис. 6; 129, с. 51, рис. 3,5-7], в Северо-Западном (Тарпанчи, Керкинитида, Сакская пересыпь) [130, с. 259, рис. 2,10; 131, с. 27, рис. 5,6; 132, с. 276], Юго-Восточном (Тепсень, Судак) [133, с. 133-134, рис. 24,2; 134, с. 152, рис. 5,1; 135, с. 168, рис. 10,6; 136, с. 86; 137, с. 104, рис. 3,4,8,9; 156, с. 75, рис. 2,9] и Восточном Крыму (Алексеевка, Тиритака, Пташкино, Керчь, Героевка, Заветное) [138, с. 102-103, рис. 39,4; 139, с. 51, рис. 57; 140, с. 141, рис. 8; 141, р. 191-192, pl. 1, 4; 142, с. 55 (признак 15), 65-81, рис. II,15; VII,26-39; IX,17-25; XIII; XVI,14-33; 143, с. 197, рис. 3,3-5; 144, с. 169-173, рис. 3,3,5,7-9; 5,1-7; 7,7-12; 145, с. 271, рис. 8,3; 146, с. 46, рис. 4,1]. Входят в состав комплексов кораблекрушений, выявленных в Судакской и Коктебельской бухтах [147, с. 224, рис. 2; 148, с. 84, рис. 6; 149, с. 97, рис. 28]. За пределами полуострова известны, главным образом, на памятниках Приазовья и Нижнего Подонья, особенно многочисленны в культурных горизонтах X-XI вв. Саркела и

Таманского городища [150, с. 249, рис. 34; 151, с. 52-58, рис. 33; 35; 152, с. 131, 133, рис. 33,3,4; 153, с. 330, рис. 59,4; 154, с. 474, 476; 45, с. 175, табл. 67,40-42; 70,1-3].

Несмотря на наличие высокогорлых кувшинов с плоскими ручками в комплексах Константинополя, датированных по совокупности находок серединой X – второй половиной XI вв. [70, р. 117, 120, 126, 183, 186, 191, fig. 63,6; 66,41; 71,53], очевидно их “северо-причерноморское” происхождение. В то же время подчеркнем, что отсутствие находок гончарных печей по производству кувшинов, бракованных изделий не позволяет пока локализовать центры их изготовления. Наиболее вероятной, но не имеющей прямых доказательств, остается гипотеза о восточнокрымском или таманском происхождении сосудов данного вида. После уточнения датировки нижнего слоя (“пласта”) Саркела, общие хронологические рамки бытования высокогорлых кувшинов уверенно определяются в пределах середины (?) / конца IX – начала XII вв., хотя, как массовый материал, они используются в X-XI вв. [155, с. 74; 125, с. 45-47; 64, с. 63; 79, р. 192; 120, с. 319-320; 13, с. 138]. Оптимальность этой хронологии подтверждается стратиграфическими наблюдениями на многослойных памятниках, прежде всего, таких как Херсон, Сугдея, Боспор, Саркел, Таматарха, а также анализом недавно введенных в научный оборот археологических комплексов с византийскими монетами от Василия I (867-886) до Михаила VII Дуки (1071-1078) из Херсона (засыпь рыбозасолочных цистерн №№ 3 и 5 во дворе дома в квартале X “Б”) [120, с. 312-327] и портовой части Сугдеи (комплекс постройки во дворе раннесредневекового укрепления) [135, с. 160-171]¹¹. На Мангупе кувшины класса 41 по ХК-95 являются характерным материалом для культурных горизонтов X-XI вв.

Круглодонные красноглиняные *амфоры “причерноморского типа”* – с яйцевидным гладким корпусом, украшенным в верхней части мелким зональным рифлением (далее – МЗР), выполненным мелкозубчатым гребенчатым штампом, коническим горлом, в средней части которого крепятся овальные в сечении ручки с ребром, отогнутым плоско срезанным или валикообразным венчиком (тип XIV по ХК-71 [62, с. 88-89, рис. 15], вариантов 1 и 3 (?) по Якобсону [47, с. 29-32, рис. 12; 13,5-8], класс 24 по ХК-95 [64, с. 50-52], тип 24 по Сазанову [79, р. 92, fig. 2,24,2])¹² и желобчатые с невысоким горлом, непосредственно к которому или

¹¹ Более подробно о хронологии высокогорлых кувшинов с плоскими ручками см.: 13, с. 135-138. Отмечая качественную публикацию С. Г. Рыжовым и Л. В. Седиковой материалов из засыпи цистерны № 5 в Северном районе Херсонеса, позволим себе видеть в трех наиболее поздних монетах Василия I из нее датирующие находки. В этом случае перед нами наиболее ранний известный комплекс с высокогорлыми кувшинами в Северном Причерноморье, требующий корректировки предлагаемой авторами для него даты (начало – первая половина X в.) в сторону ее удрвнения, возможно, до последней трети IX – начала X вв.

¹² Разновидностью амфор класса 24 в классификации 1995 г. херсонесских амфор являются сосуды классов 26 и 27, имеющие сходную морфологию верхней части – коническое горло, отогнутый плоский с западиной или без нее венчик, МЗР снаружи изделия, овальную в сечении с ребром ручку [64, с. 53-55]. Вариантами типа 24 по Сазанову выступают сосуды типов 28 и 29 той же классификации [79, р. 94, fig. 3,28,29].

чуть ниже крепятся овалы в сечении ручки с ребром (тип XVI по ХК-71 [62, с. 90], вариант 2 по Якобсону [47, с. 31, рис. 13,1-3], класс 36 по ХК-95 [64, с. 60-61], типы 25, 41, 42 по Сазанову [79, р. 92, fig. 2,25; 4,41,42]) – составляют около четверти комплекса тарной керамики (соответственно 17,2% и 7,6% фрагментов). Изготовлены из плотного хорошо отмученного теста с включениями известняка, шамота и пироксена; снаружи покрыты светлым ангобом. Свое название получили благодаря, во-первых, открытию в округе Херсонеса, на Южном берегу Крыма, в горной и юго-восточной частях полуострова многочисленных гончарных центров (всего известно 35) по их производству, на 17 из которых в 40-80-х гг. XX в. проводились археологические раскопки [157, с. 113-126; 158, с. 52-72, рис. 1], во-вторых, ареалу распространения. Являются характерными формами амфорной тары в Северном Причерноморье и Таврике на протяжении VIII / IX – XI вв. Однако, судя по опубликованным материалам, “причерноморские” амфоры обоих типов имели множество региональных вариаций, отличавшихся морфологически и по структуре формовочной массы, разработка хронологии которых остается пока недостаточной.

К сожалению, в нашем слое преобладают стенки сосудов (292 из 305 фрагментов). Профильные части представлены лишь несколькими обломками – плоского с внутренней западиной венчика от амфоры класса 24 по ХК-95 (рис. 24,7), валикообразного венчика и ручек от амфоры класса 36 по ХК-95 (рис. 24,3; 30,6,11). При такой немногочисленности профилей сосудов анализ следует сосредоточить на поиске прямых аналогий указанным горловым частям изделий, ориентируясь на комплексы, где присутствуют уже описанные выше высокогорлые кувшины с плоскими ручками.

Яйцевидные гладкостенные амфоры, как правило, с МЗР в верхней части корпуса, с коническим горлом и отогнутым плоским венчиком с внутренней западиной или без широко известны на многих памятниках Крыма и за его пределами. Выразительная серия датированных комплексов, где они представлены фрагментами либо целыми экземплярами, происходит из Херсона и его ближайшей округи – насыпей городского водохранилища первой половины IX в. [159, с. 139, рис. 4,1-4,6; 64, с. 47-48, 53-55, табл. 22,97-98; 24,99-104; 160, с. 170-71, рис. 1-2], колодца в Портовом квартале 1 того же времени [64, с. 47, 50-52, табл. 20-21; 22,95], колодца в цитадели городища конца IX в. с двумя монетами Василия I (867-886) [161, с. 123-124, рис. 1], вместе с высокогорлыми кувшинами с плоскими ручками из заполнения цистерны под “базиликой 1987 г.” последней трети X – начала XI вв. (дата определяется наиболее поздней монетой Константина VII Багрянородного (945-959) и комплексом ранневизантийской поливной керамики), слоя пожара домов и хозяйственных сооружений на месте усадьбы античного надела № 32 на правом берегу Камышовой бухты на Гераклеяском полуострове, датированном по херсоно-византийским монетам с

монограммой "ро" концом XI в. [121, с. 354-355; 122, с. 240-242, рис. 11, 12]. Отметим выразительный набор амфор интересующего нас типа из кораблекрушения близ с. Учкучевка [162, с. 24-25, рис. 1, 1-8 (типы 1 и 2)]. Один из возможных центров производства таких амфор во второй половине IX в. открыт на противоположном Херсонесу берегу Севастопольской бухты, в районе Радиогорки [163, с. 149-158; 164, с. 435-439, рис. 3; 5; 9 (тип 2)].

На исследованных памятниках Северо-Западного Крыма амфоры класса 24 входят в состав заполнения средневековой хозяйственной ямы на месте Керкинитиды [131, с. 27, рис. 5, 1-5] и зольного слоя укрепления (маяка?) у с. Окуневка (Тарпанчи) [130, с. 258-259, рис. 2, 6, 7, 9, 11]. В горной части полуострова они известны по материалам раскопок сельских поселений на плато Кыз-Кермен, Байдарской (Бобровка, Передовое, Гончарное) и Бельбекской долин (Горный Ключ, Поворотное) [124, с. 72, 95, 105, 113; 165, с. 18; 167, с. 139-140, рис. 12, 4; 168, с. 200, рис. 30; 31, 2], у подножия Мангупа (Ходжа-Сала) и из стен крестообразного храма на его юго-восточном склоне [11, с. 326-332, рис. 2 (тип 1 и 2); 10, с. 231, рис. 4, 10], на южном берегу Крыма – в Партените [48, с. 74, 77]. В Южной Таврике исключительно такие амфоры производились в гончарных центрах у с. Трудолюбовка, в Алуште, Ялте (на территории санатория "Кипарисный"), Ливадии [57, с. 59-61, рис. 3, 1-8; 4, 2-3; 158, с. 77, рис. 23; 27-28; 42], совместно с иными типами "причерноморских" амфор – в урочищах Суат (Ялта) и Сотера (к востоку от Алушты), у подножия г. Демерджи, в Мисхоре [57, с. 59-60, рис. 4; 7; 169, с. 112-117, рис. 3, 1; 5, 8; 170, с. 124, рис. 5; 158, с. 77, рис. 19; 20; 26; 31]. Следует отметить, что в сравнении с херсонесскими материалами представленные комплексы имеют более широкую либо не слишком определенную дату. В первую очередь, это касается гончарных центров, время функционирования которых всецело зависит от представлений исследователей о хронологии выпускавшейся в них продукции (амфор, черепицы, фляг, столовых кувшинов с росписью ангобом). На поселениях единственным суживающим дату фактором являются находки фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, известных на памятниках полуострова, как уже отмечалось, со второй половины (?) / конца IX – начала X вв. Это позволяет отнести приблизительно к этому времени нивелировочную засыпь в Ходжа-Сале [11, с. 338] и заполнение ямы из средневекового слоя, образовавшегося после гибели Керкинитиды, а также верхнюю границу открытых, в археологическом отношении, комплексов (слоев "жизни") Тарпанчи, Кыз-Кермена, Бобровки, Гончарного, Передового, Горного Ключа¹³. В Партените амфоры класса 24 происходили из "нижнего слоя" поселения с широкой датой, перекрытого горизонтом середины X-XI вв. с монетами от Константина VII Багрянородного (945-959) до Романа IV Диогена (1067-1071) [48, с. 78-88].

¹³ В Поворотном и в последних публикациях материалов раскопок Кыз-Кермена высокогорлые кувшины не упоминаются.

В Юго-Восточном Крыму амфоры класса 24 по ХК-95 известны благодаря раскопкам в Судаке и на Тепсеньском городище [136, с. 85 (тип 2); 137, с. 102, рис. 1,3-4 (тип 1)], а также гончарных центров в их округе (Чабан-Куле, Канакская балка и др.), где они производились вместе с другими типами "причерноморских" амфор [158, с. 77, рис. 10,14,15]. Гипотеза И. А. Баранова и В. В. Майко о том, что указанный тип амфор доминирует в культурных горизонтах Сугдеи и Тепсеня VIII – первой половины IX вв., полностью исчезая к началу X в., вызывает сомнения, прежде всего, по причине выборочной публикации материалов исследований. Кроме того, проблематичным представляется отождествление с интересующим нас типом местной тарной продукции амфор, в том числе и из хронологически наиболее раннего комплекса в их типологической схеме ("нижний слой" конца VII-VIII вв. дома-пятистенки 1993 г. в портовой части Сугдеи), отличающихся профилировкой горловой части (цилиндрическое с валикообразным венчиком) и тулова (шарообразное с легким "перехватом" в нижней части) [136, с. 85, рис. 4,12; 7,32,34; 171, с. 76, рис. 4,1,6]. На наш взгляд, несмотря на наличие МЗР в верхней части корпуса, оснований для такой атрибуции нет. Скорее всего, данные сосуды являются самостоятельной группой местной или импортной (?) тары, не имеющей никакого отношения к "причерноморским" амфорам.

На памятниках Восточной Таврики амфоры происходят из стратифицированных горизонтов последней трети IX в., последней трети X в. и середины XI в., выявленных в ходе раскопок средневекового Боспора [141, р. 192, fig. 3,4-8; 142, с. 53 (признак 10), 65-78, рис. VII,1-2,15,21; IX,12; XIV,21,24,25,30,39; 144, с. 169-173, рис. 2,4; 4,4,6,8; 5,12; 6,20]. Наиболее ранними комплексами из Керчи, перекрытыми слоями разрушения последней трети – конца IX в., являются – слой серого суглинка с широкой датой VIII – первая половина IX вв. (по А. И. Айбабину), накопившийся в период использования (?) здания 12 в Кооперативном переулке [144, с. 172-173, рис. 7,2]¹⁴ и скопление керамики у пифоса в квадрате 2а на раскопе 1964 г. на бывшей Рыночной площади, датированном А. В. Сазановым, по присутствию византийской глазурованной керамики групп GWW I и II и высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, серединой IX в. [142, с. 64-65; 172, с. 484-486]. На сельской периферии Боспора немногочисленные фрагменты таких амфор известны по раскопкам

¹⁴ В другом месте, разбирая материал из "очага" здания 12, А. И. Айбабин относит функционирование постройки к последним десятилетиям VII – началу VIII вв., после чего она была заброшена [144, с. 171-72]. На это противоречие в публикации уже обратил внимание А. В. Сазанов, который интерпретирует серый суглинок в здании как "слой разрушения", а стенку амфоры с МЗР, наиболее проблемную в контексте хронологии иных находок, атрибутирует амфоре с воронковидным горлом типа "Истрия". По его мнению, постройка функционировала в пределах последней трети VII в. и не связана с сооружениями "хазарского" строительного горизонта [172, с. 491-500]. Таким образом, проблема точной интерпретации и датировки комплекса остается в стадии дискуссии.

средневекового слоя Тиритаки [139, с. 51, рис. 58], поселений второй половины VIII – начала X вв. в окрестностях п. Эльтигена и с. Заветного [143, с. 193-196, рис. 2; 173, с. 149, 154, рис. 2,1-2; 4,8; 145, с. 265, 267-268, рис. 3,1,3; 6,1-3; 7,1].

Принято считать, что вне Таврики яйцевидные амфоры с МЗР в верхней части корпуса встречаются на салтово-маяцких памятниках Приазовья и Нижнего Подонья [47, с. 30-32; 124, с. 40]. В то же время следует обратить внимание, что среди опубликованных материалов прямых аналогий немного [150, с. 244, рис. 29,5; 174, с. 345, рис. 13; 14; 47, с. 30-32, рис. 12,3; 13,7-8; 175, с. 120-121, рис. 9,д,е]. Подобные амфоры известны также на раннеславянских памятниках Поднепровья, где они входят в материальный комплекс VIII – начала IX вв. волынцевской археологической культуры [176, с. 33, рис. 4], и в курганных могильниках Среднего Поволжья с общей датой от конца VII до начала IX вв. [177, с. 152-154, рис. 1; 178, с. 146, 149, рис. 40,1-3], хотя полной уверенности в точности идентификации сосудов у нас нет. Таким образом, уточнение ареала распространения данного типа амфор за пределами Крыма во многом зависит, на сегодняшний день, от пополнения его источниковедческой базы.

Еще один тип *“причерноморских” амфор – круглодонных желобчатых* класса 36 по ХК-95 – также хорошо известен на средневековых памятниках Крымского полуострова. Их совместное с амфорами класса 24 производство в ряде упомянутых гончарных центров Юго-Западной (район Радиогорки, Мисхор, у подножия г. Демерджи, урочище Сотера) и Юго-Восточной (Чабан-Куле, Канакская балка) Таврики [57, с. 60, рис. 4,5; 164, с. 435, рис. 3,1-4,8,15; 158, с. 77, рис. 10; 15; 19; 20; 31; 39] предполагает общность хронологии и близость ареала распространения¹⁵. Однако, опубликованные археологические материалы вносят определенные коррективы в это заключение.

В Херсоне и его округе желобчатые амфоры класса 36 по ХК-95 появляются лишь в комплексах последней трети IX – начала X вв. (засыпь рыбозасолочной цистерны № 5 во дворе дома в квартале X “Б” Северного района городища) [120, с. 313-315, рис. 2; 3,1-2 (тип 1)], но продолжают использоваться во второй половине X – XI вв. (цистерна № 3 в квартале X “Б”, цистерна под “базиликой 1987 г.”, слой пожара на поселении на правом берегу Камышовой бухты) [120, с. 325, рис. 10,2 (тип 1); 121, с. 354, рис. 7,3,13; 122, с. 245, рис. 12; 13 (типы 25, 41, 42)]¹⁶. Вместе с *“причерноморскими”* амфорами класса 24 и высокогорлыми кувшинами с плоскими ручками определяют группу тарной керамики в материальном комплексе

¹⁵ В ряде гончарных центров (Песочная бухта, Гаспра и др.) выпускались только желобчатые амфоры [164, с. 434, рис. 1; 158, с. 77, рис. 29,37].

¹⁶ Важно отметить, что из слоя гибели построек поселения в Камышовой бухте Гераклеяского полуострова происходит археологически целый экземпляр амфоры класса 36 по ХК-95, который невозможно рассматривать как обычную на многослойных памятниках *“примесь снизу”* [121, с. 354, рис. 7,3].

сельских поселений и укреплений в северо-западной (Сакская пересыпь), южнобережной (Кастель, “нижний слой” Партенита) и горной (Бакла, Бобровка, Гончарное, Горный Ключ, Кыз-Кермен, Передовое, Поворотное, Поляна, Ходжа-Сала) частях полуострова с условной пока датой в пределах конца VIII – начала X вв. [132, с. 276; 57, с. 61, рис. 4,1; 48, с. 74, рис. 6; 124, с. 40-41, 68, 88, 105, 110, 113, рис. 8; 179, с. 27, рис. 1; 166, с. 217; 126, с. 99, рис. 3,1; 167, с. 139, рис. 12,1-3; 11, с. 333-335, рис. 3,6-7]. Морфологически близки амфорам типа 9 из раскопок салтово-маяцкого поселения Тау-Кипчак в Центральном Крыму [184, с. 31-32, рис. 10,7; 11], которые А. И. Айбабин датирует концом VIII – IX вв. [185, с. 192, рис. 81,13]. Являются характерным археологическим материалом в слоях “хазарского” времени в Сугдее и на Тепсеньском городище [133, с. 128-132, рис. 21,5; 180, с. 109, 112, 115, 122-123, рис. 11,1; 15,1; 18,2; 156, с. 74-75, рис. 2,2-8,10]. При этом авторы раскопок отмечают их малочисленность в комплексах первой половины IX в., доминирование – для второй половины IX – первой половины X вв., полное отсутствие в культурных горизонтах после середины X в. [136, с. 85-86, рис. 4,1-5,10; 7,29-31 (тип 3); 137, с. 102-103, рис. 2 (тип 2)]. Правда, как уже говорилось, это очень важное стратиграфическое наблюдение требует полной стратифицированной, а не выборочной, публикации результатов раскопок. На салтовских поселениях Керченского полуострова желобчатые амфоры класса 36 численно преобладают над другими вариантами “причерноморских” амфор. Они известны по раскопкам селищ на месте Тиритаки, в округе Алексеевки, Пташкино, Эльтигена, Заветного [139, с. 51, рис. 55; 163; 138, с. 100, рис. 39,1; 181, с. 163-164, рис. 4,а,в; 140, с. 141, рис. 7,а,б,г-з; 143, с. 190-192, рис. 1 (тип 1); 173, с. 148-149, 154, рис. 4,5-7; 145, с. 268, 271, рис. 8,1-2]. В Керчи происходят из датированных комплексов середины и последней трети IX в., последней трети X в., середины XI в., начала XII в. [142, с. 53-55, 64-81, рис. II,11; VII,3,16,17; IX,13; XIV,27,35; 141, р. 192, fig. 3,9-12; 144, с. 169-173, рис. 2,3,5; 4,1,5; 5,27-29; 7,1].

За пределами Таврики хорошо известны на салтово-маяцких городищах и селищах Приазовья и Подонья [150, с. 244, рис. 28,1,2,7; 151, с. 47-52, рис. 28; 152, с. 129-131, рис. 33,1; 182, с. 15, рис. 13,2-3; 183, с. 143-144, рис. 78; 153, с. 329, рис. 59,1]. В контексте хронологии данного типа “причерноморских” амфор важным представляется, во-первых, их практически одновременное с высокогорлыми кувшинами класса 41 по ХК-95 появление в стратиграфии Таманского городища [151, с. 55, рис. 33], во-вторых, присутствие в “хазарском” слое (“пласте”, по С. А. Плетневой) Саркела, который образовался в период конца IX / начала X вв. – 965 г. [150, с. 261-268, рис. 50,11-12; 186, с. 550, 554, 562-564; 13, с. 136-137], а также в материальном комплексе Правобережного Цимлянского городища, салтово-маяцком по составу и облику, с общей датой в пределах первой половины – середины IX в., скорее, ближе к концу существования крепости [154, с. 485-487].

Суммируя наши наблюдения об ареале и хронологии представленных в 3-м слое типов “причерноморских” амфор, можно сделать следующие выводы. География их находок ограничена, в основном, памятниками Таврики. За пределами полуострова они фиксируются, как очевидный импорт, на салтово-маяцких городищах и селищах, главным образом, Приазовья и Нижнего Подонья. В последнем случае следует отметить численное преобладание желобчатых амфор класса 3б по ХК-95, пока трудно объяснимое с учетом степени опубликованности археологических материалов. Ориентируясь на введенные в научный оборот закрытые археологические комплексы, а также стратиграфические наблюдения, сделанные в ходе исследования многослойных памятников, прежде всего, таких как Херсон, Боспор и Саркел, общие хронологические рамки бытования “причерноморских” амфор определяются в пределах IX–X вв. О производстве и использовании “причерноморских” амфор в целом после X в. дополнительные указания дает недавняя находка археологически целого экземпляра желобчатой амфоры класса 3б из слоя разрушения конца XI в. на поселении в Камышовой бухте в округе Херсонесского городища. Заключение исследователей об их отсутствии в культурных напластованиях Сугдеи, Тепсеньского городища, Парthenита после середины X в. требуют дополнительных обоснований, возможных лишь в ходе полной стратифицированной публикации результатов исследований памятников. Иначе они останутся интересной, но фактически необоснованной гипотезой. Как и верхний, нижний хронологический рубеж бытования “причерноморских” амфор обоих типов дискуссионен. Уверенно можно лишь говорить о массовости находок яйцевидных амфор с коническим горлом и МЗР в верхней части корпуса на памятниках Крыма уже для первой половины IX в., а желобчатых с невысоким горлом, непосредственно к которому или чуть ниже крепилась ручка – со второй половины этого столетия.

Кухонная керамика составляет лишь 5,8% от общего числа керамических находок в 3-м слое (всего 144 фрагмента) (табл. 4).

Таблица 4

Структура комплекса кухонной керамики из 3-го слоя

№	Кухонная керамика	Всего фрагментов	%
1	Гончарная	132	92,2
2	Лепная	12	0,2

Доминируют изделия, изготовленные на гончарном круге. Группа лепной керамики в комплексе крайне немногочисленна. Фактически ее фрагменты принадлежат двум полностью не реконструируемым формам горшкообразных сосудов:

1. С темным в изломе черепком рыхлого теста с примесью частиц известняка и дресвы. Сохранился фрагмент верхней части горшка с шаровидным корпусом, невыделенным горлом и слабоотогнутым непрофилированным венчиком (рис. 30, 18).

2. С коричневым в изломе черепком рыхлого теста с примесью известняка и толченой ракушки. Сохранились овальные в сечении ручки сосудов, покрытые полностью лощением (рис. 24,8) или без него (рис. 27,4).

Гончарные коричневоглиняные сосуды, реже темно- или сероглиняные, отнесенные к кухонной посуде по явным следам пребывания в огне (закопченная либо обожженная поверхность), имеют шероховатую на ощупь поверхность без следов орнаментации. Относятся к числу плоскодонных горшков, однако, определенного стандарта, как в морфологии, так и в структуре глиняной массы, не наблюдается. Учитывая сильную фрагментарность находок, которая делает неэффективным поиск прямых аналогий сосудам, ограничимся их простым описанием. По форме верхней части, горшки делятся на следующие типы:

1. С невыделенным горлом и отогнутым двучастным венчиком. Имеют рыхлый черепок с примесью известняка и толченой гальки (рис. 30,9,12).

2. С невыделенным горлом и слабоотогнутым непрофилированным либо утолщенным венчиком. Имеют рыхлый черепок с включениями известняка, шамота, песка (рис. 24,6; 27,9; 28,1; 30,4,17; 31,1).

3. С невысоким вертикальным или воронковидным горлом, оканчивающимся непрофилированным венчиком. Черепок рыхлый с примесью известняка, шамота, дресвы, песка (рис. 24,9; 27,11,13; 31,4,5).

4. С невысоким воронковидным горлом и треугольным в сечении венчиком. Черепок рыхлый с примесью известняка, карасана, слюды (рис. 31,7). Аналогичную по структуре формовочную массу имел сосуд, от которого сохранился фрагмент уплощенной желобчатой ручки (рис. 30,1).

Столовая керамика из слоя (всего 181 фрагмент) ненамного превосходит в количественном отношении комплекс кухонной посуды (7,3%). Соотношение ее различных групп представлено в таблице 5.

Таблица 5

Структура комплекса столовой керамики из 3-го слоя

№	Столовая керамика	Всего фр-тов	%
1	Простая гончарная	90	50
2	Глазурованная групп GWW-I и GWW-II (по Дж.Хейсу)	47	26
3	Сосуды с росписью линиями ангоба	44	24

Из нее следует, что половина находок столовой керамики в слое принадлежит *простой гончарной посуде* без следов орнаментации. Она отличается высоким качеством красного в изломе черепка, с вариациями от палевого до светло-коричневого цвета, плотного теста с визуально определяемыми мелкими включениями известняка, песка, карасана. Снаружи сосуды покрыты, как правило, ангобом более светлого цвета в сравнении с черепком либо в тон ему. Лишь

один горшок с вогнутым треугольным в сечении венчиком изготовлен из белой (каолиновой) глины плотного теста с примесью песка (рис. 25,4).

К сожалению, из-за сильной фрагментарности красноглиняной столовой керамики из 3-го слоя уверенно восстановить морфологию изделий крайне трудно. Поэтому, как и в случае с гончарной кухонной керамикой, ограничимся ее описанием. По форме верхней части, выделяются условно две основные группы сосудов:

1. Кувшины с непрофилированным утолщенным венчиком, воронковидным (рис. 27,5), S-видным (рис. 27,6) и ойнохоевидным (рис. 27,7) горлом, желобчатой плоской (рис. 25,6; 27,8) либо овальной в сечении ручкой (рис. 27,10) и плоским дном (рис. 29,1-3).

2. Небольшие горшки с невыделенным горлом и слабоотогнутым непрофилированным венчиком (рис. 28,3; 30,3, 13, 15, 19), шаровидным корпусом и плоским дном (рис. 26,1; 31,6,8). Вероятно, им принадлежит фрагмент овальной в сечении ручки (рис. 30,2).

3. Трудно реконструировать форму сосуда, от которого сохранилось цилиндрическое горло, завершающееся валикообразным венчиком (рис. 30,16).

Вторую в количественном отношении группу столовой керамики составляют фрагменты *ранневизантийской поливной керамики* (26%), выделенные Дж. Хейсом при изучении керамического комплекса квартала Сарачхане в Стамбуле в группы "Glazed White Ware I и II" [70, p. 15-29]. Именно эта типология, дополненная по мере необходимости выразительными примерами находок аналогичных сосудов на средневековых памятниках Северного Причерноморья, положена в основу характеристики глазурованных изделий из 3-го слоя.

Группа GWW-I представлена фрагментами двух сосудов:

1. "Блюда для подогрева" (chafing-dish) с сильноотогнутым валикообразным краем с прилепом ручки овальной в сечении. Черепок плотного теста с примесью песка, карасана и мелкими включениями слюды приобрел после обжига розовый цвет. Покрывается оранжевой глазурью по бежевому ангобу (рис. 25,7-8).

2. Глубокой розовоглиняной чаши (?) с валикообразным краем плотного теста с примесью песка и карасана, покрытой зеленой глазурью. Подоснова визуально не определяется. К сожалению, фрагмент изнутри сколот, что не дает возможности точной реконструкции формы изделия (рис. 28,2).

Аналогичные нашему блюду сосуды происходят из комплексов середины – конца VIII в. квартала Сарачхане в Стамбуле [70, p. 107-109, fig. 52, деп. 33,2; 54, деп. 34,29]. Однако, этого пока явно недостаточно для обоснования узкой даты изделия. Дело в том, что, на сегодняшний день, изучение данной группы глазурованной керамики находится на стадии накопления и первичной систематизации материала. От широко известной в литературе византийской белоглиняной поливной посуды второй половины IX – XI вв. (GWW-II по Дж. Хейсу)

она отличается цветом черепка (розовый, светло-коричневый, красноватый, но, как правило, не белый) и глазури (доминируют желтые либо желто-коричневые оттенки), наличием подглазурной подосновы (ангоб), отдельными морфологическими сериями. Однако, сам по себе ни один из этих критериев не может служить достаточным основанием для атрибуции сосудов, что хорошо видно на примере чаши (?) из нашего комплекса, покрытой казалось бы не свойственной для GWW-I зеленой поливой. Известны общие временные рамки периода использования данной группы изделий – около 600 – 800/850 гг., хотя оба хронологических предела, как и более дробная внутренняя периодизация, требуют дальнейшего изучения. Все эти трудности во многом обусловлены немногочисленностью памятников, в керамическом комплексе которых присутствуют сосуды типа GWW-I – Константинополь [187, р. 34-38, pl. 15; 70, р. 15-18, 100-101, 105, 107-109, 111, 113-115, 131, 134-135, 145, 146, 149, fig. 37, dep. 28,1,3, dep. 29,a; 38; 50,1-4; 52, dep. 32,1-8, dep. 33,1-3; 53; 54,29-36; 56,1-9; 58,1-3,6,7; 60,19; 75,27,48; 77,33-50,52; 88,15], Коринф [28, р. 52-53], Эгина [70, р. 18], кораблекрушение около острова Ясси Ада в Эгейском море [189, р. 165-166, fig. 8-9,P1-3; 8-11,P1-2], Саламина, Солы и Пафос на Кипре, Карфаген, Токра на Киренаике [65, р. 340; 188, р. 379, fig. 18-20; 22]. В Северном Причерноморье наиболее презентабельным комплексом с фрагментами GWW-I является засыпь городского водохранилища Херсона первой половины IX в. [160, с. 176, рис. 9,6,14,15; 190, с. 646-649, рис. 1]. Отдельные находки этой группы поливной керамики известны по раскопкам Таматархи, Фанатории [191, р. 438-439], Боспора [142, с. 61, 65 (признак 43), рис. V,43; 144, с. 170, рис. 2,6].

На Мангупе фрагменты керамики группы GWW-I встречаются, как правило, в переотложившем состоянии [13, с. 143-144, рис. 5,8-10; 21, с. 176-179, рис. 2; 22, с. 257-258, рис. 1,1]. Тем не менее, их отсутствие в хорошо стратифицированных комплексах VI-VII вв. позволяет отнести использование данной группы глазурованных сосудов на городище к периоду VIII – середине IX вв.¹⁷

Сосуды группы GWW-II изготовлены из белой (каолиновой) глины. Черепок плотный с включениями карасана, реже – органики. Выделяются следующие формы изделий:

1. Тарелки с рельсовидным (“прокатанным”) краем, покрытые глазурью желтого или зеленого цвета (рис. 26,2), относящиеся к типу 2 по классификации Дж. Хейса [70, р. 22, fig. 7,7-8]. Зачастую украшены штампованным орнаментом и мазками более темной глазури. Характерны для стратифицированных горизонтов X – начала XII вв. императорского дворца в Константинополе (Stage IV) [187, р. 41-46, pl. 16,36,37,47]. В квартале Сарачхане выразительные находки таких тарелок

¹⁷ Более подробно о проблемах типологии и хронологии, ареале распространения керамики группы GWW-I на памятниках Средиземноморья и Причерноморья см. статью А. В. Смокотиной: 21, с. 172-180. Здесь же содержится наиболее полный перечень находок из раскопок Мангупского городища.

происходят из комплексов второй четверти X – середины XI вв. (deposits 38-43) [70, p. 116-118, 121, fig. 61,1; 64,1-2; 67,4,25; 69,1-4]. На памятниках Таврики отметим их присутствие в датированных комплексах Херсона – последней трети IX – начала X вв. (засыпь цистерны № 5 из квартала X “Б” Северного района городища) [120, с. 325, рис. 9,3] и последней трети X – начала XI вв. [192, с. 121-122, рис. 1; 2,1-3], Боспора – последней трети IX в., первой половины – середины XI в. и начала XII в. [142, с. 61 (признак 41), 65-68, 71, 78-81, рис. V,41; VIII,17; XV,1-3; XVII,15], в строительном горизонте середины X-XI вв. Партенита [48, с. 81, рис. 8]. При этом на указанных памятниках Константинополя, Херсона и Боспора наблюдаем их массовость в комплексах конца X – первой половины XI вв. На других поселениях и городищах полуострова тарелки с рельефовидным краем встречаются реже. Их фрагменты известны по раскопкам в Симеизе [57, с. 69, рис. 9,4], на Бакле [100, с. 64-67, рис. 1,1,13,15-17; 125, с. 49], в Сугдее [193, с. 140, рис. 1,1] и на Тепсене [137, с. 110, рис. 11,4,6]. Входят в состав комплекса разрушения постройки первой половины XI в. у тыльной стороны северо-западной куртины Мангупской цитадели [13, с. 142-143, рис. 5,3-4].

2. Тарелки с сильноотогнутым краем с желобком, покрытые светло-зеленой глазурью (рис. 28,5), типа 3 по Дж. Хейсу [70, p. 22-23, fig. 7,10-16]. Общая хронология типа в целом обосновывается комплексами Константинополя, где они являются характерным материалом в X – середине XI вв. (в квартале Сарачхане ранее всего встречены в контексте 925-950 гг. – deposit 37). В то же время отметим их присутствие в строительных горизонтах императорского дворца, датированных, по нумизматическим находкам, серединой – второй половиной IX в. (Stage III) и XI-XII вв. (Stage V) [187, p. 38-56, pl. 16,6,24,25,38; 18,6; 22,14; 25,5,10; 70, p. 115, 117, 118, 122, 124, fig. 60,23; 63,1; 64,5-8; 67,6; 68,6]. Дж. Хейс, исходя из диаметра тарелок, выделяет ранний (более 20 см) и поздний (в пределах 14-16 см) стандарты изделий, рубежом между которыми является конец X в. [70, p. 22-23]. Если данная гипотеза правомерна, то наш фрагмент, безусловно, принадлежит ранней серии тарелок типа 3. В таком случае, его прямыми аналогиями на иных средневековых памятниках Крыма служат лишь обломки таких сосудов из засыпи последней трети IX – начала X вв. цистерны № 5 в квартале X “Б” Северного района Херсонеса [120, с. 325, рис. 9,1-2], так как в других закрытых комплексах городища второй половины X – начала XI вв. присутствуют тарелки типа 3 с меньшим диаметром венчиков [120, с. 326, рис. 11,1-2; 192, с. 123-126, рис. 3]. За пределами Херсона переотложенные фрагменты как ранней, так и поздней вариаций поливных тарелок с сильноотогнутым с желобком краем группы GWW-II опубликованы только из раскопок акрополя Мангупа [22, с. 258, рис. 1,12-17]¹⁸.

¹⁸ Возможно, подобные тарелки из раскопок Тепсена неверно отнесены В. В. Майко к числу “блюд для подогрева” в предварительной типологии керамического комплекса городища [137, с. 110, рис. 11,1].

3. “Блюда для подогрева” (chafing-dish) с отогнутым треугольным в сечении краем под желтой глазурью (рис. 28,6). Морфологически представляют собой двуручные сосуды на высоком с прорезями кольцевом поддоне, вовнутрь которого помещались угли для нагревания пищи, типа 8 по классификации Дж. Хейса [70, р. 23, fig. 8; 9]. Наиболее ранний по времени комплекс с такими блюдами – строительный горизонт середины – второй половины IX в. императорского дворца в Константинополе (Stage III) [187, р. 38-41, pl. 16,3,21; 21,17]. В Сарачхане присутствуют только в слоях X в. (deposits 37 и 40) [70, р. 115, 118, fig. 60,26; 64,12; 65,55]. В Таврике встречены среди поливной керамики из горизонта середины X – XI вв. в Партените [48, с. 81, рис. 8] и заполнения цистерны, засыпанной в процессе строительства “базилики 1987 г.”, очевидно, в последней трети X – начале XI вв. [192, с. 130-131, рис. 5,8,9,11]. В сводной корреляционной таблице основных категорий археологического материала второй половины IX – первой половины X вв. Судакской крепости подобные по фактуре блюда принадлежат к числу наиболее поздних находок [193, с. 140, рис. 1,5; 136, с. 88, рис. 6,6; 7,20]. На Мангупе “блюда для подогрева” типа 8 GWW-II известны по раскопкам акрополя городища [22, с. 258, рис. 1,19]. Возможно, к более редкой форме такого рода изделий принадлежит еще один фрагмент из нашего слоя – валикообразного венчика, покрытого зеленого цвета поливой (рис. 30,7).

4. Глубокие миски с вертикальным с внешним ребром краем, покрытые желтой глазурью (рис. 26,4), типа 12 по классификации Дж. Хейса [70, р. 25, fig. 8,17]. Безусловно, принадлежит к одному из наиболее поздних типов GWW-II, редко встречающихся в публикациях. Аналогичные сосуды известны только в комплексах середины XI – начала XII вв. в квартале Сарачхане в Стамбуле [70, р. 125, 128, 129, 136, fig. 69,18; 72,9; 73, деп. 46,1; 78,74; 79,86]. Морфологически близкие миски найдены во время раскопок на Бакле [100, с. 67, рис. 1,18] и в Партените [48, с. 81, рис. 8].

5. Двуручные киликовидные чашки с отогнутым непрофилированным краем, покрытые желтой (рис. 30,10,14) либо зеленой глазурью (рис. 25,3; 26,3; 27,12; 30,20). Относятся к типу 13 по классификации Дж. Хейса [70, р. 25, 27, fig. 9,1-7,17]. В Константинополе являются типичным материалом для горизонтов X в. (Stage IV) императорского дворца [187, р. 41-46, pl. 16,40-43; 22,6] и комплексов второй четверти X – середины XI вв. квартала Сарачхане [70, р. 114, 119, 121, 122, 124, fig. 59,5,8; 65,21; 67,11; 68,11; 69,10-11]. Этой хронологии не противоречит археологический контекст находок киликовидных чашек на памятниках Юго-Западной Таврики – в Херсоне [120, с. 325, рис. 9,4-5; 192, с. 129, рис. 5,1], на Бакле [100, с. 72, рис. 3,6-7], Мангупе [13, с. 142-143, рис. 5,6-7], в Партените [48, с. 81, рис. 8], в Симеизе [57, с. 67, рис. 9,3].

Наконец, третья по численности группа столовой керамики в 3-м слое представлена фрагментами красноглиняных сосудов, украшенных росписью линиями светлого либо красного ангоба, следующих форм:

1. Небольшие плоскодонные горшочки с шаровидным корпусом, сформованные из плотного теста с примесью известняковых частиц. Сохранился фрагмент отогнутого уплощенного венчика горшка, покрытого темным ангобом, поверх которого был нанесен орнамент в виде нескольких линий светлого ангоба (рис. 26,7). Вероятно, принадлежит к числу известных по недавно опубликованным комплексам IX–XI вв. из Херсона и его ближайшей округи шаровидных горшочков с линейной росписью светлым ангобом, многие из которых имеют одну или две ручки с характерным пальцевым вдавлением в месте ее прилепа к венчику [194, с. 135, рис. 3,9; 160, с. 176, рис. 9,10; 161, с. 123, рис. 2,7; 120, с. 321-322, рис. 7, 5, 7-18, 21-24; 121, с. 354-355, рис. 7,6,11; 122, с. 250, 254, рис. 16,13]. За пределами Херсона встречены на салтово-маяцких поселениях в округе п. Эльтиген на Керченском полуострове [143, с. 201, рис. 4,7-8].

2. Плоскодонные одноручные кувшины с отогнутым воронковидным горлом и плоским венчиком. Характерная особенность – пальцевое вдавление в месте прилепа к венчику ручки, овальной в сечении или уплощенной со слабожелобчатой поверхностью. Сформованы из плотного теста с включениями известняка, реже – карасана и песка. Снаружи покрыты ангобом – светлым либо в тон черепку. Украшены в верхней части корпуса зональной линейно-волнистой росписью светлым (рис. 24,10; 25,2,5; 28,4; 31,3) или красным (рис. 26,8) ангобом. Следует отметить, что по форме, за исключением профиля венчика, структуре глиняного теста и декору ничем не отличаются от хорошо известных кувшинов с ойнохоевидным горлом т.н. “скалистинского типа” с общей датой в пределах 80-х гг. VI – первой половины XI вв. [125, с. 47-48; 120, с. 320]¹⁹. Возможно, именно это обстоятельство, с учетом обычной фрагментарности керамических сосудов при раскопках поселений, повлияло на позднее выделение кувшинов с воронковидным горлом среди массива ойнохой. Впервые как отдельная форма кувшинов с росписью линиями ангоба они описаны Л. В. Седиковой в ходе публикации материалов засыпи первой половины IX в. городского водохранилища Херсона [194, с. 134, рис. 1,12-14,16; 160, с. 172, рис. 7,7-10,12-14]²⁰. На сегодняшний день известны уже в комплексах второй половины IX в. и последней трети IX – начала X вв. в Херсоне [161, с. 123, рис. 2,11-13; 120, с. 320-321, рис. 6,3-7], второй половины – конца IX в. на поселении Ходжа-Сала [11, с. 336-338, рис. 4,3-4], среди керамических материалов салтово-маяцких поселений в окрестностях п. Эльтиген на Керченском полуострове [143, с. 200-201, рис. 4,1-6]. Вместе с кувшинами с ойнохоевидным горлом характеризуют импортную группу

¹⁹ Присутствие крупных фрагментов аналогичных кувшинов в слое разрушения конца XI в. на поселении в Камышовой бухте на Гераклеяском полуострове позволяет сдвинуть верхнюю границу их бытования к этому времени [121, с. 354, рис. 7,1-2; 8,2].

²⁰ Близкую форму, но без пальцевого вдавления в месте прилепа ручки и росписи ангобом, имеют кувшины из склепов 203 (вторая половина VIII в.) и 771 (вторая половина VIII – IX вв.) Скалистинского могильника [112, с. 34, 160, 191, 197, рис. 19,15; 121,4].

керамики в погребальном инвентаре салтово-маяцкого могильника Червоная Гусаровка в верховьях Северского Донца [195, с. 85, рис. 6, 10, 11]. Таким образом, можно определенно говорить о бытовании кувшинов с воронковидным горлом и росписью ангобом в IX – начале / первой половине X вв. Безусловно, эта датировка носит предварительный характер, отражая степень опубликованности археологических материалов, и в дальнейшем будет подвергаться коррекции. В этой связи следует обратить внимание на фактурное и технологическое сходство интересующих нас кувшинов с производившимися в гончарных центрах Юго-Западной и Юго-Восточной Таврики ойнохоями “скалистинского типа”, предполагающее синхронность их использования.

Индивидуальные находки в 3-м слое немногочисленны и в большинстве случаев плохой сохранности. Среди железных изделий отметим обувную набойку (рис. 29,7), скобу от ножен (?) (рис. 29,9), черешковый наконечник стрелы с сильно коррозированным пером и обломанным краем (рис. 25,12), фрагменты ключа (?) (рис. 29,6) и ножей подтреугольных в сечении (рис. 29,8; 31,9). Не ясно назначение плоского кружка из мергеля с заглаженной поверхностью (рис. 31,10) и костяного предмета неправильной формы с отверстием (амулет?) (рис. 31,2). Стекланные изделия представлены мелкими фрагментами двух форм: стаканов (бокалов?) из бесцветного прозрачного стекла с вогнутым дном со скругленными краями и оплавленным утолщенным или валикообразным полым краем (рис. 26,5,9,10; 29,4,5) и рюмок с оплавленным краем из зеленоватого стекла на кольцевом поддоне (рис. 25,9-11). Последние, видимо, принадлежали широко известным на памятниках Средиземноморья и Причерноморья рюмкообразным сосудам с полусферическим, трапециевидным или колоколовидным туловом с поддоном (подставкой) первого типа по Л. А. Голофаст, датирующимся второй половиной V – IX вв. В комплексах Херсона они продолжают встречаться и позднее – до XI в. включительно [196, с. 154-157, рис. 92,1-9]. Не ясна форма изделия из прозрачного стекла, от которого сохранился фрагмент подставки с оплавленным краем (рис. 26,6). Особо отметим находку в слое коричневоглиняного круглого плоского пряслица, покрытого светлым ангобом. Его верхняя и боковая поверхности орнаментированы почти радиально расходящимися от центра лучами из множества достаточно глубоких треугольных наколов (рис. 26,11). Близкие по характеру декора и способу его нанесения пряслица известны по раскопкам культурных горизонтов Сугдеи, датированных авторами раскопок второй половиной IX – серединой X вв. [134, с. 153, рис. 5,6; 156, с. 76, рис. 3,8-9].

Нумизматическая коллекция в 3-м слое представлена двумя медными монетами античного и позднеримского времени плохой сохранности (см. Приложение 1, №№ 40, 41).

Таким образом, анализ археологического комплекса 3-го слоя позволяет сделать следующие выводы. Хронологически в нем выделяются три основных блока находок. Наиболее поздними, определяющими время образования

горизонта, являются фрагменты красноглиняной ангобированной черепицы и амфор класса 52 по ХК-95, характерных на Мангупском городище для культурных напластований периода княжества Феодоро. К сожалению, материалов, присутствие которых в слое позволило бы датировать "сброс" с большей точностью, у нас нет. Лишь с учетом стратиграфической ситуации, зафиксированной в ходе многолетних раскопок цитадели Мангупа, предположительно его можно отнести к 20-м гг. XV в., когда акрополь городища восстанавливался и в значительной степени перестраивался после катастрофического разорения в 90-х гг. предыдущего столетия. Совместное использование около 40% категорий находок, прежде всего, таких, как "причерноморские" амфоры обоих типов, высокогорлые кувшины с плоскими ручками, столовая керамика с росписью ангобом, глазурованные сосуды группы GWW-II, уверенно датируется в пределах X–XI вв. Верхняя граница формирования комплекса, скорее всего, не выходит за первую половину – середину XI в., о чем свидетельствуют, во-первых, наличие в нем некоторых поздних форм GWW-II (мисок типа 12 по Дж. Хейсу), во-вторых, прекращение жизни раннесредневекового поселения на м. Тешкли-бурун после середины XI в. Показательным в этом смысле является полное отсутствие в рассматриваемом горизонте находок конца XI – XIII вв. Наконец, наиболее ранние артефакты в 3-м слое представлены немногочисленными, всего около 10%, фрагментами импортных амфор и краснолаковой посуды VI–VII вв., монетами и, скорее всего, фрагментами стеклянных изделий. Данная группа материалов квалифицируется как обычная на многослойных памятниках "примесь снизу".

Переходим к описанию культурных напластований ранневизантийского времени (слои №№ 4 и 5). **Четвертым слоем** на площади раскопа, зафиксированным, главным образом, в квадрате А, является серый плотный грунт с углями, пятнами гари и разложившимся известковым раствором. Мощность горизонта колеблется от 0,40 до 1,00 м. Отсутствует в северо-восточной части квадрата Б и в пределах квадрата Г. В квадрате В выявлен лишь вдоль северо-западной бровки. На большей части раскопа непосредственно на материке залегал **пятый слой** – серо-коричневый плотный грунт с углями, пятнами гари и разложившегося известкового раствора, насыщенный щебнем. В районе бровки между квадратами А и Б сливается с пятном желто-коричневого рыхлого грунта, практически без материала. Общая мощность слоя составляет 0,20–0,80 м. В квадрате Г поверхность 5-го слоя, сильно уплотненная, стала горизонтом проезжей части дороги раннесредневекового времени (рис. 5-8).

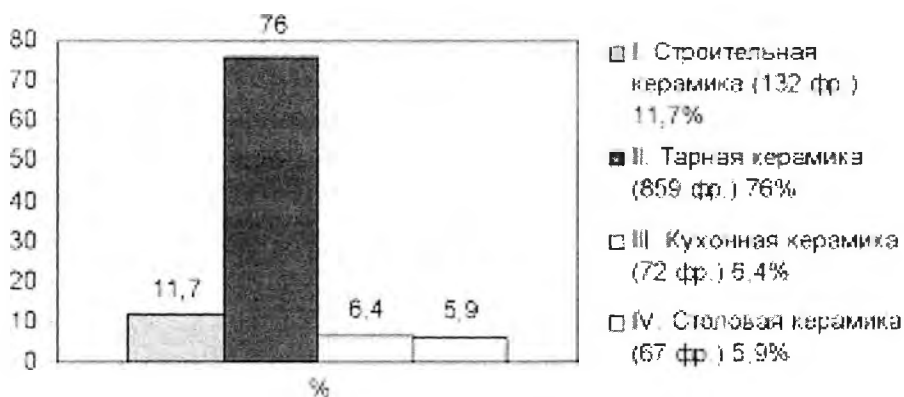
Безусловно, по структуре оба слоя практически идентичны друг другу. Незначительные различия проявляются в цвете грунта и составе комплекса находок. Рассматривая их функционально как единовременный "сброс" культурных напластований с поверхности м. Тешкли-бурун, тем не менее, сохраняем проведенное во время полевых исследований послойное описание полученного

археологического материала. Следует оговорить еще один момент. В приведенных ниже статистических таблицах археологического материала мы ориентировались на комплексы с площади квадрата А, наиболее выразительные в сравнении с другими участками раскопа. Находки из 4-го и 5-го слоев в квадратах Б, В, Г приводятся по мере необходимости.

Археологический комплекс четвертого слоя в квадрате А характеризуют, прежде всего, фрагменты строительной, тарной, кухонной и столовой керамики (всего 1130 фрагментов) (см. график 3).

График 3

Структура керамического комплекса 4-го слоя в квадрате А (%)

Строительная керамика представлена немногочисленными, в сравнении с более верхними горизонтами, мелкими фрагментами красноглиняных керамид и калиптеров, невыразительность которых затрудняет их точную морфологическую и хронологическую идентификацию.

Большой интерес вызывает *тарная керамика* – наиболее многочисленная группа находок в слое. Ее статистическая обработка указывает на амфорную принадлежность подавляющего большинства керамических обломков (855 из 859 фрагментов).

Как видно из таблицы 6, наиболее поздними из них являются фрагменты “причерноморских” амфор обоих типов (8,7%), совместное использование которых зафиксировано на памятниках Северного Причерноморья для второй половины IX – XI вв. Остальные составляют характерный для Мангупского городища набор импортной тары, главным образом, для периода VI–VII вв.²¹:

²¹ См., например, керамический комплекс Демир-Капу с верхней датой около середины VI в. Лишь наличие узкогорлых светлоглиняных амфор типов D, F и E по Шелову, а также “мирмекийских” амфор типов 72-73 по Зеест позволяет уверенно отнести начальный этап его формирования к более раннему времени [23, с. 318-327, 332].

Таблица 6

Типы амфор из 4-го слоя

№	Типы амфор	всего фр-тов	%	вен- чики	%	ручки	%	донья	%	стенки	%
1.	Тип V по ХК-71	290	33,9	8	33,3	15	36,6	1	100	266	33,7
2.	Класс 1 по ХК-95 («с перехватом»)	281	32,9	8	33,3	9	22	–	–	264	33,5
3.	Класс 12 по ХК-95 (с рифлением корпуса типа «набегающая волна»)	143	16,7	2	8,3	9	22	–	–	132	16,7
4.	«Причерноморские» класса 24 по ХК-95	42	4,9	–	–	3	7,3	–	–	39	4,9
5.	«Причерноморские» класса 36 по ХК-95	32	3,8	–	–	–	–	–	–	32	4,1
6.	Тип 95 по Зеест	20	2,3	–	–	3	7,3	–	–	17	2,2
7.	Класс 4 по ХК-95 (типа «Газа»)	19	2,2	3	12,5	–	–	–	–	16	2
8.	Класс 18 по ХК-95 (типа «Истрия»)	16	1,9	1	4,2	–	–	–	–	15	1,9
9.	Тип 100 по Зеест (типа Делакеу)	8	0,94	–	–	1	2,4	–	–	7	0,9
10.	Класс 2 по ХК-95 (типа "carottes")	1	0,12	1	4,2	–	–	–	–	–	
11.	Неопределенные	3	0,35	1	4,2	1	2,4	–	–	1	0,1

1. Доминируют (33,9%) *красноглиняные круглодонные желобчатые амфоры* типа V по ХК-71 [62, с. 85, рис. 6], изготовленные из плотного теста с включениями известняка, песка, железистых частиц. Снаружи покрыты, как правило, ангобом светлых тонов (рис. 32,6,8,9; 39,3,4,7,8). Такая атрибуция и датировка в широких пределах VI–VII вв. остается, на сегодняшний день, оптимальной, хотя попытки вычленения в массиве раннесредневековых желобчатых амфор новых типов, вариантов и уточнения их хронологии предпринимались неоднократно [47, с. 9–11, рис. 1,2-6; 2,1; 3,5-6 (типы 2-5); 197, с. 44-45, рис. 1,6 (признак 6); 198, с. 61-64, рис. 1-7; 64, с. 24-25, табл. 7-8 (класс 6)]²².

2. Чуть уступают им (32,9%) *коричневоглиняные амфоры с вытянутым, с сужением в средней части ("с перехватом"), корпусом*. Изготовлены из рыхлого теста с примесью известняка, кварцевого песка, пироксена, железистых частиц (рис. 32,1; 39,1-2). Соответствуют типу 103 по Зеест [63, с. 121, табл. XL,103],

²² Совершенно необоснованной представляется попытка А. В. Сазанова отнести время использования данного типа амфор ко второй четверти VI – второй половине X вв. на основании отождествления его с "причерноморскими" желобчатыми амфорами класса 36 по ХК-95 [79, р. 94, fig. 2,27 (type 27)].

типу I по ХК-71 [62, с. 82-83, рис. 1-2], типам XII-L и XV по Скорпану [199, р. 277-278, pl. V,5-6; 200, р. 281, fig. 12,4-6], типу 7 по Якобсону [47, с. 12, рис. 3,1], типу 6 по типологии Драндского храма [201, с. 196-197, рис. 2,6], типу IX по Кузманову [202, с. 15-16, табл. 6, A55,57-59,61-62], признаку 13 и типу 11 по А. В. Сазанову [197, с. 51, рис. 4,13; 79, р. 90, fig. 1,11], классу 1 по ХК-95 [64, с. 16-19, табл. 2-3]. Общепризнанно, что они продолжают линию развития позднеантичных коричневоглиняных амфор колхидского производства, являясь массовым материалом на памятниках Северного Причерноморья и Подунавья для культурных горизонтов с конца IV – первой половины V до конца VII вв.²³ К числу наиболее поздних комплексов с уже немногочисленными фрагментами таких амфор следует отнести в Херсонесе – засыпи цистерны Е в XV квартале и цистерны в помещении 9А VIII квартала Северного района конца VII в. [196, с. 118-119 (комплексы 24 и 25)], слой разрушения жилого дома у куртины XVII в I Портовом квартале 650-670-х гг. [64, с. 13-14; 196, с. 117 (комплекс 22)], на Боспоре – слой “пожара” между 659 и 686/687 гг. на раскопе в Кооперативном переулке в Керчи [185, с. 185, рис. 55,41,45]. Отметим их присутствие в ранних культурных отложениях Алустона и Сугдеи, имеющих приблизительно ту же хронологию [136, рис. 7,33,35,37; 171, с. 76, рис. 4,13,14; 203, с. 24-26].

3. Следующими в количественном отношении амфорами (16,7%) в 4-м слое являются *светлоглиняные с рифлением корпуса типа “набегающая волна”* плотного теста с включениями песка, слюды и железистых минералов (рис. 32,2,3,5,7; 39,6,9). В общих и региональных классификациях амфор Средиземноморья и Причерноморья относятся к типам VIII, IX, X по ХК-71 [62, с. 86-87, рис. 9-11], типу 10 по Радулеску [204, р. 108-109, pl. XI,1-2; XII,1], типу VIII по Скорпану [200, р. 277-278, fig. XII,1-3], типу 9 по Якобсону [47, с. 13-14, рис. 2,6], типу LRA 1 по Райли [205, р. 212-216, fig. 91,337-338,346-347], типу II.I по Бетгеру [206, р. 45-47, taf. 22], типу 1 из кораблекрушения у острова Ясси Ада в Эгейском море [189, р. 155-157, fig. 8-1, 8-2, 8-3], типу 7 по Хотелашвили и Якобсону [201, с. 197-198, рис. 2,7], типу LIII по Киэй [207, р. 268-278, fig. 32,7-8; 116-120; 124,1-5], типу XIV по Кузманову [202, с. 18-20, табл. 8, A70-81; 9, A82-93], классу 44 по Пикоку и Вильямсу [208, р. 185-187, fig. 104], признаку 5 и типу 1 по Сазанову [197, с. 44, рис. 1,5; 79, р. 87-88, fig. 1,1], типам 5 и 21 по Хейсу [70, р. 63-64, 69, fig. 47,156-157; 49,193-194], классу 12 по ХК-95 [64, с. 29-33, табл. 10; 12; 14-16]. Долгое время преобладало мнение об их изготовлении в Подунавье [200, р. 278; 204, р. 109; 202, с. 18]. Однако, открытие мастерских и брака керамической продукции позволяет считать более вероятной версию о производстве амфор с рифлением корпуса типа “набегающая волна” в районе Антиохии [205, р. 212; 208, р. 186; 209, р. 236-237, 241-242; 210, р. 145] и на Кипре [209, р. 242; 210, р. 145].

²³ О хронологии амфор “с перехватом” см.: 63, с. 121; 62, с. 82-83; 199, р. 278; 200, р. 281; 47, с. 12; 201, с. 197; 202, с. 16; 197, с. 51; 79, р. 90; 64, с. 16.

Авторы первоначальной классификации средневековых амфор из Херсонеса определяли хронологию данного типа в пределах VI–VII вв. [62, с. 86-87], К. Скорпан – IV–VII вв. [200, р. 278], А. Л. Якобсон – конца IV – VI вв. [47, с. 13], Дж. Райли – конца IV – начала VII вв. [205, р. 212], С. Кизэй – первой половины V – середины / конца VII вв. [207, р. 278], Г. Кузманов – IV – начала VII вв. [202, с. 18], Д. Пикок и Д. Вильямс – начала V – середины VII вв. [208, р. 187], Д. Амперер и М. Пикон – IV – конца VII вв. [209, р. 236], Дж. Хейс – начала V – VII вв. [70, р. 64, 69], А. Опайт – начала V – начала VI вв. [211, р. 207], А. И. Романчук, А. В. Сазанов, Л. В. Седикова – последней трети IV / первой половины V в. – 650-670 гг. [64, с. 29], А. В. Сазанов в более поздней типологической схеме – первой половины V – третьей четверти VII вв. [79, р. 87-88]. В Ятрусе они известны для комплексов конца IV – начала VII вв. (периоды B, C и D) [206, р. 33, 45-47, taf. 22], в Южной Галлии – V – начала VII вв. [212, р. 108-109, fig. 6-7; 213, р. 23, 25, fig. 5,1-2]. Констатируя факт длительного использования амфор LRA 1 в городских центрах Средиземноморья и Причерноморья, особо отметим их преобладание в комплексах VI–VII вв. Более того, Ж.-П. Содини и Э. Вилленев, на материалах Северной Сирии и Восточного Средиземноморья, не исключают отнесение финального этапа бытования амфор этого типа даже к VIII в. [214, р. 197], что, насколько нам известно, пока не подтверждается археологическими исследованиями в других регионах. Тем не менее, отметим доминирование амфор с рифлением корпуса типа “набегающая волна” в закрытых комплексах Херсонеса второй половины – конца VII в. [64, с. 13-14; 196, с. 117-121 (комплексы 22, 24-26)].

4. *Коричневоглиняные тонкостенные амфоры с большим содержанием слюды в тесте* типа 95 по Зеест (2,3%) (рис. 32,4) [63, с. 118-119, табл. XXXVIII,95]. Известны также как тип V-O или V по Скорпану [215, р. 158-159, pl. V; 200, р. 272-273, fig. 7,8], типы 4 или LRA 10 по Райли [216, р. 31, fig. 19; 205, р. 229-230], тип LIVBis по Кизэй [207, р. 286-289, fig. 124,6-18], тип 2 по типологии Драндского храма [201, с. 194, рис. 2,2], тип VII по Кузманову [202, с. 13-14, табл. 4, A39; 5, A40-43], класс 45 по Пикоку и Вильямсу [208, р. 188-190, fig. 107], признак 8 и тип 3 по Сазанову [197, с. 45, 47, рис. 2,8; 79, р. 88, fig. 1,3], тип 3 по Хейсу [70, р. 63, fig. 22,9], класс 22 по ХК-95 [64, с. 44, табл. 13]. В настоящее время гипотеза о производстве этого типа амфор в мастерских на острове Самос в Эгейском море [200, р. 272; 202, с. 14] пересматривается в пользу городских центров западного побережья Малой Азии [208, р. 188; 70, р. 63; 64, с. 44].

Общая хронология амфор типа 95 по Зеест, определявшаяся долгое время с незначительными расхождениями в пределах IV–VI вв. [217, р. 79, 119, pl. 17, L50; 34,41, M373; 215, р. 159; 200, р. 272; 205, р. 229-230; 207, р. 287, 289; 202, с. 14; 208, р. 189], в последние годы уточняется. Из Танаиса происходит наиболее ранний известный нам комплекс с амфорами этого типа, датированный серединой III в. [218, с. 95, 163, рис. 46,2]. Верхняя граница их использования относится ныне к

началу VII в. [211, р. 208, pl. 9,1-6], первой половине или середине VII в. [64, с. 44; 219, р. 136-137, 279, 281, pl. XLII,344,345], 655-670-м гг. [70, р. 63, 104, fig. 22,9; 48,178-180] либо даже к концу VII в. [79, р. 88, fig. 1,3].

5. *Коричневоглиняные амфоры с цилиндрическим корпусом типа "Газа"* (2,2%), изготовленные из рыхлого плохого качества теста с примесью песка (рис. 33,1; 39,5). Относятся к типу IV по ХК-71 [62, с. 84, рис. 4], типу XIV по Скорпану [200, р. 279-281, fig. 19,3-4], типу 2 и LRA 3 по Райли [216, р. 27-31, fig. 12-15; 205, р. 219-223, fig. 92,351-356], типу *Ilvaria* по Бетгеру [206, taf. 24,554], типу 5 по типологии Драндского храма [201, с. 195-196, рис. 2,5], типу LIV по Киэй [207, р. 278-285, fig. 121-123], типу IV по Кузманову [202, с. 12-13, табл. 4,А32-36], классу 49 по Пикоку и Вильямсу [208, р. 198-199, fig. 116], типу 6 по Хейсу [70, р. 64-65, fig. 22,4-5], классу 4 по ХК-95 [64, с. 21-22, табл. 5-7], типу 4 по Сазанову [79, р. 88, fig. 1,4]. Считаются продукцией гончарных мастерских из района Газы в Палестине [205, р. 222; 208, р. 198]. Хронология обращения амфор типа "Газа", безусловно, отличается для отдельных регионов Причерноморья и Средиземноморья. Тем не менее, в целом датировка типа определяется ныне в пределах IV-VII вв. [200, р. 280; 205, р. 220-222; 206, р. 33, 140; 207, р. 281; 202, с. 12; 208, р. 199; 213, р. 27, 29, fig. 8; 70, р. 65, 93-99; 212, р. 112, fig. 9,60-65; 211, р. 208-209; 219, р. 138]. Отметим их наличие в комплексах третьей четверти – конца VII в. из Херсонеса [64, с. 13-14, 21; 79, р. 88; 196, с. 117-121 (комплексы 22, 24-26)].

5. *Красноглиняные амфоры с воронковидным горлом и гребенчатым рифлением в верхней части корпуса* (1,9%) из плотного теста с включениями известняка и слюды (рис. 33,6). В отечественной историографии иногда называются амфорами "с глубоким и частым рифлением" корпуса или типа "Истрия", исходя из господствовавших ранее представлений о районе их изготовления. После открытия на острове Хиос, в Арголиде и Хидосе печей, где производились такие амфоры, очевидным кажется заключение об их южногреческом происхождении [208, р. 182; 220, р. 11]. В общих классификациях амфор относятся к типам XI-XIII по ХК-71 [62, с. 87-88, рис. 12-14]; типу VII-A и VII по Скорпану [199, р. 272-274, pl. II,8-10; 200, р. 274-276, fig. 10,11], типу 8 по Радулеску [204, р. 107, pl. VIII,1], типу LRA 2 по Райли [205, р. 217-219, fig. 91,348; 92,349-350], типу 10 по Якобсону [47, с. 14, 16, рис. 2,7-8; 3,2,3], типу I.1 по Бетгеру [206, р. 38-42, taf. 17,220-221], типу LXV по Киэй [207, р. 352-357, fig. 165; 166,1-11], типу I по Кузманову [202, с. 9-11, табл. 1-3,А1-26], классу 43 по Пикоку и Вильямсу [208, р. 182-184, fig. 101], типу 9 по Хейсу [70, р. 66, fig. 22,8,10-11], классу 18 по ХК-95 [64, с. 38-40, табл. 9,14-18], типу 2 по Сазанову [79, р. 88, fig. 1,2]. Картографирование находок амфор LRA 2 показывает их наибольшее распространение в бассейне Эгейского моря, на территории Греции, Подунавья, Крымского полуострова, реже – на памятниках Палестины, Египта, Киренаики, Туниса, Сицилии, Восточной Адриатики, юга Франции и даже в Британии [205, р.

218, fig. 44; 208, p. 181-183, fig. 102; 213, p. 25, 27, fig. 5,3; 212, p. 109-111, fig. 8,52-55; 221, p. 129-149]. Суммарная датировка типа укладывается в пределах IV–VII вв. [62, с. 88; 199, p. 273; 200, p. 274; 205, p. 217-219; 47, с. 14, 16; 206, p. 33, 38-42; 207, p. 354, 357; 202, с. 9-11; 208, p. 183-184; 70, p. 66, 95-100, 103; 64, с. 38; 211, p. 208; 79, p. 88; 219, p. 132-134, pl. XXXIX,325-326; XL,324,327-332; 220, p. 10-11]. Дж. Райли не исключает продолжения его бытования на севере Балканского полуострова в VIII в. [205, p. 219]. Особо отметим массовость данного типа амфор в Херсонесе для комплексов VI–VII вв., в том числе для второй половины – конца VII в. [64, с. 13-14, 38; 196, с. 117-121 (комплексы 22, 25, 26)].

6. *Красноглиняные амфоры с расширяющимся книзу горлом типа Делакеу* из достаточно плотного теста с примесью известняка, песка и характерными включениями частиц пироксена, видимых как на поверхности, так и на сколе черепка (0,94%). Представлены обломками стенок и плохо сохранившимся фрагментом овальной в сечении ручки с ребром. Идентифицируются с амфорами типа 100 по Зеест [63, с. 120, табл. XXXIX,100], типа II по ХК-71 [62, с. 83-84, рис. 3], типа I.6 по Бетгеру [206, p. 44-45, taf. 21,14,15,250]²⁴, типа 1 по классификации Драндского храма [201, с. 193-194, рис. 2,1], типа X по Кузманову [202, с. 16-17, табл. 7,А63,А64], признака 12 и типа 12 по Сазанову [197, с. 50-51, рис. 3,12; 79, p. 90, fig. 1,2], типа 29 по Крапивиной [222, с. 98, рис. 31,4-6], класса 3 по ХК-95 [64, с. 20, табл. 4,21; 5,20], типа E-Ia по Опайту [211, p. 217, pl. 20,4-5; 220, p. 29-30, pl. 18,4,5A]. Недавно была выдвинута гипотеза о том, что единственным или, по крайней мере, одним из нескольких центров производства амфор типа 100 по Зеест являлась Синопа [223, p. 104, 113]. Кроме района Синопы известны, в основном, по раскопкам памятников Болгарии (Несебр, Ятрус), Румынии (Хальмирис, Муригол и др.) [206, p. 44-45, taf. 21,14,15,250; 202, с. 16-17, табл. 7,А63; 211, p. 217; 219, p. 155-156, pl. LI,409,410; 220, p. 29-30], Северного Причерноморья (Ольвия, Тира, поселение у села Кут в Днепропетровской области, Танаис) [224, с. 70, рис. 7,6; 222, с. 98, рис. 31,4-6; 218, с. 46-47, 49, рис. 2,5; 3,4; 225, с. 225; 226, с. 42, табл. 2], Таманского полуострова (Фанагория, Кепы, Горгиппия и др.) [197, с. 42, 47, 51, табл. 1; 2; 4; 227, с. 9-14, рис. 11,8; 225, с. 225], черноморского побережья Кавказа [228, с. 53, рис. 6,1; 201, с. 193-194, рис. 2,1] и Крыма (Херсонес, Тас-Тепе, Мангуп, Пантикапей, Тиритака, Зенонов Херсонес и др.) [63, с. 120; 62, с. 84; 229, с. 147, рис. 3,1; 230, с. 97; 197, с. 43, 51, табл. 2; 64, с. 20; 225, с. 226; 231, с. 80; 226, с. 32, рис. 1,5-16; 23, с. 318, 321-327, 332].

Специалисты по-разному датируют время использования амфор типа Делакеу – в пределах второй половины III – IV вв. [232, с. 49, рис. 60,7,1,7,2], середины III – первой четверти VII вв. [79, p. 90], IV в. [211, p. 217; 220, p. 29-30], IV–VI вв. [202, с. 16], середины IV – конца VI / первой четверти VII вв. [64, с. 20],

²⁴ За исключением верхней части амфоры, которая, по нашему мнению, может быть отнесена к светлоглиняным амфорам типа "carottes" [206, taf. 21,249].

что указывает на необходимость дополнительного изучения вопроса. В этой связи отметим, что наиболее ранние экземпляры интересующего нас типа амфор происходят из комплексов Горгиппии, датированных временем не позднее первой половины III вв. [227, с. 9-14, рис. 11,8], слоя № 6 Хальмириса, сформировавшегося после 295 г., но до начала правления Констанция (337–361) [219, р. 155-156, 279-280, pl. LI,409-410], культурного горизонта черняховского поселения III–IV вв. у с. Кут в Днепропетровской области [224, с. 70, 75, рис. 7,6]. В Ольвии такие амфоры относятся к IV в. [222, с. 98, рис. 31,4-6], в Ятруссе – к IV – первой трети V вв. (периоды А, В, С) [206, р. 33, 44-45, taf. 21,14,15,250], в Синопе производятся со второй половины IV и на протяжении V вв. [223, р. 104, fig. 1b]. Верхняя граница бытования амфор типа Делакеу, в пределах конца VI – начала VII вв., очерчивается закрытыми комплексами этого времени из Херсонеса – засыпью колодца с монетами Маврикия (582-602) (4 экз.) в I квартале и 6-м слоем засыпи цистерны 2А с наиболее поздними монетами Юстиниана I (527-565) в VII квартале Северо-Восточного района [198, с. 70, рис. 13,4; 64, с. 10-11; 196, с. 114 (комплекс 17)], засыпью цистерны в квартале X “Б” с монетой Юстина II (565-578) Северного района городища [231, с. 80, рис. 6,1-4]²⁵. В хронологически более поздних комплексах они пока не известны.

7. Светлоглиняные амфоры с вытянутым “морковкообразным” корпусом типа “carottes”, изготовленные из плотного теста с примесью известняка, пироксена и железистых минералов. В нашем слое представлены одним двучастным венчиком (рис. 33,3; 39,10,11). Классифицируются как тип XVII-R или XVII по Скорпану [215, р. 166. pl. XV; 200, р. 283-284, fig. 23], тип 9 по Радулеску [204, р. 107-108, pl. X,1-4], тип 1 по Якобсону [47, с. 9, рис. 1,1], тип III.2 и часть типа I.6 по Бетгеру [206, р. 51, taf. 12e; 21,249; 28,334-337,564], тип XI по Кузманову [202, с. 17, табл. 7,А65-67], признак 2 и тип 14 по Сазанову [197, с. 41-43, рис. 1,2; 79, р. 90, 92, fig. 1,14], класс 2 по ХК-95 [64, с. 19-20, табл. 4,19], тип E-Id и “Conical amphora of Seleucia in Piera” по Опайту [211, р. 210, 217-218, pl. 11,1-3; 20,6,8; 220, р. 23, 30, pl. 9,1-3; 18,6,8]. Давно известны по археологическим исследованиям причерноморских центров Болгарии, Румынии, Абхазии, Крымского и Таманского полуостровов. В последние десятилетия ареал распространения амфор типа “carottes” расширен за счет находок, сделанных в Синопе, на территории Кипра, Сирии, Израиля, Иордании, в Египте [209, р. 232; 210, р. 145; 223, р. 105-106]. Вероятными районами их производства считают Синопу и Северную Сирию [209, р. 232, fig. 9; 10; 223, р. 105-106].

²⁵ Обращает внимание немногочисленность фрагментов амфор рассматриваемого типа в комплексах (до 1-2%). Однако, из этого не обязательно, как у С. Г. Рыжова и Л. В. Голофаст, должен следовать вывод об их “примеси снизу” [231, с. 80]. В таблице соотношения амфор из засыпи цистерны, составленной авторами публикации, количество обломков амфор типа Делакеу (18 шт.) ненамного уступает числу фрагментов от амфор, характерных для комплексов VII в. на Херсонесском городище – сиро-палестинских (20 шт.), типа 95 по Зеест (22 шт.), “с перехватом” (22 шт.), “Газа” (24 шт.) [231, с. 90, табл. 2].

В отношении хронологии амфор типа "carottes" у исследователей нет единодушия. Ранее их датировали III–IV вв. (Д. Амперер и М. Пикон), IV–VI вв. (А. Радулеску) или V–VI вв. (А. Л. Якобсон, Г. Кузманов) [204, с. 108; 47, с. 9; 202, с. 17; 209, р. 232]. На сегодняшний день, общая хронология типа определяется в пределах начала V – конца VII в., для Северного Причерноморья – второй четверти VI – конца VII вв. [197, с. 43; 64, с. 19; 233, с. 186; 79, р. 90, 92]. Хорошее стратиграфическое обоснование таким заключениям дает Ятрус, где указанный тип амфор характерен для периодов С (408 – около 430 гг.) и D (конец V – начало VII вв.) [206, р. 33, 51], и комплексы третьей четверти – конца VII в. из Херсонеса [64, с. 13-14; 196, с. 117-121 (комплексы 23, 25, 26)]²⁶.

Из амфорных находок остались неопределенными фрагменты светлоглиняного венчика в виде уплощенного полувалика плотного теста с примесью известняка и песка (рис. 33,2) и красноглиняной ручки овальной в сечении со слабожелобчатой поверхностью, покрытой светлым ангобом, плотного теста с примесью известняка, песка, железистых частиц (рис. 39,13). Отметим также плоское дно от красноглиняного тарного сосуда из плотного теста с примесью известняка, карасана, песка, покрытого ангобом золотистого цвета (рис. 40,5).

Кухонная керамика составляет только 6,4% от всего керамического комплекса 4-го слоя (72 фрагмента).

Таблица 7

Структура комплекса кухонной керамики из 4-го слоя в квадрате А

№	Кухонная керамика	Всего фрагментов	%
1	Гончарная	30	41,7
2	Лепная	42	58,3

Как видно из таблицы 7, преобладает лепная керамика (58,3%) с темным или коричневым в изломе черепком, из рыхлого теста с примесью шамота, дресвы, песка, как правило, с подлощенной поверхностью. Представлена в слое следующими формами сосудов:

1. Плоскодонные горшки с шаровидным туловом, невыделенным горлом, оканчивающимся непрофилированным вертикальным (рис. 34,2), воронковидным (рис. 33, 5, 34, 1) или отогнутым венчиком (рис. 33,4,7,8; 39,15).

2. Глубокие чаши с вертикальным непрофилированным (рис. 39,16) или валикообразным краем (рис. 40,2).

²⁶ В Хальмирисе амфоры типа "carottes" обращаются с середины IV до начала VI вв., а наиболее ранние происходят из слоя № 7 середины IV – 395/402 гг. [219, р. 141, 279, pl. XLIV,358,359]. А. Опайт датирует рассматриваемый тип амфор концом IV – серединой V вв. или V в., однако, ему, к сожалению, остались недоступными материалы с памятников Таврики и Тамани [211, р. 210, 218; 220, р. 23, 30].

3. Неглубокие миски с вертикальным заостренным краем (рис. 40,1).

4. Небольшие миски с вогнуто-выпуклым (S-видный профиль) краем (рис. 40,3).

Кухонная гончарная керамика представлена фрагментами красноглиняных рыхлого теста с примесью известняка и шамота кувшинов с ойнохоевидным горлом (рис. 39,12), горшков с валикообразным (рис. 34,5) или отогнутым непрофилированным венчиком (рис. 35,1; 40,7), к которому могла прикрепляться овальная в сечении ручка с отверстием (рис. 40,4). Темный в изломе плотный черепок с включениями известняка имеют плоскодонные горшки с шаровидным туловом, которые характеризуются кручеными ручками, крепившимися непосредственно к венчику с внутренней или внешней закраиной под крышку (рис. 34,4,6,8; 35,5). Подобные сосуды известны по комплексам конца VI – начала VII вв. из Херсонеса [234, рис. 3,6-7; 231, с. 83, 86, рис. 16,4,8,11,14-16,18-20,22-26], затонувшего после 625-626 гг. корабля у острова Ясси Ада [189, р. 165-166, 175, 177, fig. 8-9,Р3; 8-15,Р43,47-48,50], комплекса 650-670 гг. из квартала Сарачхане в Стамбуле [70, р. 102, fig. 43,108; 45,130-131].

Столовая керамика составляет 5,9% от всего керамического комплекса 4-го слоя (66 фрагментов) (табл. 8).

Таблица 8

Структура комплекса столовой керамики из 4-го слоя в квадрате А

№	Столовая керамика	Всего фр-тов	%
1	Простая гончарная керамика	40	60,2
2	Сосуды с росписью линиями ангоба	17	25,9
3	Краснолаковая керамика	9	13,9

Простая гончарная керамика без следов орнаментации, преобладающая в комплексе, представлена мелкими фрагментами плоскодонных красноглиняных кувшинов и горшков из плотного теста с примесью известняка, реже – песка и карасана, покрытых светлым ангобом (рис. 35,8; 36,5; 40,3,6) или без него (рис. 35,4; 36,2,6). Отдельно отметим фрагменты светлоглиняных кувшинов – с вертикальным подтреугольным в сечении (рис. 35,2) и отогнутым сложнопрофилированным, покрытым темным ангобом венчиками (рис. 37,3).

Группа сосудов с росписью линиями светлого ангоба состоит из фрагментов кувшинов с воронковидным горлом с характерным пальцевым вдавлением в месте прилепа плоской желобчатой ручки к венчику, идентичным описанным в комплексе столовой керамики 3-го слоя (рис. 35,3,6,7; 36,1,3). Как уже отмечалось, на сегодняшний день они известны на памятниках Таврики в комплексах IX – начала / первой половины X вв. В то же время их фактурное и технологическое сходство с ойнохоями “скалистинского типа” конца VI - XI вв. не исключает в дальнейшем заключения о более широком периоде использования данных кувшинов.

Краснолаковая керамика в 4-м слое представлена фрагментами следующих форм:

1. Кувшинов плотного теста с примесью известняка и карасана, покрытых бурым лаком – светлоглиняного с ойнохоевидным горлом (рис. 36,4) и красноглиняного с вогнутым с отверстием дном (рис. 37,1).

2. Коричневоглиняной миски плотного теста с примесью известняка на низком кольцевом поддоне с загнутым утолщенным краем, покрытой лаком бурого цвета (рис. 36,7; 37,4). В отечественной литературе относится традиционно к форме 62В группы “Африканские краснолаковые сосуды” (ARSW) 350-425 гг. по Дж. Хейсу, несмотря на иной профиль дна (плоское) в классическом варианте [235, р. 108-109, fig. 18,14-15]. По материалам раннесредневековых могильников Таврики датировались IV–VI вв. [236, с. 115-116, рис. 3,15; 5,2; 7,2 (признак 16); 185, с. 254, 261, 268, 275, табл. XXIV,5; XXVII,140; XXIX,3], Боспора – серединой IV – третьей четвертью VI вв. [197, с. 51, 52, рис. 4,14 (признак 14)], Херсонеса и в целом памятников Северного Причерноморья – концом IV – третьей четвертью VI вв. [237, с. 35-40, рис. 12-17; 238, с. 407, рис. 1,5]. В этой связи обращает на себя внимание присутствие мисок формы 62В группы ARSW в Херсонесе и в более позднее время, вплоть до третьей четверти VII в. [196, с. 116-118, рис. 60,1-4,7; 66,12; 68,4 (комплексы 21-23)].

3. Красноглиняной миски плотного теста без видимых примесей с клювовидным краем, покрытой красным лаком, формы 99С группы ARSW по Дж. Хейсу (рис. 37,5,6). Традиционная датировка – 560/580-620 гг. [235, р. 152-155, fig. 28,22-23; 237, с. 41-42, рис. 20,205; 238, с. 409, рис. 2,11-15]. В то же время такие сосуды продолжают встречаться в херсонесских комплексах второй половины – конца VII в. [196, с. 119-120, рис. 66,13; 77,18; 78,6 (комплексы 22, 25, 26)].

4. Красноглиняной миски плотного теста без видимых примесей с отогнутым зубчатым краем, покрытой красным лаком (рис. 39,14). Выделена Дж. Хейсом в форму 2 группы “Поздний римский Д” середины V – середины VI вв. [235, р. 373, 376, fig. 80,1]. А. В. Сазанов удлиняет период ее бытования до третьей четверти VI в. [197, с. 53, рис. 4,15 (признак 15); 238, с. 416-417, рис. 8,3-9]. В сводке раннесредневековых комплексов Херсонеса, составленной Л. А. Голофаст, наиболее поздними, где присутствуют такие миски, являются комплексы третьей четверти VII в. [196, с. 117-118, рис. 66,17; 68,2]²⁷.

Индивидуальные находки в слое представлены фрагментом светлоглиняного биконического пряслица с лощеной поверхностью (рис. 38,4), заготовкой под рукоятку (?) из рога (рис. 38,2), костяной спицей с заостренными краями и

²⁷ Неясно, почему в комплексе 23 фрагмент венчика миски формы 2 LRD назван Л. А. Голофаст “примесью снизу”, в то время как в комплексе 22 он входит в число датирующих находок.

зашлифованной поверхностью (рис. 38,8), фрагментом железного крюка (?) с плоским краем с отверстием (рис. 38,3), сильно коррозированным железным черешковым трехлопастным (?) наконечником стрелы (рис. 38,5), фрагментом моливдовула с крестообразной монограммой на аверсе и остатками легенды на оборотной стороне, обломком прямоугольного точильного бруска из песчаника (рис. 38,1), многочисленными фрагментами (173 шт.) зеленоватого оконного стекла, в том числе оплавленного утолщенного края (рис. 38,6-7), а также фрагментами разнообразных *стеклянных сосудов* следующих типов:

1. Наиболее многочисленны обломки сосудов (чаш, стаканов, кубков, рюмок или лампад) из прозрачного зеленоватого, желтоватого либо голубоватого стекла с оплавленным утолщенным краем, диаметром 7-8 см, типа 2 по Голофаст (рис. 37,2,7,9,11,12,14,20). Датируются в пределах V-VII вв. [196, с. 133-135, рис. 83]. Точная форма изделий не поддается реконструкции из-за сильной фрагментарности находок.

2. Лампады с узкой цилиндрической полой ножкой из прозрачного зеленоватого стекла типа 4.2 по Голофаст (рис. 37,10). Датируются концом V – VII вв. [196, с. 138-139, рис. 85,2-12].

3. Бутылы с недекорированным горлом с загнутым округлым утолщенным краем, диаметром 5 см, из прозрачного голубоватого стекла типа 5.2 по Голофаст (рис. 37,13). Относятся ко второй половине IV – началу VII вв. [196, с. 142, рис. 87,4,7-9,11].

4. Вогнутые полусферические донья без поддона из прозрачного зеленоватого стекла типа 7.1 по Голофаст (рис. 37,21). Встречаются на сосудах различной формы и функционального назначения второй половины IV – VI вв. [196, с. 147-148, рис. 91,1-4,6,8].

5. Подставки рюмок из прозрачного зеленовато-голубоватого стекла с конусовидной подножкой на кольцевом валикообразном поддоне диаметром 4 см типа 9.1 по Голофаст (рис. 37,8,16,18). Датируются в широких пределах второй половины / конца V – XI вв., но преобладают в комплексах VI–VII вв. [196, с. 154-158, рис. 92,1-9].

6. Подставки рюмок из прозрачного зеленоватого стекла с массивной уплощенной подножкой типа 9.2 по Голофаст. Один фрагмент принадлежит первому подтипу со сплошной суживающейся к середине ножкой и тонкими стенками. Выявлены в комплексах Херсонеса второй / третьей четверти VI – последней четверти VII вв. (рис. 37,15). Второй фрагмент принадлежит второму подтипу, производившемуся в конце IV – IX вв., но преобладавшем в VII–IX вв. (рис. 37,17) [196, с. 158-159, рис. 92,10-13].

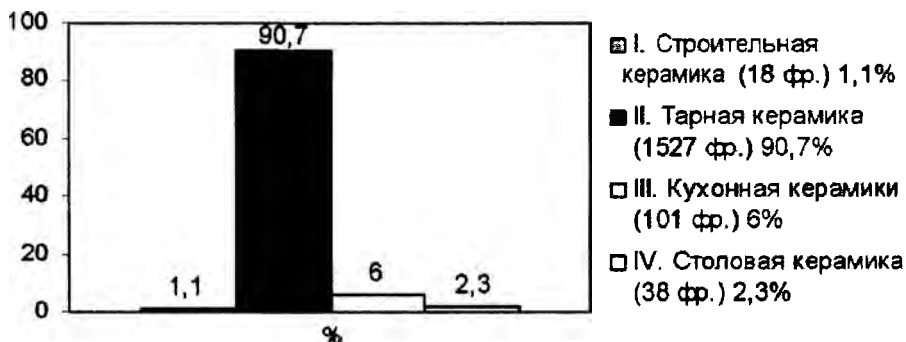
7. Кувшина (?) с подпрямоугольным слегка скошенным наружу краем диаметром 8,4 см, декорированным накладной полосой, из прозрачного желтовато-зеленоватого стекла (рис. 37,19). Точных аналогий подобрать не удалось.

Нумизматические находки представлены тремя монетами: серебряным денарием Гордиана III (238-244), медным боспорским статером III – первой четверти IV вв. и неопределенным медным византийским деканумием (см. Приложение 1, №№ 42-44). Учитывая хронологию монет, очевидно, они не являются датирующим материалом в 4-м слое.

Приступая к характеристике археологического комплекса из **5-го слоя**, оговорим один важный момент. На площади квадрата А, где горизонты ранневизантийского периода в истории Мангупа представлены наилучшим образом, он также состоит из обломков керамики и индивидуальных находок этого времени. Однако, при выборке слоя в квадрате Г были обнаружены фрагменты сосудов, характерных для IX–XI вв. – высокогорлых кувшинов класса 41 по ХК-95 (4 фрагмента), “причерноморских” амфор класса 24 по ХК-95 (45 фрагментов) (рис. 54,4,7), чашки под крошечной зеленой глазурью группы GWW-II (1 фрагмент). Эти находки, которые, как и “причерноморские” амфоры в 4-м слое, формируют наши представления о времени образования горизонта, тем не менее, не составляют ядро его археологического комплекса находок, которое характеризуют хронологически более ранние фрагменты строительной, тарной, кухонной и столовой керамики (всего 1684 фрагмента) (см. график 4).

График 4

Структура керамического комплекса 5-го слоя в квадрате А (%)

Строительная керамика представлена немногочисленными фрагментами красно- и светлоглиняных керамид, с высоким (до 6,5 см) подтреугольным в сечении краем с округлым верхом и желобком вдоль основания, и калиптеров из плотного теста с примесью известняка, шамота, песка и пироксена. Характерная особенность – желобчатая поверхность изделий (рис. 41). А. Л. Якобсон и А. И. Романчук, анализируя строительную керамику Херсонесского городища, датируют подобную черепицу VI–VII вв. [47, с. 27; 60, с. 21, рис. 5,1-2 (группа 1)]. Справедливость такого заключения для Мангупа подтверждается находками

идентичных керамид и калиптеров в керамическом комплексе Демир-Капу, формирование которого, как уже отмечалось, не выходит за пределы середины VI в. [23, с. 324-325, рис. 24].

Комплекс *тарной керамики*, наиболее многочисленный в 5-м слое, включает в себя две стенки от красноглиняных пифосов и 1525 фрагмента стенок и профильных частей амфор.

Как видно из таблицы 9, большая часть типов амфор в комплексе присутствовала в уже описанном комплексе 4-го слоя. Поэтому, ограничившись их простым перечнем, сосредоточим внимание на амфорах, впервые встреченных или оставшихся неопределенными. Таким образом, тарный комплекс 5-го слоя представлен фрагментами следующими типов амфор:

1. *Коричневоглиняных с вытянутым, с сужением в средней части* ("с перехватом"), корпусом конца IV – VII вв. (34,4%) (рис. 43,3-8; 44; 45,1; 53,4-5).

2. *Красноглиняных круглодонных желобчатых типа V по ХК-71 VI–VII вв.* (24,7%) (рис. 42; 43,1-2; 53,3).

3. *Светлоглиняных с вытянутым "морковкообразным" корпусом типа carottes* начала V – VII вв. (13,3%) (рис. 46,2,5; 47,1,2,7; 53,10).

Таблица 9

Типы амфор из 5-го слоя в квадрате А

№	Типы амфор	всего фр-тов	%	вен-чики	%	руч-ки	%	донья	%	стен-ки	%
1.	Класс 1 по ХК-95 («с перехватом»)	524	34,4	27	35,1	34	36,6	8	57,2	455	33,9
2.	Тип V по ХК-71	376	24,7	28	36,3	28	30,1	2	14,3	318	23,7
3.	Класс 2 по ХК-95 (типа «carottes»)	203	13,3	3	3,9	7	7,5	1	7,1	192	14,3
4.	Класс 12 по ХК-95 (с рифлением корпуса типа «набегающая волна»)	181	11,9	11	14,3	9	9,7	–	–	161	12
5.	Класс 4 по ХК-95 (типа «Газа»)	66	4,3	2	2,6	1	1,1	2	14,3	61	4,6
6.	Тип 95 по Зеест	37	2,4	–	–	6	6,4	1	7,1	30	2,2
7.	Тип 96/97 по Зеест	35	2,3	2	2,6	5	5,4	–	–	28	2,1
8.	Класс 18 по ХК-95 (тип «Истрия»)	18	1,2	1	1,3	–	–	–	–	17	1,3
9.	Тип 100 по Зеест (типа Делакеу)	9	0,59	–	–	–	–	–	–	9	0,67
10.	Тип 72 по Зеест	2	0,13	1	1,3	1	1,1	–	–	–	–
11.	Неопределенные	74	4,8	2	2,6	2	2,2	–	–	70	5,2

4. Светлоглиняных с рифлением корпуса типа “набегающая волна” V–VII вв. (11,9%) (рис. 45,2-7; 46,1; 53,6,9).

5. Коричневоглиняных с цилиндрическим корпусом типа “Газа” IV–VII вв. (4,3%) (рис. 49,1-3).

6. Коричневоглиняных тонкостенных с большим содержанием слюды в тесте типа 95 по Зеест IV–VII вв. (2,4%) (рис. 45,8; 46,3,4).

7. Красноглиняных с воронковидным горлом и клювовидным венчиком типа 96-97 по Зеест (2,3%) (рис. 48,1-3) [63, с. 119-120, табл. XXXVIII,96,97]. Изготовлены из плотного теста с примесью известняка, карасана, слюды; снаружи покрыты светло-коричневым ангобом. Относятся также к признаку 9 и типу 20 по Сазанову [197, с. 47, рис. 2,9; 79, р. 92, fig. 2,20], типу 37 по Крапивиной [222, с. 100, рис. 31,14]. Известны только по раскопкам памятников Европейского и Азиатского Боспора, Херсонеса и Ольвии. Такая география распространения типа, в совокупности с открытием печей для обжига амфор в Пантикапее и Фанагории, позволяет уверенно считать его продукцией городских центров Керченского и Таманского полуостровов [63, с. 119; 197, с. 47]. Датировка в пределах конца III – IV вв., предложенная в свое время И. Б. Зеест [63, с. 119], ныне пересмотрена А. В. Сазановым, который относит период их бытования к концу IV – концу VI вв. [79, р. 92].

8. Красноглиняных с воронковидным горлом и гребенчатым рифлением в верхней части корпуса типа “Истрия” IV–VII вв. (1,2%) (рис. 47,4).

9. Красноглиняных с расширяющимся книзу горлом типа 100 по Зеест середины III – начала VII вв. (0,59%).

10. Красноглиняных желобчатых типа “мирмекийских” из плотного теста с примесью известняка, шамота, железистых частиц, покрытых светлым ангобом (0,13%) (рис. 47,5), которые относятся к типу 72 по Зеест [63, с. 111-112, табл. XXX,72], типу 1.5 по Бетгеру [206, S. 44, Taf. 21,5-9], типу B-la по Опайту [220, р. 27-28, pl. 17,1,3]. Суммарная датировка типа, в пределах середины III – последней четверти V вв., дана А. В. Сазановым [225, с. 238-239; 226, с. 32-33]. В таком случае, скорее всего, фрагменты “мирмекийских” амфор в нашем слое следует расценивать как “примесь снизу”.

Из оставшихся неопределенными амфор в 5-м слое отметим фрагменты светлоглиняных двучастного и воронкообразного венчиков плотного теста с примесью шамота (рис. 47,8; 49,4), коричневоглиняного воронкообразного венчика плотного теста с примесью известняка и песка, покрытого темным ангобом (рис. 47,6), ручек овальных либо округлых в сечении плотного теста с примесью известняка, покрытых светлым ангобом (рис. 47,3) или в тон черепку (рис. 54,1-2).

Кухонная керамика, представленная обломками простой гончарной и лепной посуды, составляет 6% (101 фрагмент) от общего числа находок в 5-м слое (табл. 10).

Таблица 10

Структура комплекса кухонной керамики из 5-го слоя в квадрате А

№	Кухонная керамика	Всего фрагментов	%
1	Гончарная	15	14,9
2	Лепная	86	85,1

Преобладает лощеная лепная керамика с темным, серым либо коричневым в изломе черепком рыхлого теста с включениями песка и дресвы со следами пребывания в огне. Сосуды, как правило, не орнаментированы. Лишь на двух стенках зафиксирован декор в виде простых прочерченных линий (рис. 48,4) или налепного валика (рис. 50,8). Отметим также фрагмент ручки в виде "ушка" от изделия, облик которого, к сожалению, не реконструируется (рис. 50,9). По форме сохранившихся верхних частей, выделяются две основные формы посуды: горшки с вертикальным либо отогнутым непрофилированным венчиком, плоским с закраиной дном (рис. 48,5; 49,6-9; 50,1,4,5,10; 54,3) и миски с отогнутым непрофилированным краем (рис. 50,3,6,7). Простая гончарная кухонная керамика представлена фрагментами серо- или коричневоглиняных горшков с вертикальным, воронковидным либо отогнутым венчиками (рис. 49,5; 50,2; 53,7,8,11,14,15; 54,5,6).

Комплекс *столовой керамики* включает в себя 38 фрагментов простой гончарной и краснолаковой посуды (2,3% от общего числа керамических находок в слое) (табл. 11).

Таблица 11

Структура комплекса столовой керамики из 5-го слоя в квадрате А

№	Столовая керамика	Всего фрагментов	%
1	Простая гончарная керамика	30	78,9
2	Краснолаковая керамика	8	21,1

Гончарная керамика, изготовленная из плотного теста с примесью известняка и песка, сильно фрагментирована. Из профильных частей отметим фрагменты красноглиняной плоской ручки от красноглиняного кувшина (рис. 51,1), светлоглиняной лощеной миски с сильноотогнутым утолщенным краем (рис. 51,3), плоского дна коричневоглиняного сосуда со смолением изнутри (рис. 51,2) и плоского дна с закраиной от розовоглиняного сосуда (рис. 51,5).

Краснолаковая керамика в комплексе представлена следующими формами изделий:

1. Описанных выше красноглиняных мисок с загнутым утолщенным краем формы 62В группы ARSW конца IV – третьей четверти VII вв. (рис. 51,8,9).

2. Красноглиняной миски с отогнутым зубчатым краем формы 2 группы LRD, как уже отмечалось, середины V – третьей четверти VII в. (рис. 53,1).

3. Красноглиняной миски с ребром при переходе к сильноотогнутому краю формы 2 группы LRC (рис. 51,4,7), датируемой Дж. Хейсом 370 – 425-450 гг. [235, р. 327-329, fig. 66], А. В. Сазановым – концом IV – третьей четвертью VI вв. [238, с. 411, рис. 4,8-11].

4. Красноглиняной миски с вертикальным округлым краем формы 1 группы LRC (рис. 51,6). Дж. Хейс датировал ее концом IV – третьей четвертью V в. [235, р. 325-327, fig. 65], А. И. Романчук и А. В. Сазанов – концом IV / началом V – третьей четвертью VI вв. [237, с. 10-12, рис. 1,1-5], А. В. Сазанов – концом IV / началом V – второй четвертью VI вв. [238, с. 410-411, рис. 4,1-7]. В Херсонесе продолжают встречаться до первой четверти VII вв. [196, с. 116-117, рис. 60,9 (комплекс 21)].

Кроме того, в 5-м слое обнаружен фрагмент красноглиняного краснолакового светильника с рельефным растительным орнаментом (рис. 51,11).

Среди *индивидуальных находок* отметим темноглиняное плоское пряслице (рис. 51,12), крышку из зеленоватого стекла (рис. 52,17), свинцовую пломбу-заготовку для печати с продольным каналом, фрагменты прямоугольной свинцовой пластины (рис. 51,13), железных изделий (рис. 51,10,14; 52,16; 53,2), гранитного ядра (рис. 52,18), прозрачного оконного стекла (57 шт.) и стеклянных сосудов следующих форм:

1. Стаканы с обрезанным краем из прозрачного с оливковым оттенком стекла типа 1.1 по Голофаст. Датируются концом IV – последней четвертью V в. [196, с. 123-127, рис. 81,1-10]. Представлены фрагментами отогнутого венчика с загнутым вверх обрезанным краем и стенки с налетом синего стекла (рис. 52,8,14).

2. Наиболее многочисленны сосуды (чаши, стаканы, кубки, рюмки, лампы) с оплавленным утолщенным краем из прозрачного и зеленоватого стекла типа 2 по Голофаст V–VII вв. (рис. 52,1-4,6,7,9,15; 53,12; 54,8) [196, с. 133-135, рис. 83].

3. Бутыли из голубоватого стекла с округлым валикообразным венчиком и не декорированным раструбообразным горлом типа 5.1 по Голофаст. Третий подтип, к которому относится наш фрагмент, датируют концом IV – VII вв. (рис. 52,5) [196, с. 142-143, рис. 87,1-3,5-6,10,16].

4. Кольцевые подставки рюмок из зеленовато-голубоватого стекла с конусовидной подножкой и валиком по краю типа 9.1 по Голофаст. В целом датируются концом V – XI вв., но преобладают для периода VI–VII вв. (рис. 52,13; 54,9,10) [196, с. 154-158, рис. 92,1-9].

5. Кольцевые подставки рюмок из зеленоватого стекла с массивной уплощенной подножкой с валикообразным краем типа 9.2 по Голофаст. Производились в конце IV – IX вв., с пиком бытования в VII–IX вв. (рис. 52,11; 53,13) [196, с. 158-159, рис. 92,10-13].

6. Стенка с плоской ручкой в виде “ушка” от неопределенной формы сосуда из прозрачного стекла (рис. 52,10).

Нумизматическая коллекция в 5-м слое представлена семью бронзовыми монетами плохой сохранности, четыре из которых удалось определить. Они принадлежат выпускам императоров Валентиниана II (375-392), Феодосия II (398-450) и Валентиниана III (423-455), Льва I (457-474) и Юстиниана I (527-565) (Приложение 1, №№ 45-51).

Суммируя наблюдения, сделанные в ходе анализа археологического комплекса 4-го и 5-го слоев, рассматриваемых стратиграфически как единый по происхождению культурный горизонт, можно сделать следующие выводы. Во-первых, основная масса датирующих находок свидетельствует о его формировании в ранневизантийский период истории Мангупа, скорее всего, в пределах второй половины VI – VII вв. Наличие в комплексе амфор типа *carottes*, 96/97 и 100 по Зеест, шаровидных горшков с кручеными ручками и венчиком с закраиной, краснолаковых мисок форм 1 и 2 группы LRC, формы 99C группы ARSW, стеклянных сосудов типов 5.2 и 7.1 по Голофаст, пентануммия Юстиниана I указывает, что наиболее оптимальной хронологией для совместного использования большинства категорий датирующего материала является период второй половины VI – начала VII вв. В то же время, учитывая “сброшенность” культурного слоя с поверхности мыса Тешкли-бурун, где горизонты этого времени в процессе раскопок пока не зафиксированы, мы не видим необходимости определенно настаивать на такой относительно узкой дате. Ее конкретизация возможна лишь в ходе подготовки к публикации раннесредневековых комплексов с других участков городища, в ходе которой хронология характерных групп находок этого времени на Мангупе будет обосновываться не только поиском аналогий на других памятниках, но и собственным археологическим контекстом городища. Во-вторых, время совершения “сброса” культурного горизонта с территории мыса на его склоны, скорее всего, в конце IX – начале X вв., определяет присутствие в нем немногочисленных фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, “причерноморских” амфор класса 24 по ХК-95, глазурованной посуды группы GWW-II по Дж. Хейсу и, возможно, кувшинов с воронковидным горлом с росписью линиями светлого ангоба. Наконец, “примесь снизу” в комплексе являются единичные фрагменты амфор типа 72 по Зеест и стеклянных стаканов с пятнами синего стекла типа 1.1 по Голофаст.

Основные выводы. Проведенные на достаточно широкой площади археологические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун позволили получить важную информацию о стратиграфической ситуации и основных периодах функционирования поселения в этой части городища. Зафиксированные в пределах раскопа культурные горизонты интерпретируются как единовременные “сбросы” накопившихся культурных напластований с поверхности плато на его склоны в результате строительной активности на акрополе Мангупского городища. Стратиграфические наблюдения и анализ

полученного археологического материала позволили выделить три периода такой активности – приблизительно, в конце IX – начале X вв., в 20-х гг. XV в. и в конце XVI – начале XVII вв. Разнообразные и выразительные находки из “строительных сбросов” отражают основные составляющие материального комплекса городища для второй половины VI – VII вв., X – первой половины XI вв. и XIV–XV вв. Как и на других участках исследования Мангупа, крайне немногочисленны артефакты, которые могут быть уверенно отнесены к “хазарскому” времени и периоду XII–XIII вв.

Безусловно, лишь после публикации материалов раскопок жилой и хозяйственной застройки акрополя Мангупа станет возможной окончательная историческая интерпретация полученных результатов стратиграфических исследований. Тем не менее, учитывая особенности формирования культурного слоя цитадели, связанного, как правило, со строительными горизонтами периода княжества Феодоро и турецкого времени, очевидно, что исследованные культурные напластования имеют исключительное значение для характеристики наиболее ранних периодов в истории этой части городища. Они отражают динамику жизни со времени появления укрепленного поселения на Мангупском плато в середине VI в. и до катастрофы середины XI в., природа которой пока остается неясной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Герцен А. Г.* К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27.
2. *Герцен А. Г.* Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
3. *Герцен А. Г.* Хазары в Доросе – Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
4. *Герцен А. Г.* Дорос–Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
5. *Герцен А. Г.* У истоков иудейской общины Мангупа // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
6. *Тиханова М. А.* Базилика // МИА. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). 1953. № 34.
7. *Якобсон А. Л.* Дворец // МИА. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). 1953. № 34.
8. *Даниленко В. Н., Романчук А. И.* Поливная керамика Мангупа // АДСВ. Свердловск, 1969. Вып. 6.
9. *Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чореф М. Я.* Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
10. *Мыц В. Л.* Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1.
11. *Науменко В. Е.* Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1.

12. *Gerzen A., Maczynska M.* Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-dere bei Mangup auf der Krim // Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000.
13. *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешклибурун // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
14. *Герцен А. Г., Сидоренко В. А.* Чамнубурунский клад монет-иммитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988. Вып. 24.
15. *Herzen A. G.* Tesoro di Teşkliburun; scavi di Mangup // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995.
16. *Guertzen A.* Le trésor de Techklibouroun provenant des fouilles de la Mangoup // Archeologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époque des grandes invasions, IVe – VIIIe siècle. Caen, 1997.
17. *Gerzen A.* Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabunden von Mangup) // Unberkannte Krim. Heidelberg, 1999.
18. *Herzen A. G.* Oggetti provenienti dalle necropoli dei dintorni di Mangup // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995.
19. *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
20. *Герцен А. Г., Алексеенко Н. А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33.
21. *Смокотина А. В.* Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
22. *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
23. *Герцен А. Г., Манаев А. Ю.* Демир-Капу (укрепление А.XIX) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
24. *Герцен А. Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
25. *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Пещерные церкви Мангупа. Симферополь, 1996.
26. *Герцен А. Г.* Бронзовая статуэтка Меркурия из раскопок Мангупа // Символ в философии и религии. Тез. докл. науч. конф. Севастополь, 2004.
27. *Веймарн Е. В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма. 1. О Чуфут-Кале и Фуллах // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
28. *Morgan Ch.* The Byzantine Pottery // Corinth. 1942. Vol. XI.
29. *Георгиева С.* Керамиката от двореца на Царевец // Царевград Търнов. София, 1974. Т. 2.
30. *Антонова В.* Трапезна глазуrowана керамика със сграфито украса (XII-XIV в.) от средновековния Шумен // Годишник на музеите от Северна България. Варна, 1977. Кн. III.
31. *Bakirtzis Ch., Papanicola-Bakirtzis D.* De la ceramique byzantine en glaçure a Thessalonique // Byzantinobulgarica. Sofia, 1981. Vol. VII.
32. *Brouscari E.* Collection Paul Canellopoulos // BCH. 1988. Vol. CXII.
33. *Vavilopoulou-Charitonidu A.* Céramique d'offrande trouvée dans des tombes byzantines tardives de l'hippodrome de Thessalonique // BCH. 1989. Suppl. XVIII.

34. *Parman E.* The Pottery from St. John's Basilica at Ephesos // BCH. 1989. Suppl. XVIII.
35. *Sanders G.* Excavations at Sparta: the Roman Stoa, Preliminary Report, Part 1. Medieval Pottery // BSA. 1993. № 88.
36. *François V.* La Céramique byzantine à Thasos // Études Thasiennes. Athenes; Paris, 1995. Vol. XVI.
37. *Spieser J.-M.* Die Byzantinische Keramik aus der Stadtgrabung von Pergamon. Berlin; New York, 1996.
38. *François V.* Les ateliers de céramique byzantine de Nicée / Iznik et leur production (X – début XIV siècle) // BCH. 1997. Vol. CXXI.
39. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito (Ed. by D. Papanicola-Bakirtzis). Athens, 1999.
40. *Dark K.* Byzantine Pottery. Charleston, 2001.
41. *Spinei V.* Moldova in secolele XI-XIV. București, 1982.
42. *Кравченко А. А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV). Киев, 1986.
43. *Романчук А. И., Перевозчиков В. И.* Глазурованная керамика из Азова (херсонско-азакские параллели в орнаментике) // АДСВ. Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990. Вып. 25.
44. *Перевозчиков В. И.* Некоторые данные о поливной керамике Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
45. *Плетнева С. А.* Таматарха – Тмутаракань // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII вв. М., 2003.
46. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсон (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.
47. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
48. *Паршина Е. А.* Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 1991.
49. *Баранов И. А., Майко В. В.* Комплекс поливной керамики XIV в. из раскопок храма Девы Марии в Сугдее // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
50. *Бочаров С. Г.* Две группы поздневизантийских чаш второй половины XIV – первой четверти XV в. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
51. *Тесленко И. Б.* К вопросу о производстве поливной керамики с орнаментом сграффито в крепости Алустан в XIV в. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
52. *Крамаровский М. Г.* Византийская и сельджукская керамика сграффито с темой вина и веселья кон. XII – первой пол. XIV в. (по материалам Крыма и Черноморского побережья Болгарии) // АДСВ. Екатеринбург, 2000. Вып. 31.
53. *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
54. *Романчук А. И.* Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Екатеринбург, 2003.

55. *Романчук А. И.* Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники сграффито и шамплеве) // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
56. *Баранов И. А.* Комплекс третьей четверти XIV в. в Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
57. *Паршина Е. А.* Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
58. *Симонова Т. И.* Метки на черепице кровли дома XIII-XIV вв. // АДСВ. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. Вып. 17.
59. *Мыц В. Л.* Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2.
60. *Романчук А. И.* Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.
61. *Романчук А. И.* К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27.
62. *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.
63. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
64. *Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
65. *Megaw A.* Supplementary Excavations on a Castle Site at Paphos, Cyprus, 1970-1971 // DOP. 1972. № 26.
66. *Brusić Z.* Byzantine Amphorae (9th to 12th Century from Eastern Adriatic Underwater Sites // *Azcheologia jugoslavica*. 1976. XVII.
67. *Bakirtzis Ch.* Byzantine Amphorae // BCH. 1989. Suppl. XVIII.
68. *Bjelajac L.* Byzantine Amphorae in the Serbian Danubian Area in the 11th – 12th Centuries // BCH. 1989. Suppl. XVIII.
69. *Günsenin N.* Recherches sur les amphores byzantines dans les musées Turcs // BCH. 1989. Suppl. XVIII.
70. *Hayes J.* The Pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Princeton, 1992. Vol. 2.
71. *Зоценко В. М.* Амфорна тара Києво-Подолу XII – початку XIII ст. (прикладом одного розкопу) // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
72. *Коваль В. Ю.* Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X-XIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.
73. *Волков И. В.* Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
74. *Волков И. В.* Керамика Азова XIV-XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
75. *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. 1951. № 15.
76. *Талис Д. Л.* Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
77. *Рудаков В. Е.* Материалы XII-XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.) // АДСВ. 1975. Вып. 12.
78. *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X-XV вв. Киев, 1991.
79. *Sazanov A.* Les amphores de l'Antiquité Tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // *La céramique médiévale en Méditerranée*. Aix-en-Provence, 1997.
80. *Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В.* Кладовая дома XIII века в Северо-Восточном районе Херсонеса // ХСБ. 1998. Вып. 9.

81. Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
82. Айбабин А. И. Крым в X – первой половине XIII века. Херсон // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII вв. М., 2003.
83. Günsenin N. Ganos centre de production d'amphores a l'epoque byzantine // Anatolia Antiqua. Paris, 1993. T. 2.
84. Günsenin N. Ganos: resultats des campagnes de 1992 et 1993 // Anatolia Antiqua. Paris, 1993. T. 3.
85. Волков И. В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1.
86. Волков И. В. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
87. Баранов И. А., Майко В. В. Комплекс амфор XIII-XIV вв. из Сугдеи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
88. Сазанов А. В. К вопросу о комплексе XIV в. из Портового района Херсонеса // Причерноморье в средние века. СПб., 2005. Вып. 6.
89. Sanders G. Three Peloponnesian Churches and Their Importance for the Chronology of Late 13th and Early 14th Century Pottery in the Eastern Mediterranean // BCH. 1989. Suppl. XVIII.
90. Мыц В. Л. Генуэзская Луста и капитанство Готии в 50-70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002.
91. Кирилко В. П., Мыц В. Л. Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992-1993 гг.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Киев, 2004.
92. Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Киев, 2004.
93. Романчук А. И. Материалы к истории Херсона XIV-XV вв. // АДСВ. Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. Вып. 19.
94. Баранов И. А. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев, 1991.
95. Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Золотоордынское поселение Кринички II (результаты полевых исследований). СПб., 2002.
96. Ивашута Л. П. Неполивная керамика позднесредневекового Херсона // АДСВ. Свердловск, 1975. Вып. 11.
97. Романчук А. И. Керамический комплекс XI-XII вв. из раскопок Портового района Херсонеса // АДСВ. 1975. Вып. 12.
98. Мыц В. Л., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б. Исследования крепости Алустон // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997.
99. Домбровский О. И. Средневековые памятники Бойки // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
100. Талис Д. Л. Поливная керамика Баклинского городища // СА. 1976. № 4.
101. Финогенова С. И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. 1987. № 2.
102. Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Раскопки в Феодосии // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997.
103. Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // ВВ. 1997. Т. 57.

104. *Фронджуло М. А.* Раскопки в Судак // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
105. *Джанов А. В.* Гончарные печи XIV-XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
106. *Иванов А. В., Савеля О. Я., Филиппенко А. А.* Комплекс поливной керамики средневекового Кадыкоя // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
107. *Тесленко И. Б.* Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
108. *Talbot Rice D.* The Pottery of Byzantium and the Islamic World // Studies in Islamic Art and Architecture in Honour of Professor K. A. C. Creswell. Cairo, 1965.
109. *Aslanapa O., Yetkin S., Altun A.* The Iznik Tile Kiln Excavations (The Second Round: 1981-1988). Istanbul, 1989.
110. *Плетньов В.* Ранен турски фаянс от Варна (края на XV – началото на XVI век) // Известия на Народния Музей Варна. Варна, 2002-2003. Т. 38-39 (53-54).
111. *Тесленко И. Б.* Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
112. *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.
113. *Флерова В. Е.* Резная кость Юго-Востока Европы IX-XII вв.: искусство и ремесло (по материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб., 2001.
114. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
115. *Романчук А. И.* Изделия из кости в средневековом Херсоне // АДСВ. Античный и средневековый город. Свердловск, 1981.
116. *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
117. *Макарова Т. И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
118. *Айбабина Е. А.* Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика. Киев, 1991.
119. *Николова Я.* Домашният бит и въоръжението в двореца на Царевец според археологическия материал // Царевград Търнов. София, 1974. Т. 2.
120. *Рыжов С. Г., Седикова Л. В.* Комплексы X века из раскопок квартала X "Б" Северного района Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. X.
121. *Яшаева Т. Ю.* Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеяском полуострове // ХСб. 1999. Вып. X.
122. *Сазанов А. В.* Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
123. *Талис Д. Л.* Раскопки Баклинского городища в 1961-1965 гг. // КСИА. 1969. Вып. 120.
124. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.

125. Сазанов А. В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX-XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
126. Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // АДСВ. Свердловск, 1979. Вып. 16.
127. Талис Д. Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории горного Крыма в IV-IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.
128. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.
129. Майко В. В. К вопросу о зольнике Алустана второй половины X в. // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002.
130. Щеглов А. Н. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове // СА. 1970. № 1.
131. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. Киев, 1990.
132. Кутайсов С. В. Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // ХСб. 2003. Вып. 12.
133. Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
134. Баранов И. А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1991. Вип. 2.
135. Джанов А. В., Майко В. В. Византия и кочевники в Юго-Восточной Таврике в XI-XII вв. // ХСб. 1998. Вып. 9.
136. Баранов И., Майко В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. // Българите в Северното Причерноморие. В. Търново, 2001. Т. 7.
137. Майко В. Керамический комплекс VIII-X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. В. Търново, 2001. Т. 7.
138. Шелов Д. Л. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИА. 1957. Вып. 68.
139. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. Боспорские города. 1952. Т. 1.
140. Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII-X вв. // АДСВ. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. Вып. 17.
141. Sazanov A. Les niveaux de la premiere moitie du XI siecle a Kerch (Crimée) // Anatolia Antiqua. 1996. Vol. 4.
142. Сазанов А. В. Хронология слоев средневековой Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1998. Вып. 5.
143. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Гончарная керамика VIII-IX веков с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Вып. 3.
144. Айбабин А. И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
145. Пономарев Л. Ю. Салтовское укрепление и святилища у с. Заветное // Боспорские исследования. 2003. Вып. 3.
146. Занкин А. Б. Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок в г. Керчи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.

147. *Зеленко С. М.* Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997-99 гг. // *Vita Antiqua*. 1999. № 2.
148. *Зеленко С. М.* Кораблекрушения IX-XI вв. в Судакской бухте // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Київ, 2001.
149. *Назаров В. В.* Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины. Киев, 2003.
150. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела – Белой Вежи // *МИА. Труды Волго-Донской археологической экспедиции*. Т. 2. 1959. № 75.
151. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. М., 1963.
152. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // *МИА*. 1967. № 142.
153. *Плетнева С. А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // *МАИЭТ*. 1995. Вып. IV.
154. *Флеров В. С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987-1988, 1990 гг. // *МАИЭТ*. 1995. Вып. IV.
155. *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. М., 1981.
156. *Баранов И. А., Майко В. В.* Комплексът салтовски съоръжения в Судакаската крепост // *Българите в Северното Причерноморие*. В. Търново, 1996. Т. 5.
157. *Смекалова Т. Н., Мельников А. В., Мыц В. Л., Беван Б. В.* Магнитометрическое изучение гончарных печей средневековой Таврики. СПб., 2000.
158. *Паршина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М.* Гончарные центры Таврики VIII-X вв. // *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Київ, 2001.
159. *Романчук А. И., Седикова Л. В.* "Темные века" и Херсон: проблема репрезентативности источников // *Византийская Таврика*. Киев, 1991.
160. *Седикова Л. В.* Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // *РА*. 1995. № 2.
161. *Седикова Л. В.* Керамический комплекс 2-й половины IX в. из цитадели в Херсонесе // *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь, 1995.
162. *Гинькут Н. В.* Керамика IX – первой половины X вв. с места кораблекрушения близ Учкеевки (Севастопольский прибрежный район) // *Подводная археология: сто лет исследований*. М., 2002.
163. *Рыжова Л. А.* Гончарная печь VIII-IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // *АДСВ. Византия и ее провинции*. Свердловск, 1982. Вып. 19.
164. *Седикова Л. В.* Керамические печи IX в. в Херсонесе // *МАИЭТ*. 1995. Вып. IV.
165. *Романчук А. И.* Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // *АДСВ*. Свердловск, 1976. Вып. 13.
166. *Романчук А. И., Рудаков В. Е.* Керамический комплекс IX-X вв. Баклинского городища // *СА*. 1975. № 2.
167. *Белый А. В., Назаров В. В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 1 // *Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму*. Симферополь, 1992.
168. *Белый А. В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройки № 3, 4, 7 // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь, 2001. Вып. 2.
169. *Баранов И. А.* Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // *АДСВ*. Свердловск, 1979. Вып. 16.

170. *Паршина Е. А.* Средневековое поселение в урочище Сотера // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002.
171. *Баранов И. А., Майко В. В.* Пастирско-пеньковската култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от Средното Поднепровие и Таврика // Българите в Северното Причерноморие. В.Търново, 1995. Т. 4.
172. *Сазанов А. В., Могаричев Ю. М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12.
173. *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. 1.
174. *Ляпушкин И. И.* Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница // МИА. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. 1958. № 62.
175. *Тарабанов В. А.* Поселения болгар на правом берегу Кубани // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. Вып. 1.
176. *Сухобоков О. В.* Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII-XIII ст. Київ, 1992.
177. *Богачев А. В.* Об одном рисунке на раннеболгарской амфоре // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
178. *Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
179. *Щербакова В. С.* Раскопки хозяйственных комплексов у поселка Заря Свободы на трассе строительства шоссе Симферополь–Севастополь // АДСВ. Свердловск, 1976. Вып. 13.
180. *Фронджуло М. А.* Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957-1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
181. *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. № 1.
182. *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
183. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1988.
184. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
185. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
186. *Артамонова О. А., Плетнева С. А.* Стратиграфические исследования Саркела – Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
187. *Stevenson R. B. K.* The Pottery // The Great Palace of the Byzantine Emperors. Oxford, 1947.
188. *Hayes J. W.* Problemes de la céramique des VII-IX siècles à Salamine et à Chypre // Salamine de Chypre. Histoire et archeologie. Colloques Internationaux du C.N.R.S. Paris, 1980.
189. *Bass G. F.* The Pottery // Bass G. F., van Doorninck F. H. Yassi Ada. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck. Texas, 1982. Vol. 1.
190. *Седикова Л. В.* К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
191. *Sazanov A., Achkasova A.* La presqu'île de Taman (le sud de Russie) à l'époque Moyen-Âge // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Forli, 1996. Vol. 1.

192. Сазанов А. В. Комплекс византийской поливной керамики начала XI в. из Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. 9.
193. Майко В. В. Поливная керамика второй половины IX – первой половины X вв. из Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
194. Седикова Л. В. Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
195. Михеев В. К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2004. Т. 3.
196. Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
197. Сазанов А. В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
198. Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
199. Scorpan C. Ceramica Romano-Bizantina le la Sacidava // Pontica. 1975. а 8.
200. Scorpan C. Contribution a la connaissance de certains types ceramiques romano-byzantins dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. 1977. Т. XXI.
201. Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. 1984. Т. 45.
202. Кузманов Г. Ранновизантийская керамика от Тракия и Дакия (IV – начало на VII в.). София, 1985.
203. Мыц В. Л. Ранний этап строительства крепости Алустон // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002.
204. Rădulescu A. Amfore romane și romano-bizantine din Scythia Minor // Pontica. 1976. 9.
205. Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Tripoli, 1979. Vol. II.
206. Böttger B. Die Gefässkeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus-Krivina. Berlin, 1982. Bd. II.
207. Keay S. Late roman amphorae in the Western Mediterranean. London, 1984.
208. Peacock D. P. S., Williams D. F. Amphorae and Roman economy. London, 1986.
209. Empereur J.-Y., Picon M. Les régions de production d'amphores impériales en Méditerranée orientale // Anfore romane e storia economica: un decennio di ricerca. Roma, 1989.
210. Jacobsen K. W. Regional Distribution of Transport Amphorae in Cyprus in the Late Roman Period // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Athens, 2002. Vol. 5.
211. Opait A. Aspecte ale vietii economice din provincia Scythia (secolele IV – VI p. Ch.). Bucuresti, 1996.
212. Bonifay M., Pieri D. Amphores du Ve au VIIe s. à Marseille: nouvelles données sur la typologie et le contenu // Journal of Roman Archaeology. 1995. Vol. 8.
213. Bonifay M., Villedieu F. Importations d'amphores orientales en Gaule (V–VII siècles) // BCH. Paris, 1989. Suppl. XVIII.
214. Sodini J.-P., Villeneuve E. Le passage de la céramique Byzantine à la céramique Omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie // La Syrie de Byzance à l'Islam VII-VIII siècles. Damas, 1992.
215. Scorpan C. Origini si linii evolutive in ceramica romano-byzantina (sec. IV-VIII) din artiile mediteraniana di Pontic // Pontica. 1976. № 9.
216. Riley J. A. The pottery From the First Session of Excavation In the Caesarea Hippodrome // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 1975. № 218.

217. *Robinson H. S.* Pottery of the Roman period // The Athenian Agora. Princeton, 1959. Vol. 5.
218. *Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Танаис в IV–V вв. (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Боспорский сборник. 1995. Вып. 6.
219. *Topoleanu F.* Ceramica romană și romano-bizantină de la Halmyris (sec. I–VII d.Ch.). Tulcea, 2000.
220. *Opait A.* Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th – 6th Centuries AD). Aspects of Economic Life in the Province of Scythia. Oxford, 2004.
221. *Karagiorgou O.* LR2: a Container for the Military Annona on the Danubian Border? // Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Oxford, 2001.
222. *Крапивина В. В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. Киев, 1993.
223. *Hasan N.* Erten, Dominique Kassab Tezgör, Isik R., Türkmen E. Abdullah Zararsiz. The Typology and Trade of the Amphorae of Sinope. Archaeological Study and Scientific Analyses // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Athens, 2004. Vol. 5.
224. *Сымонович Э. А.* Поселения культуры полей погребений в районе города Никополя // МИА. 1967. № 139.
225. *Сазанов А. В.* Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV – V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1999. Вып. VII.
226. *Сазанов А. В.* О хронологии амфор IV–V вв. из Северного Причерноморья // Археология. 2002. № 3.
227. *Алексеева Е. М.* Виноделие Горгиппии // Боспорский сборник. 1995. Вып. 6.
228. *Воронов Ю. Н.* Гиенос // СА. 1976. № 4.
229. *Кутайсов В. А.* Городище первых веков нашей эры на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983.
230. *Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1.
231. *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X Б в северном районе Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. IX.
232. *Абрамов А. П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 3.
233. *Сазанов А. В.* Амфоры "carottes" в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // Боспорский сборник. М., 1995. Вып. 6.
234. *Романчук А. И., Белова О. Р.* К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ. Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987. Вып. 23.
235. *Hayes J. W.* Late Roman Pottery. London, 1972.
236. *Айбабин А. И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. № 1.
237. *Романчук А. И., Сазанов А. В.* Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона // Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки. Свердловск, 1991. Вып. 1.
238. *Сазанов А. В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1995. Вып. IV.
239. *Gertsen A., Gertsen N.* Moldova și principatul Theodoro la 1475 Ștefan cel Mare și Sfânt // Atlet al credinței creștine: simpozion: Putna, 2004. Suceava, 2004.

**Gertzen A. G., Zemlyakova A. Yu., Naumenko V. Ye., Smokotina A. V.
Stratigraphic Research on the Eastern-Western Slope of Teshkli-burub
Cape (on the Problem of Periodization of Mangup Citadel)**

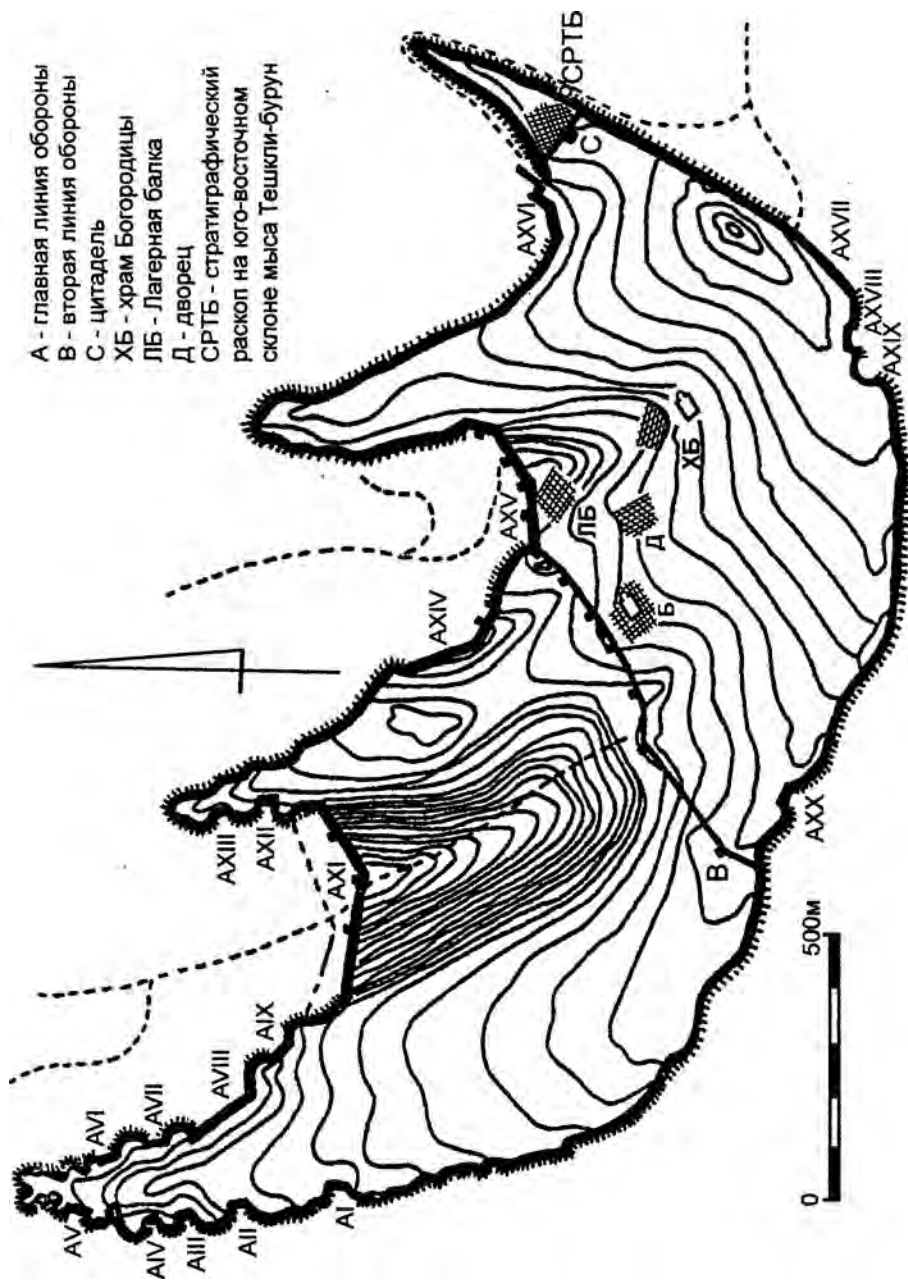
Summary

The results of stratigraphic research on the south-eastern slope of Teshkly-Burun cape containing important information on the main periods of functioning of the settlement in this part of Mangup plateau are published in this article. Cultural horizons fixed within the excavation area are interpreted as a single discharge of accumulated debris strata from the surface of the cape to its slopes as a result of building activities on the acropolis of Mangup site. Stratigraphic observations and the analysis of the obtained archaeological material enabled us to distinguish three periods of such activity – cca at the end of the 9th – the beginning of the 10th centuries, the 20s of the 15th century and at the end of the 16th – the beginning of the 17th centuries. Various and significant finds from the layers of “discharge of debris” reflect the main components of the material complex of the citadel and the site dating back to the second half of the 4th – 7th centuries, the 10th – the first half of the 11th centuries and the 14th – 15th centuries on the whole. Taking into account the peculiarities of the formation of the cultural layer on the territory of the citadel associated, as a rule, with building horizons dating to the period of Theodore principality and Turkish period, it is obvious that the results of these excavations are of exceptional importance for characterizing the earlier periods in its history, since the moment of the emergence of a permanent unfortified settlement in this part of the plateau in the mid-6th century till the catastrophe of the mid-11th century, the origin of which is still unclear.

**Опись монет из стратиграфического раскопа
на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун**

№	Материал	Описание	Место находки
1	2	3	4
1.	Бронза 20,5-24,5 мм	Херсон. Валентиниан III (425-455)	Квадрат В, дерновый слой
2.	Медь 20-20,5 мм.	Неопределенная. Позднеримская ?	То же
3.	Медь 18 мм.	Джучидская. Абдаллах (1364-1370).	То же
4.	Серебро 14 мм	Молдавия. Стефан III (1457-1504). Л. ст.: Букраний, между рогами пятиконечная звездочка, по сторонам ..., вокруг: +MO....HVIOI. Об. ст.: Геральдический щит, в левом поле мальтийский крест и десятилепестковая разетка, в правом поле три горизонтальные рельефные полосы. Вокруг: ...VOIEVO...	То же
5.	Серебро 10-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг. х. = 1475-1515 гг.). Каффа, 900 г.х.	То же
6.	Серебро 10-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг. х. = 1475-1515 гг.). Кырк-Иер, 911 г. х.	То же
7.	Серебро 11,5-12,5 мм	Крымское ханство. Сахиб-Герей I (939-957 гг. х. = 1532-1550 гг.). Кырк-Иер, 941 г. х.	То же
8.	Серебро 12-13 мм	Крымское ханство. Сахиб-Герей I (939-957 гг. х. = 1532-1550 гг.). Кырк-Иер, 947 г. х.	То же
9.	Серебро 10-12 мм	Крымское ханство. Девлет-Герей I (957-985 гг. х. = 1550-1577 гг.). Кырк-Иер, 957 г. х. (инициальный), 1-й выпуск	То же
10.	Серебро 8,5-11 мм	Крымское ханство. Девлет-Герей I (957-985 гг. х. = 1550-1577 гг.). Кырк-Иер, 957 г. х. (инициальный), выпуск 2b.	То же
11.	Серебро 10-11 мм	Крымское ханство. Ислам-Герей II (992-996 гг. х. = 1584-1588 гг.). Кырк-Иер, [992] г. х. (инициальный), 2-й вып. (1585-1588 гг.).	То же
12.	Медь 12,5-14 мм	Османдиды, вторая половина XVI в. Л. ст.: Картуш в виде шестилепестковой вензетки со звездочкой в центре, окруженной шестью точками. Об. ст.: арабская надпись	То же
13.	Медь 20 мм	Позднеримская. Об.ст.: Два воина, держащие трофей.	Квадрат Б, 2-й слой
14.	Серебро 10-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.)	То же
15.	Серебро 12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Каффа, 899 г.х.	То же
16.	Серебро 10-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг. х. = 1475-1515 гг.). Каффа, 900 г.х.	То же
17.	Серебро 12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Каффа, 901 г.х.	Квадрат Б, 2-й слой
18.	Серебро 10-11,5 мм.	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Каффа, 901 г.х.	То же
19.	Серебро 10-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Каффа, 903 г.х.	То же
20.	Серебро 11-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Каффа, 903 г.х.	То же
21.	Серебро 10-11,5 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Крым, 907 г.х.	То же
22.	Серебро 10-11,5 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Крым, 908 г.х.	То же
23.	Серебро 12-13 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Крым, 908 г.х.	То же

1	2	3	4
24.	Серебро 11-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Крым, 909 г.х.	То же
25.	Серебро 11-12,5 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Кырк-Йер, 911 г.х.	То же
26.	Серебро 11-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Кырк-Йер, 911 г.х. (1504-1505 гг.)	То же
27.	Серебро 10-12,5 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Кырк-Йер, 913 г.х.	То же
28.	Серебро 10,5-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Крым, 916 г. х. (1509-1510 гг.)	То же
29.	Серебро 11-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Крым, 917 г.х. (1512 г.)	То же
30.	Серебро 10-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Крым, 917-920 гг.х. (1511-1515 гг.)	То же
31.	Серебро 10-12 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Крым, 920 г.х.	То же
32.	Серебро 12-13 мм	Крымское ханство. Сахиб-Герей I, 939-957 гг.х. (1532-1550 гг.). Кырк-Йер, 940 г.х. (1533 г.)	То же
33.	Серебро 11-13 мм	Крымское ханство. Сахиб-Герей I (939-957 гг.х. = 1532-1550 гг.). Кырк-Йер, 941-947 гг.х.	То же
34.	Серебро 10-12 мм	Крымское ханство. Сахиб-Герей I (939-957 гг.х. = 1532-1550 гг.). Кырк-Йер, 941-947 гг.х.	То же
35.	Серебро 10 мм	Крымское ханство. Девлет-Герей I (957-985 гг.х. = 1550-1577 гг.). Обратная сторона гладкая	То же
36.	Серебро 12-14,5 мм	Крымское ханство. Девлет-Герей I (957-985 гг.х. = 1550-1577 гг.). Кырк-Йер, 957 г.х. (1550/1551 г.)	То же
37.	Серебро 9-10 мм	Крымское ханство. Гази-Герей II (996-1016 гг.х. = 1588-1607/8 гг.). Гезлев, 996 г.х. (инициальный)	То же
38.	Серебро 12-12,5 мм	Крымское ханство. Менгли-Герей I (880-920 гг.х. = 1475-1515 гг.). Крым, 920 г.х.	То же
39.	Серебро 10-12 мм	Крымское ханство. Сахиб-Герей I (939-957 гг.х. = 1532-1550 гг.). Кырк-Йер. Проби́та отверстием.	То же
40.	Медь 14-16 мм	Поздний Рим. Об. ст.: два воина по сторонам трофея.	Квадрат Б, 3-й слой
41.	Медь 21 мм	Античная. Сильно истерта.	То же
42.	Медь 20 мм	Боспорское царство. Деградированный статер III – первой четверти IV вв.	Квадрат Б, 4-й слой
43.	Медь 15-16,5 мм	Византия. Декануммий. Л. ст.: Голова императора в фас, вокруг DN..... Об. ст.: в центре знак стоимости I, по сторонам две звездочки, в обрезе CON.	То же
44.	Серебро 19,5-20,5 мм	Рим. Гордиан III (238-244). Денарий. Л. ст.: IMPGORDIANVSPIVSFELAVG, голова Гордиана в венке вправо. Об. ст.: SECVRITASPVBLICA, Секуритас, сидящая на троне влево, в правой руке скипетр.	То же
45.	Бронза	Рим. Первая половина IV в. Сохранность плохая	Квадрат А, 5-й слой
46.	Бронза	Рим. IV в. Сохранность плохая	То же
47.	Бронза	Рим. IV в. Сохранность плохая	То же
48.	Бронза	Византия. Херсон. Лев I (457-474). Сохранность плохая	То же
49.	Бронза	Византия. Херсон. Феодосий II (398-450) и Валентиниан III (423-455). Сохранность плохая	То же
50.	Бронза	Византия. Валентиниан II (375-392). Антиохия. Сохранность плохая	То же
51.	Бронза	Византия. Херсон. Пентануммий. Юстиниан I (527-565). Сохранность плохая	То же

А - главная линия обороны
 В - вторая линия обороны
 С - цитадель
 ХБ - храм Богородицы
 ЛБ - Лагерная балка
 Д - дворец
 СРТБ - стратиграфический
 раскоп на юго-восточном
 склоне мыса Тешкли-бурун

Рис. 1. План Мангульского городища с обозначением основных объектов исследований. М 1:10000.

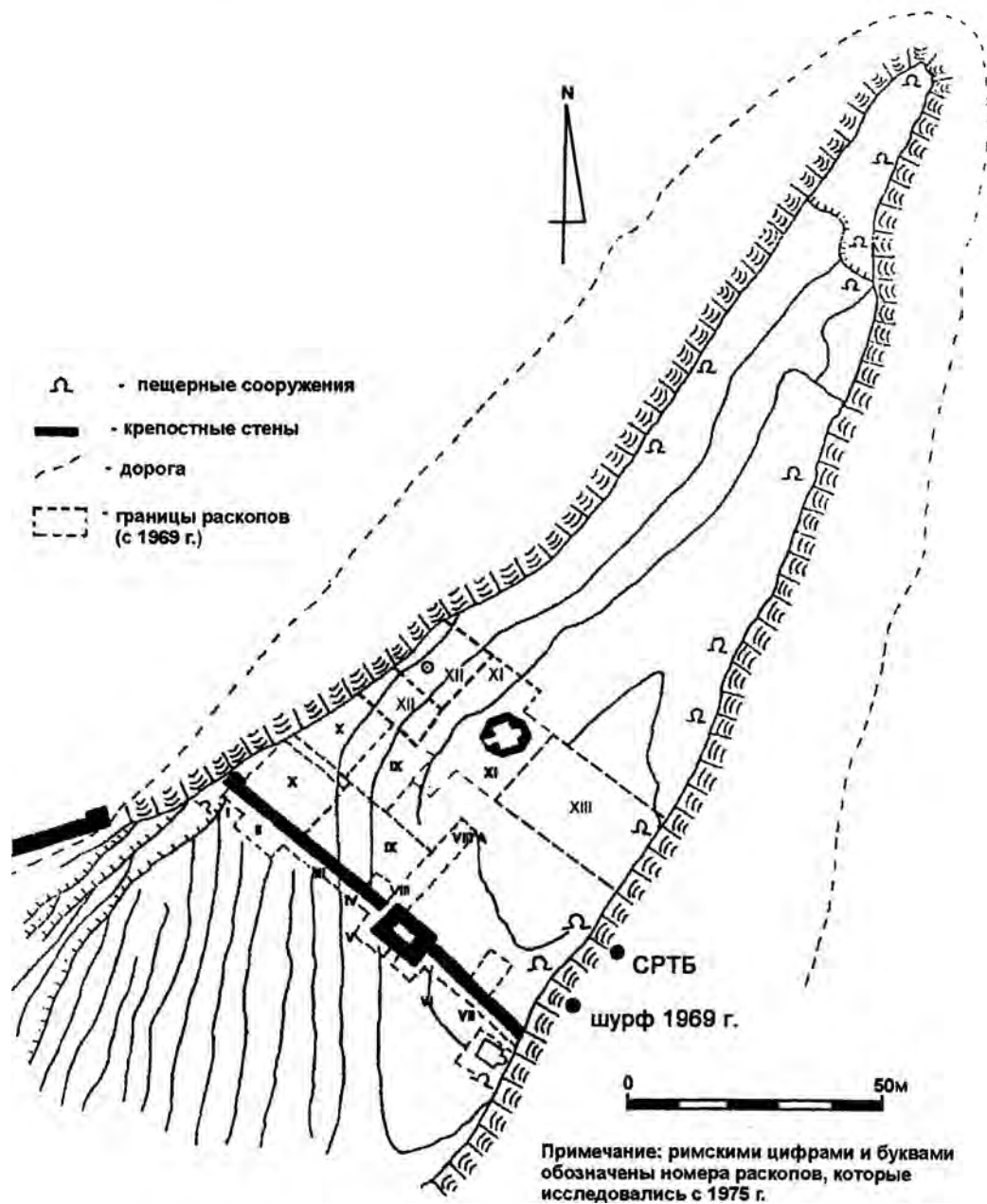

Рис. 2. Мыс Тешкли-бурун. Цитадель. Схема с указанием участков исследований. М 1:1000.

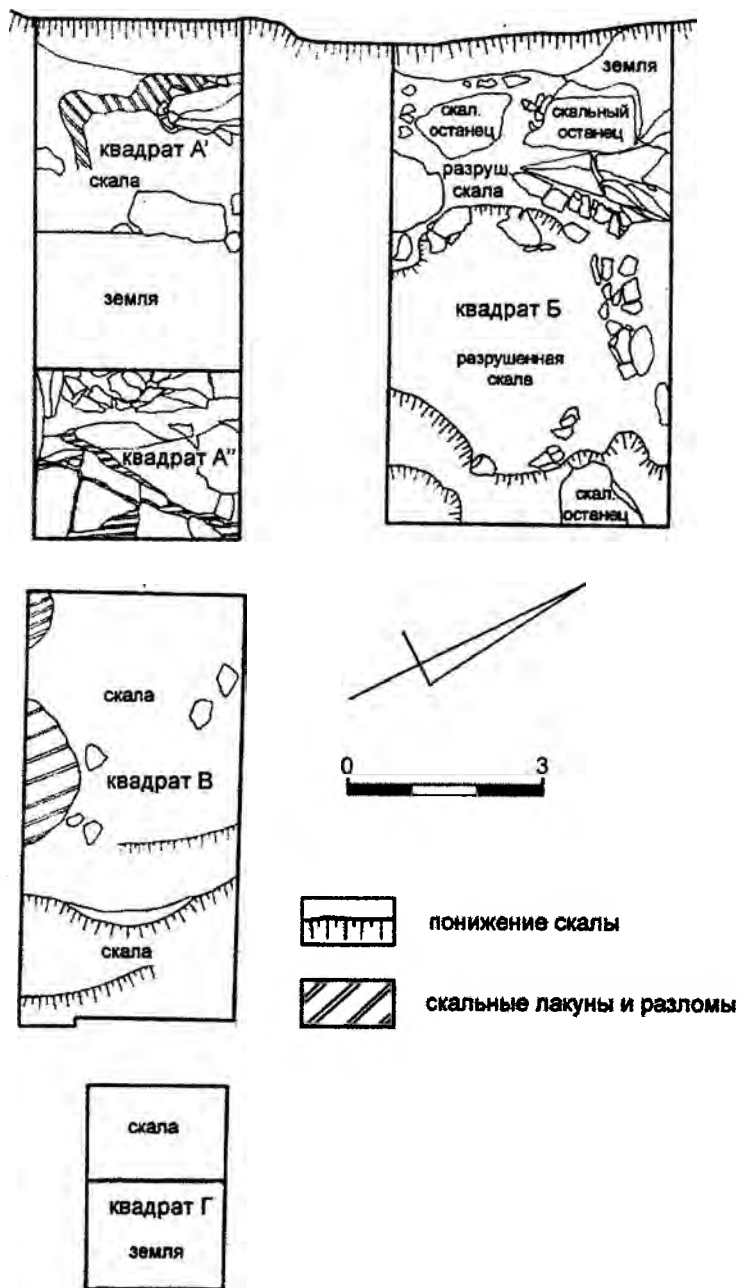

Рис. 3. Общий план стратиграфического раскопа на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун. М 1:100.

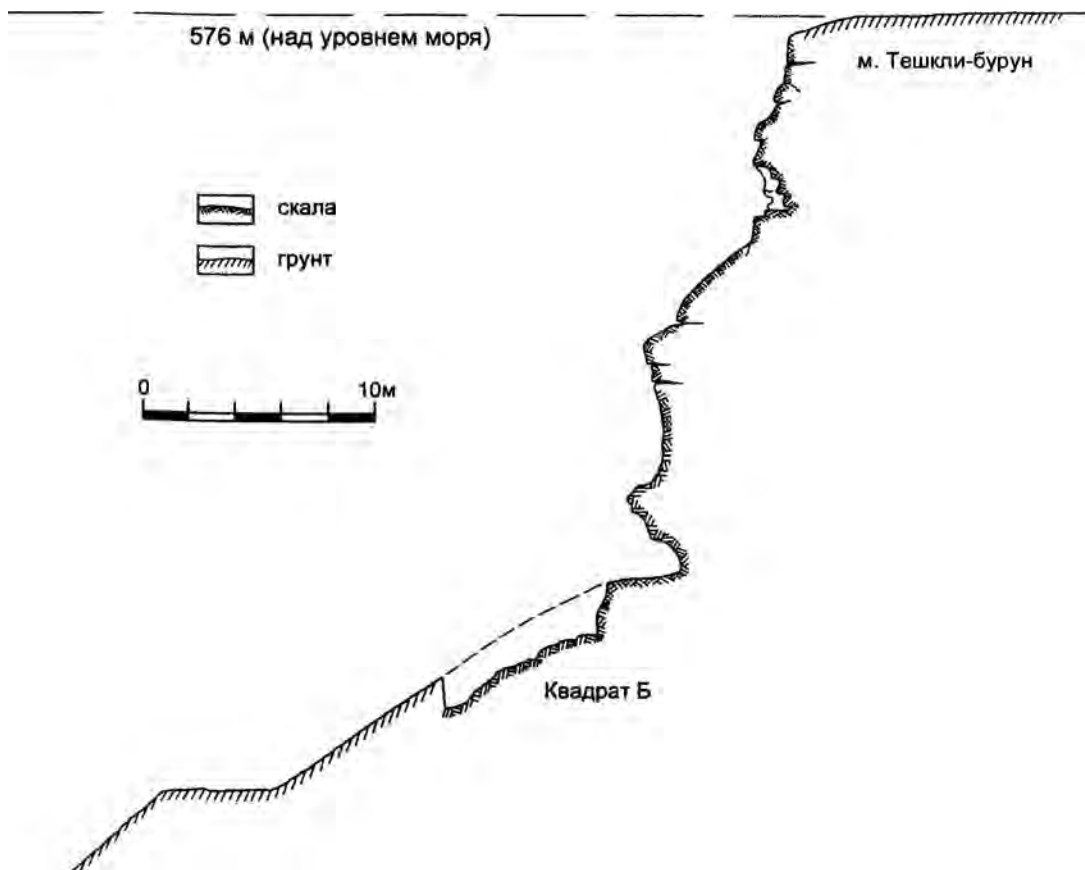

Рис. 4. Профиль юго-восточного склона мыса Тешкли-бурун через СРТБ (квадрат Б, 2003 г.) до трассы обьездной дороги. М 1:200.

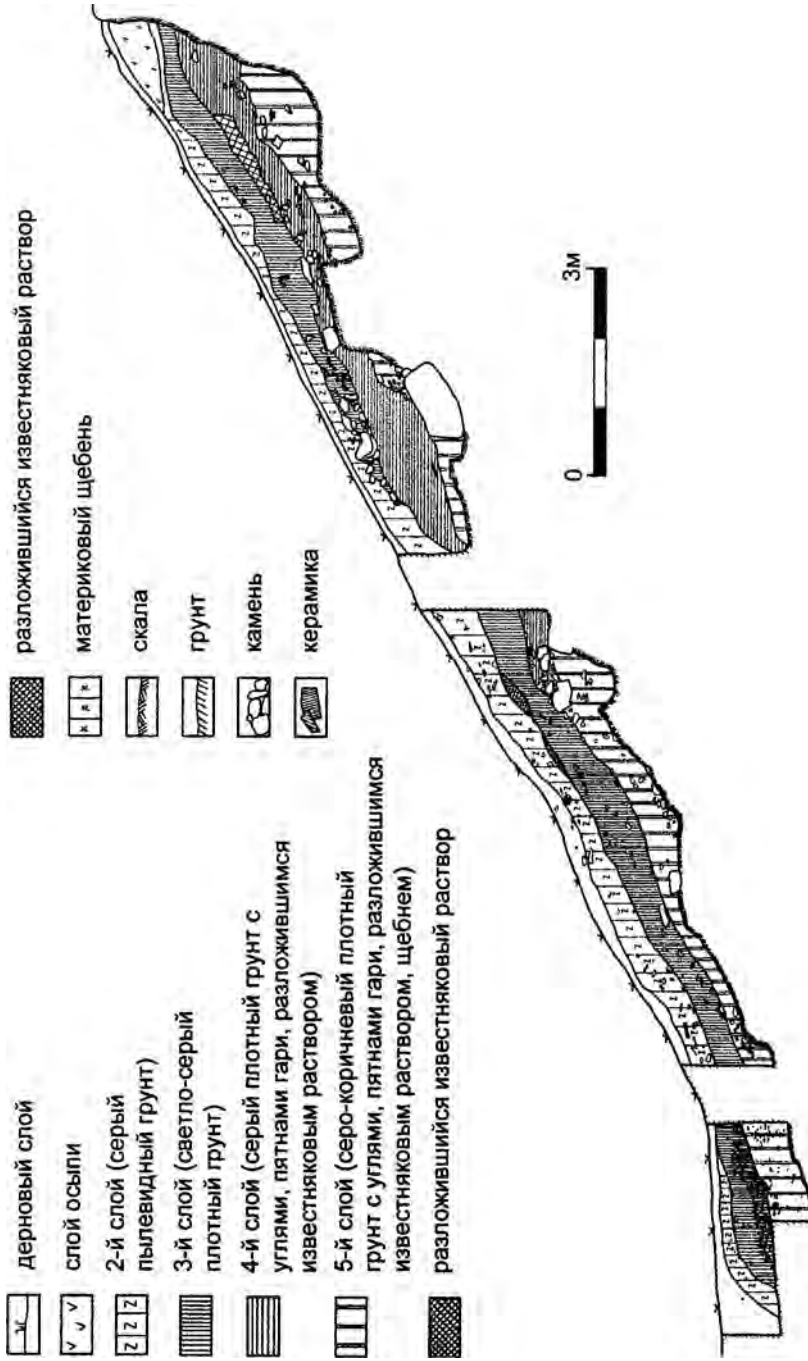

Рис. 5. Стратиграфический раскол на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун. Квадраты А, В, Г. Стратиграфия юго-западного борта. М 1:100.

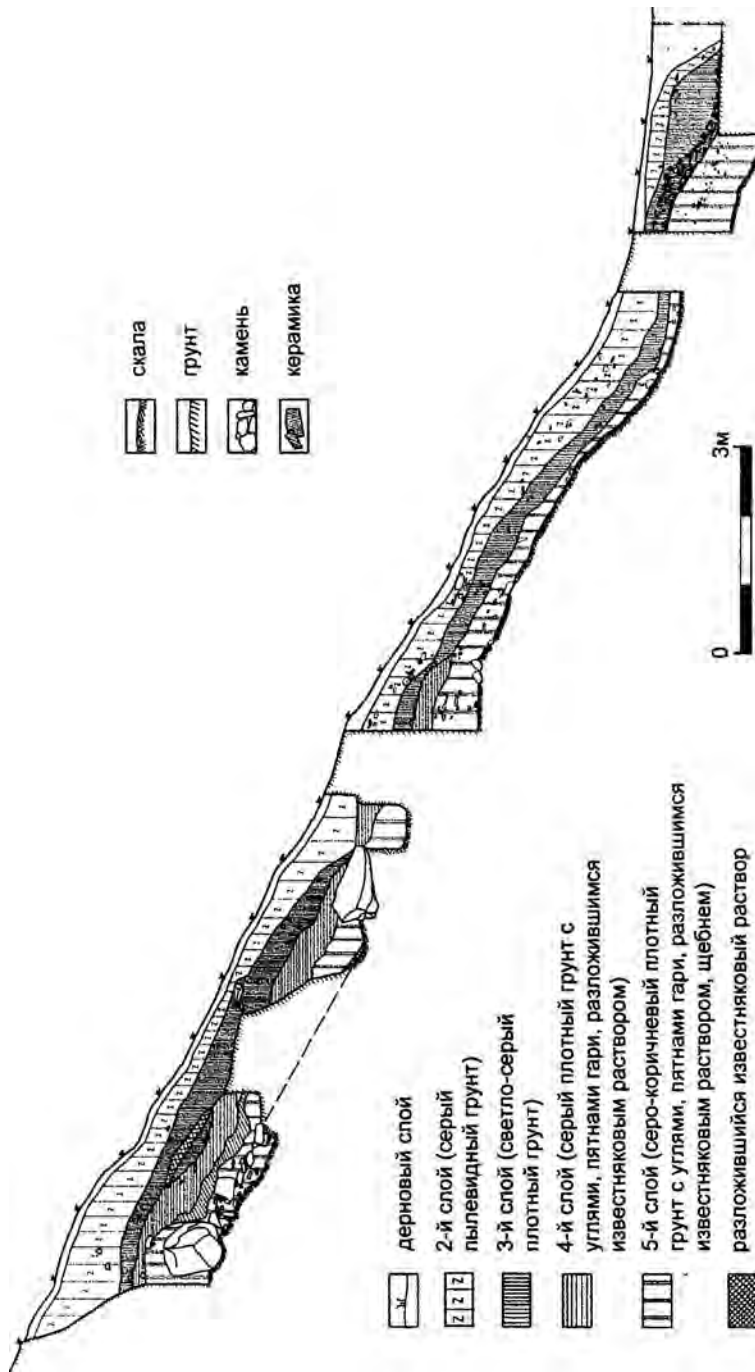

Рис. 6. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадраты А, В, Г. Стратиграфия северо-восточного борта. М 1:100.

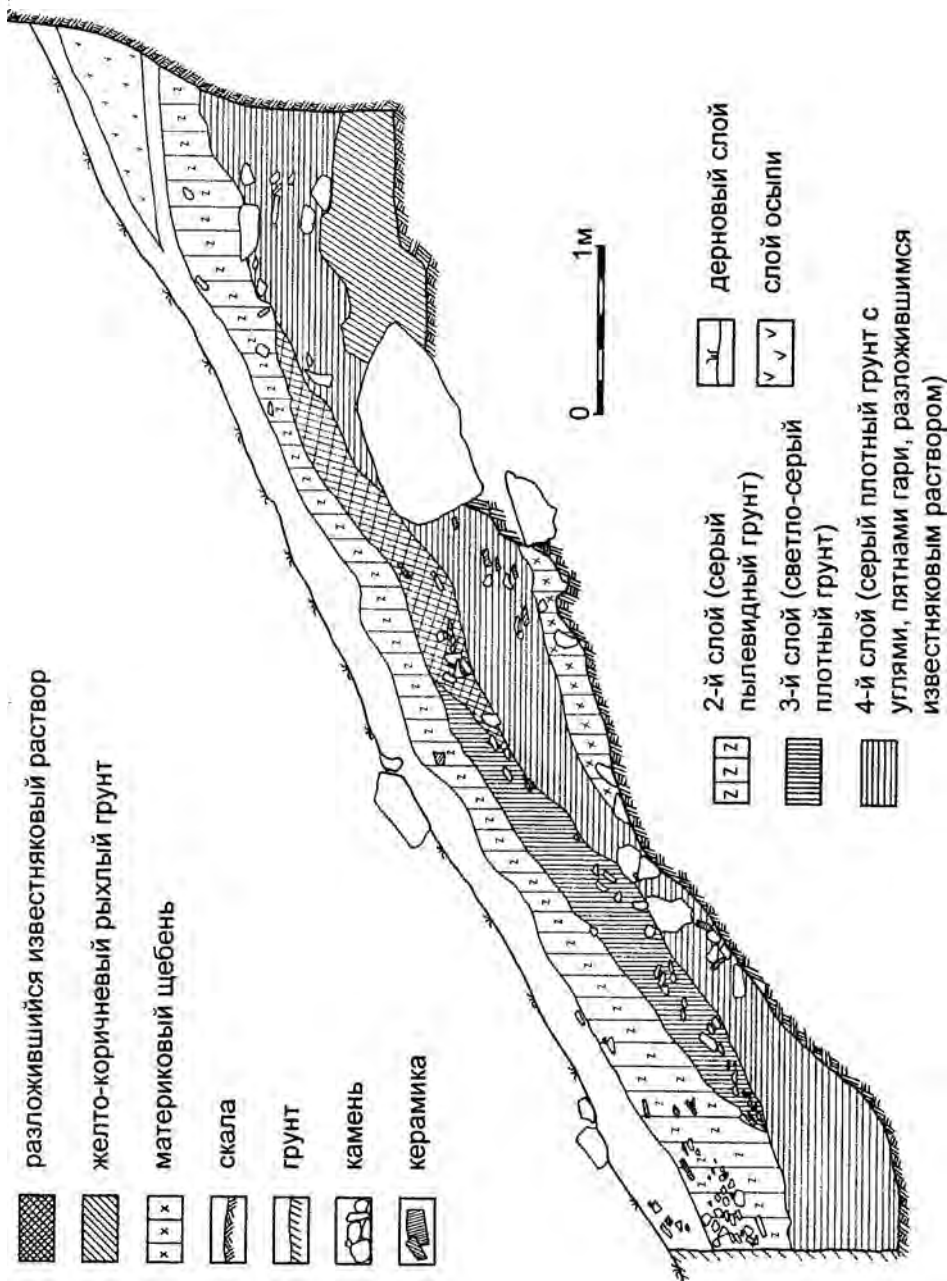

Рис. 7. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун. Квадрат Б. Стратиграфия юго-западного борта. М 1:20.

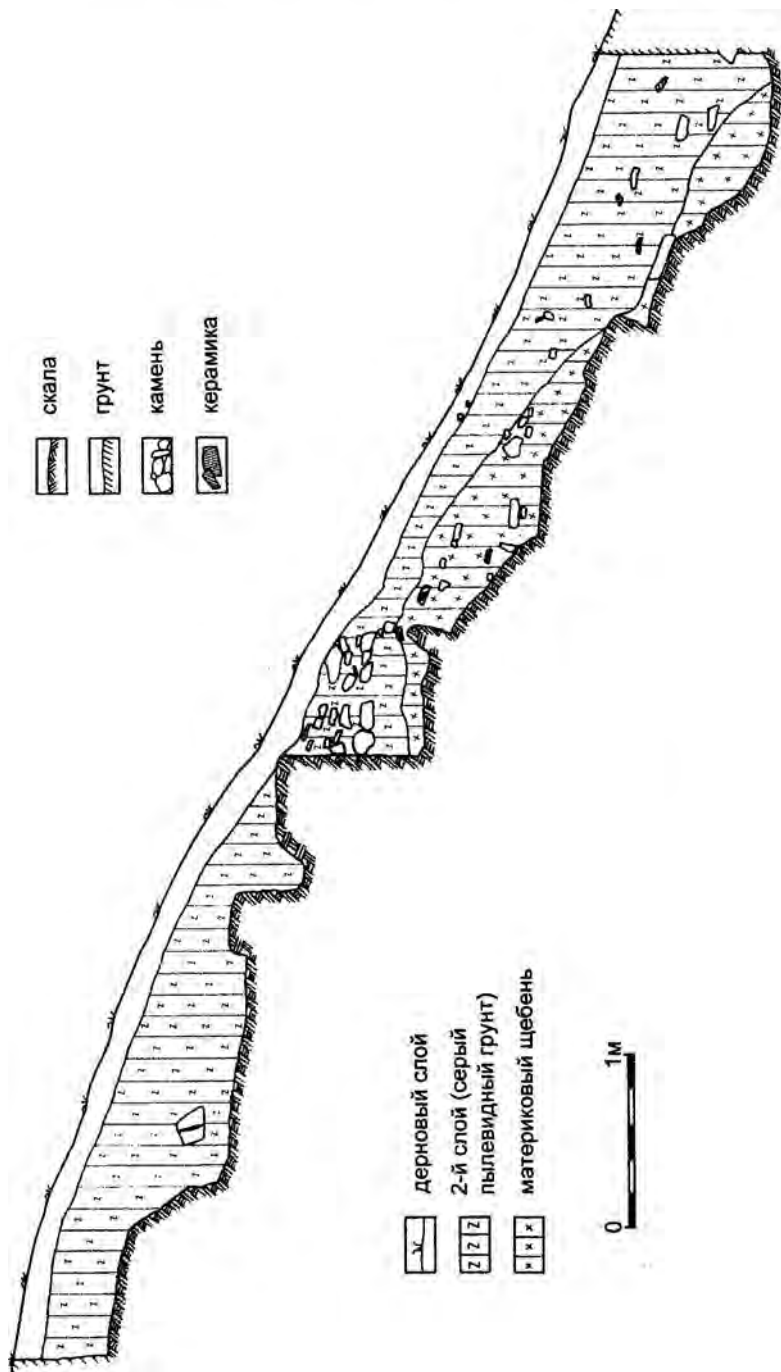

Рис. 8. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешли-бурун. Квадрат Б. Стратиграфия северо-восточного борта. М 1:20.

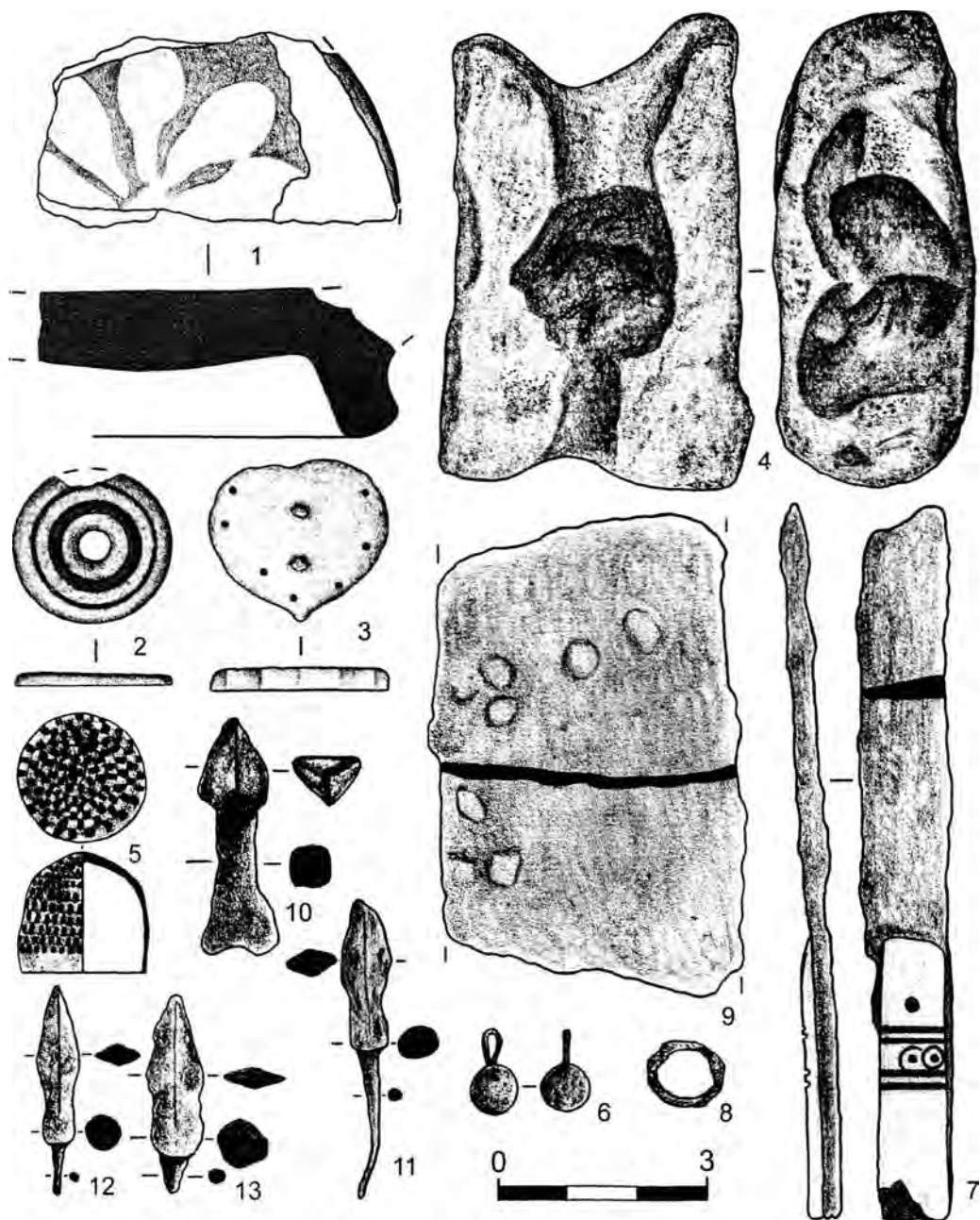

Рис. 9. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Находки из дернового слоя (1-3, 5-13) и "слоя осыпи" (4). Поливная керамика (1), изделия из кости (2-4), меди (5), серебра (6), железа (7-13).

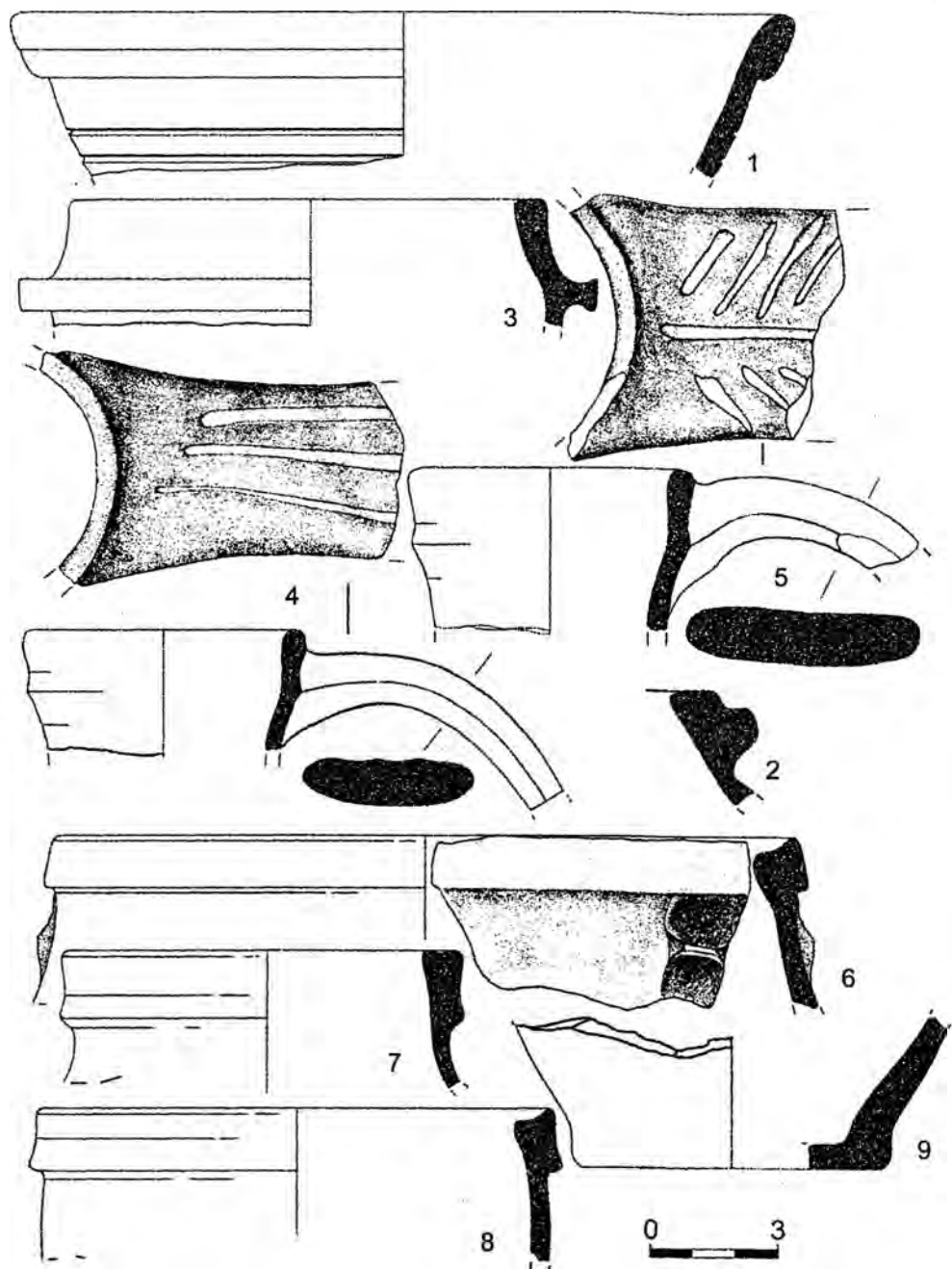

Рис. 10. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. Находки из 2-го слоя. Тарные (1-5) и кухонные (6-9) сосуды.

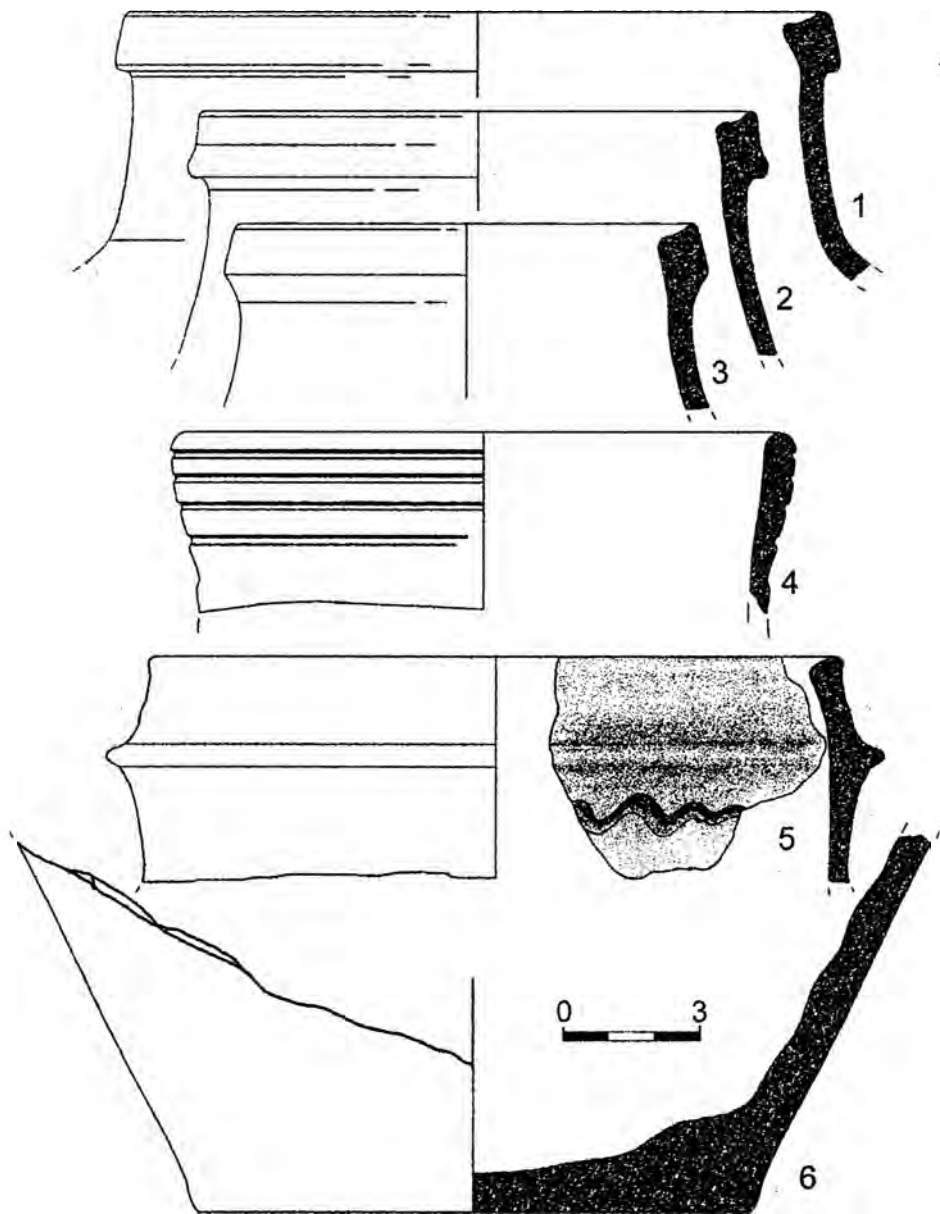

Рис. 11. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. Находки из 2-го слоя. Кухонная (1-5) и тарная (6) керамика.

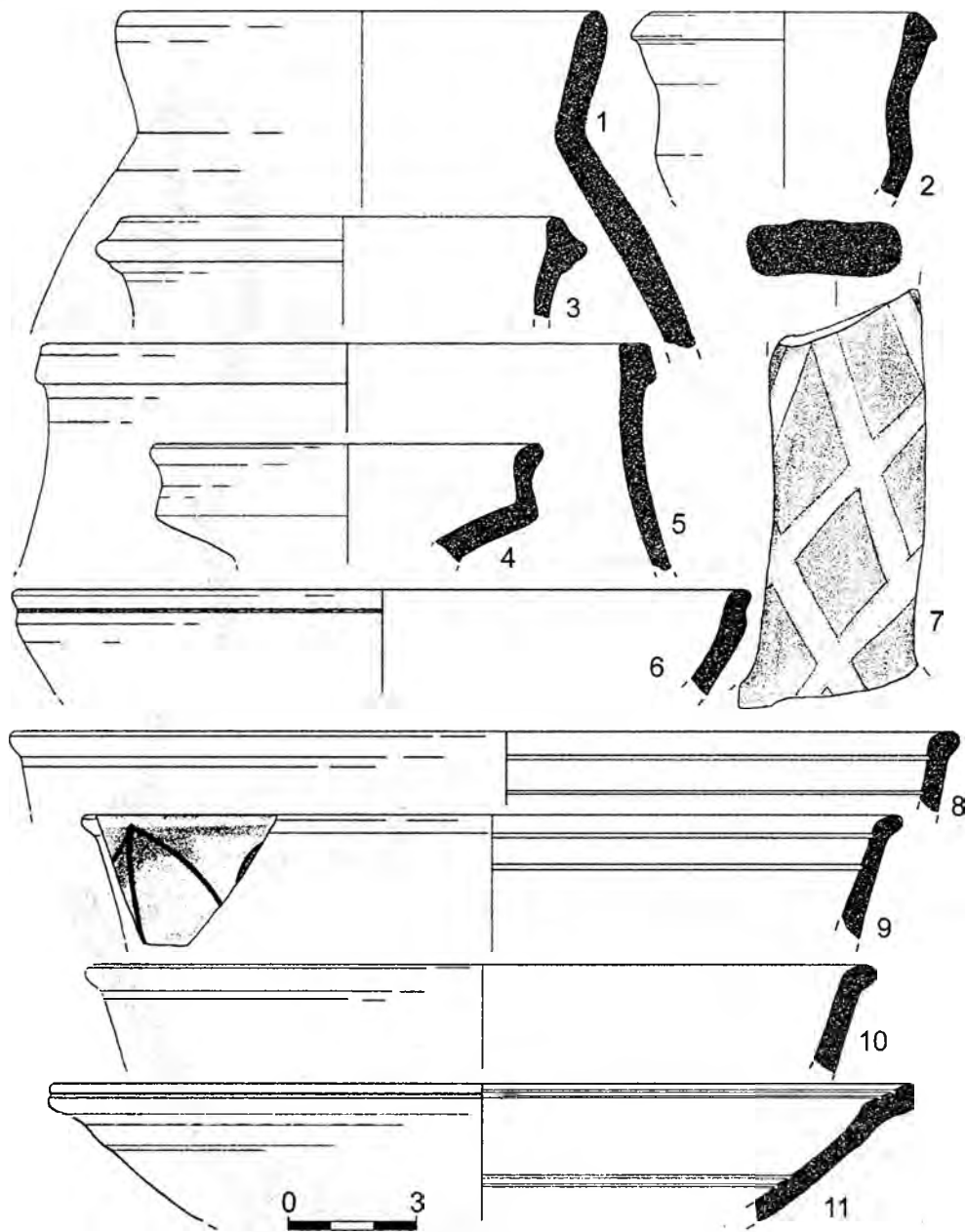

Рис. 12. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешлибурун. Квадрат Б. 2-й слой. Находки кухонной (1), столовой неглазурованной (2-6) и глазурованной (7-11) керамики.

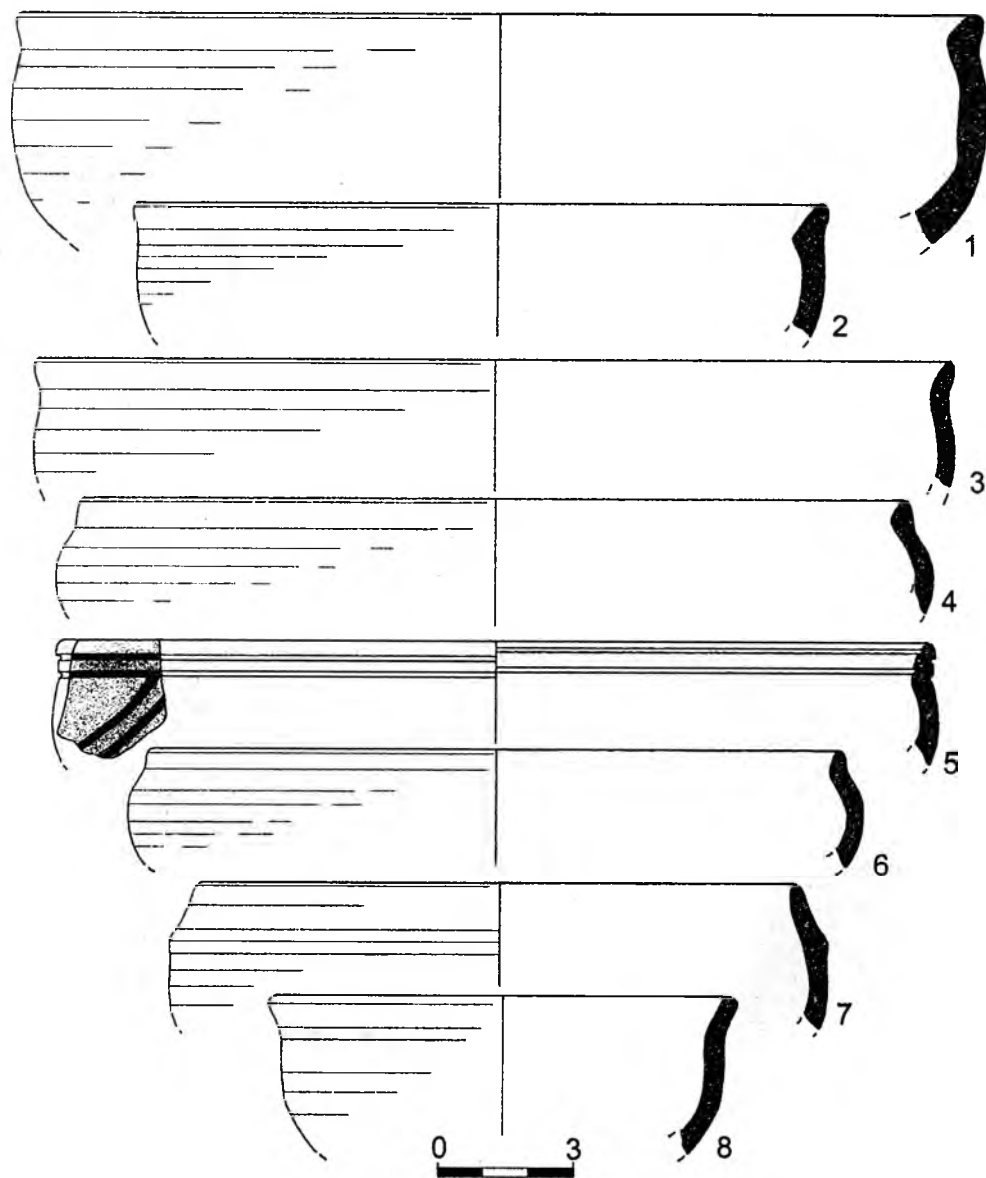

Рис. 13. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. 2-й слой. Находки глазурованной керамики (1-8).

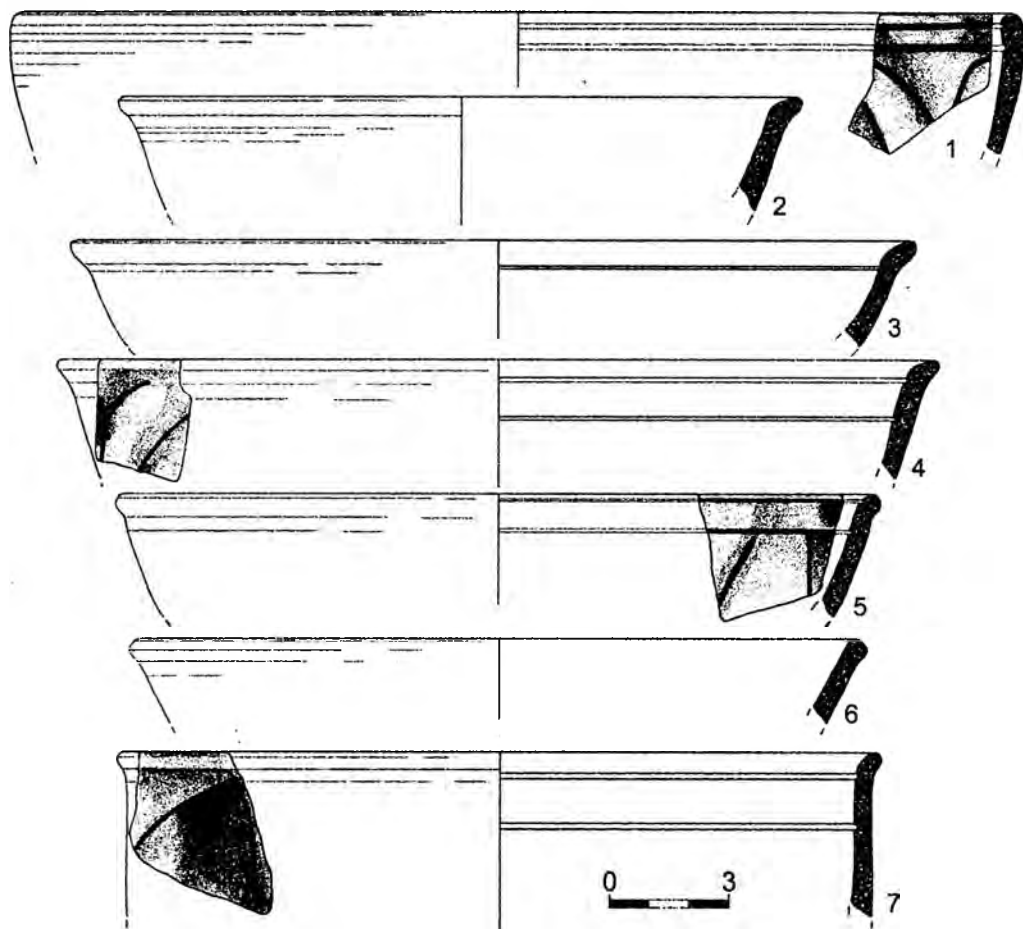

Рис. 14. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. 2-й слой. Находки глазурованной керамики (1-7).

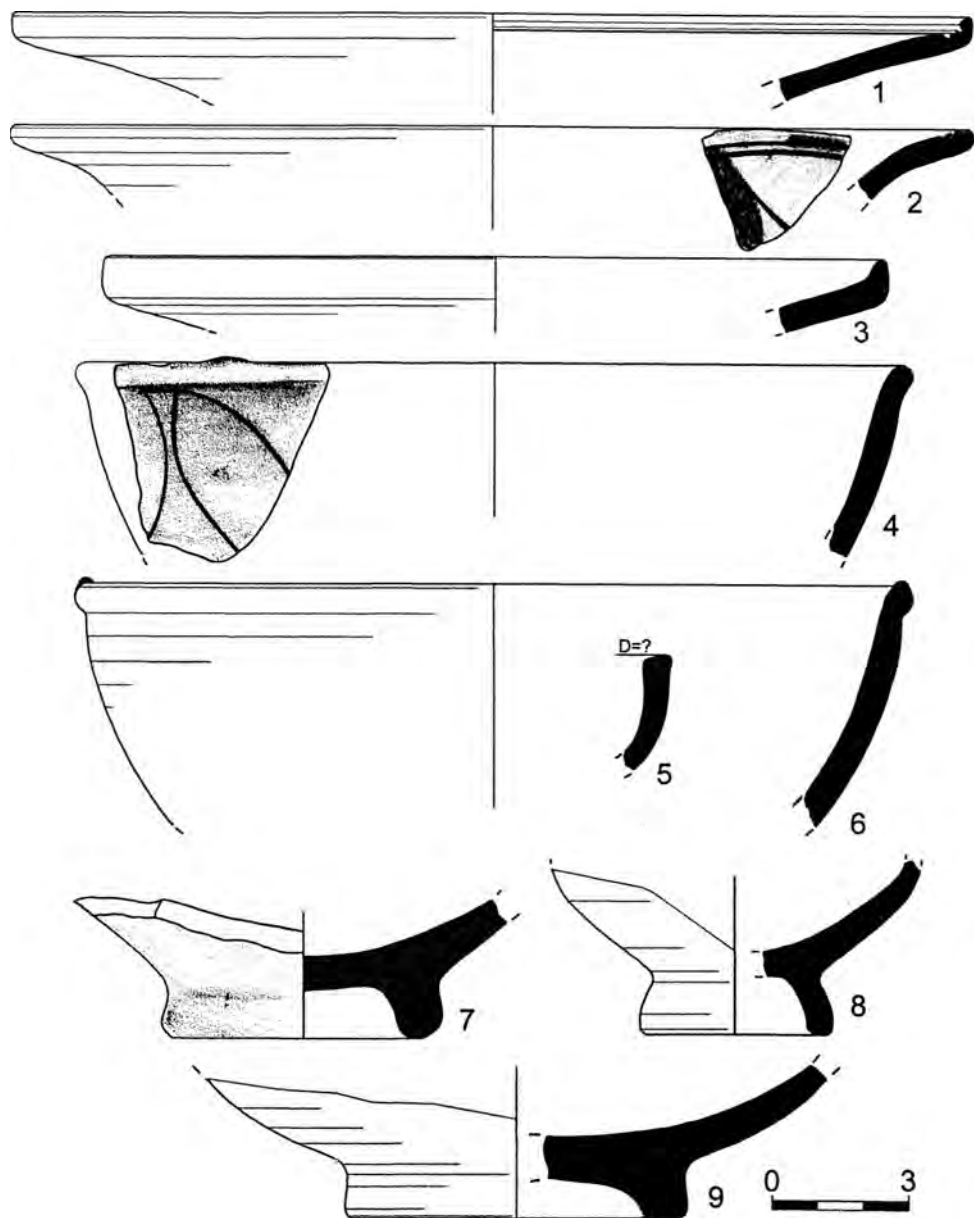

Рис. 15. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. 2-й слой. Находки глазурованной керамики (1-9).

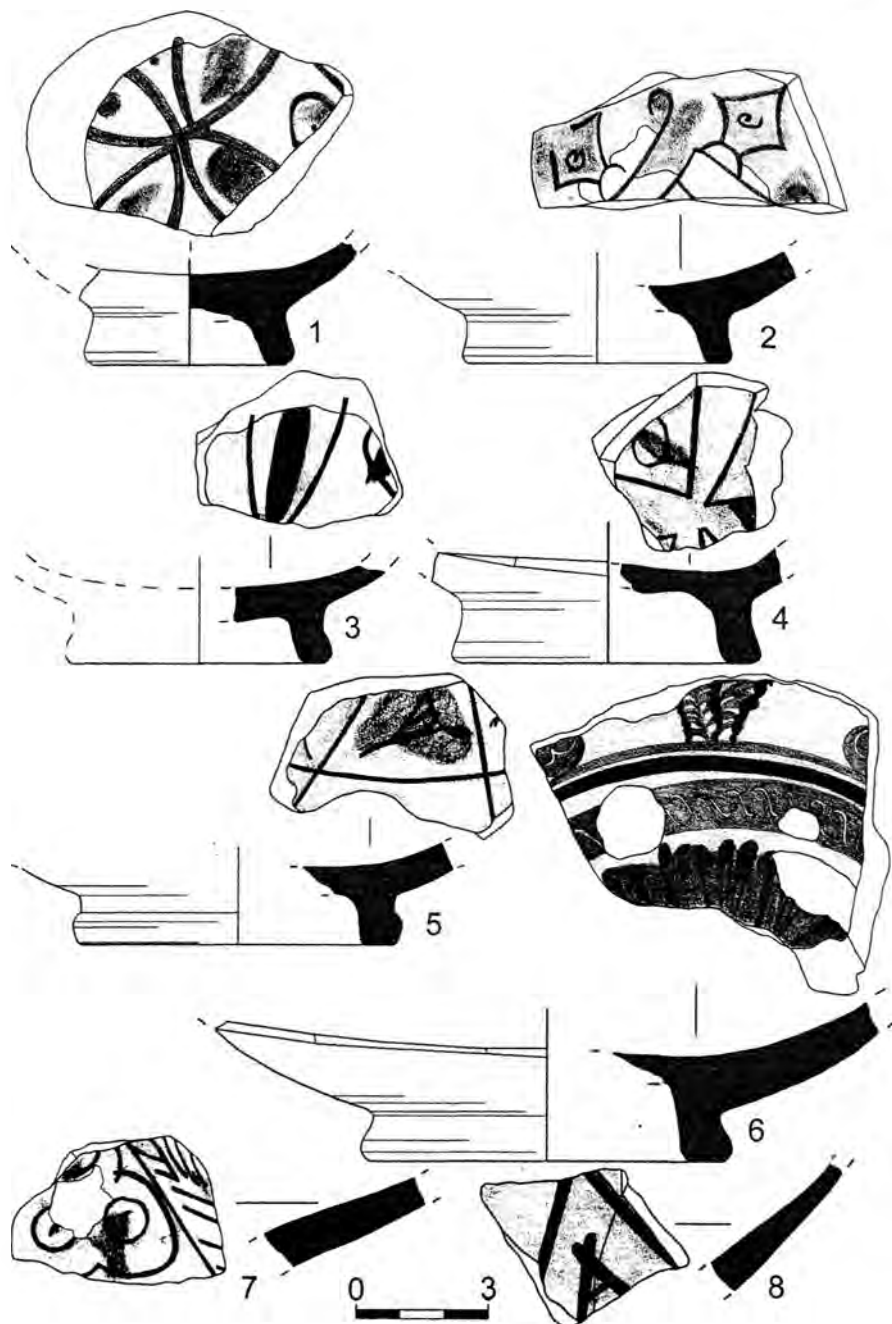

Рис. 16. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. 2-й слой. Находки глазурованной керамики (1-8).

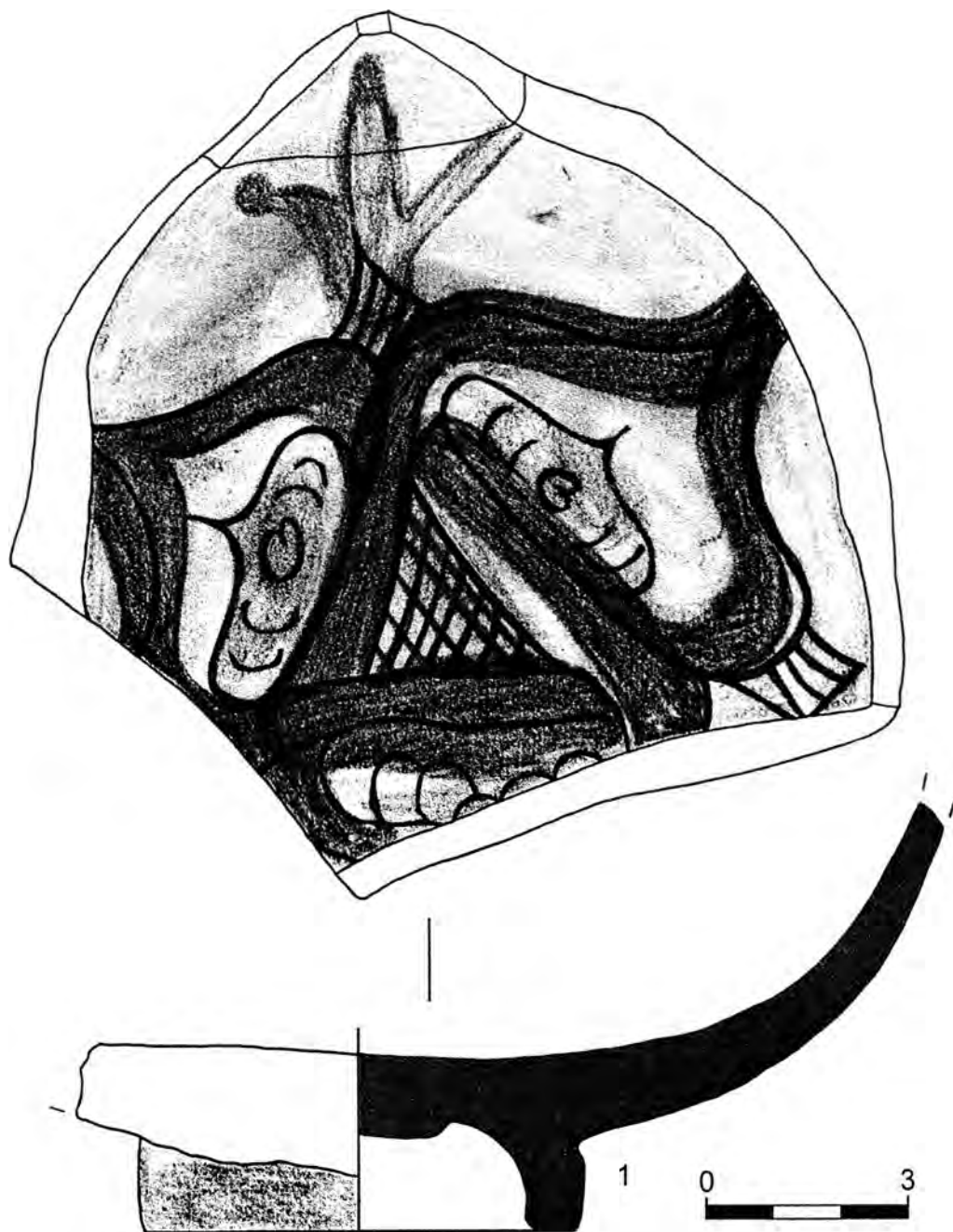

Рис. 17. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. 2-й слой. Находки глазурованной керамики.

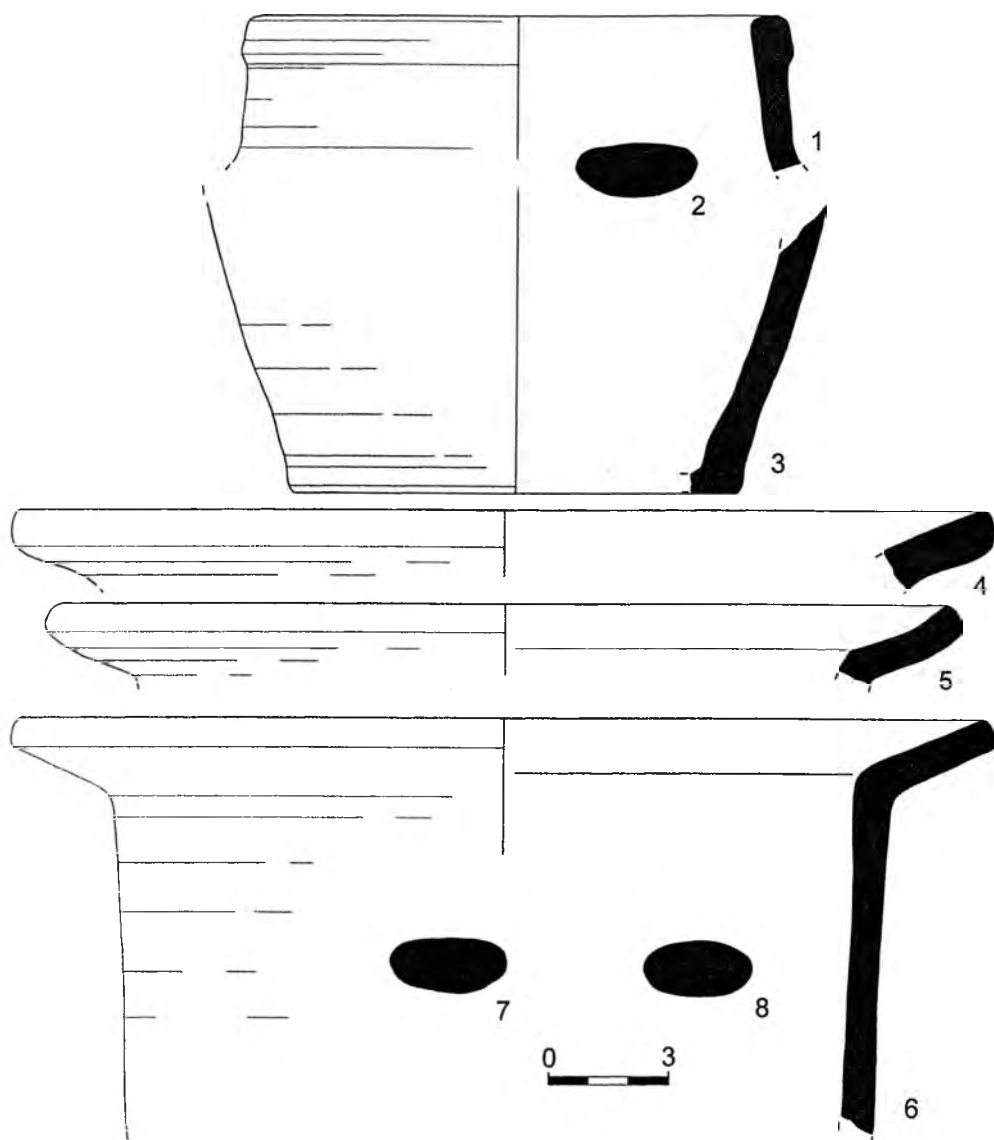

Рис. 18. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. 2-й слой. Находки глазурованной керамики (1-10).

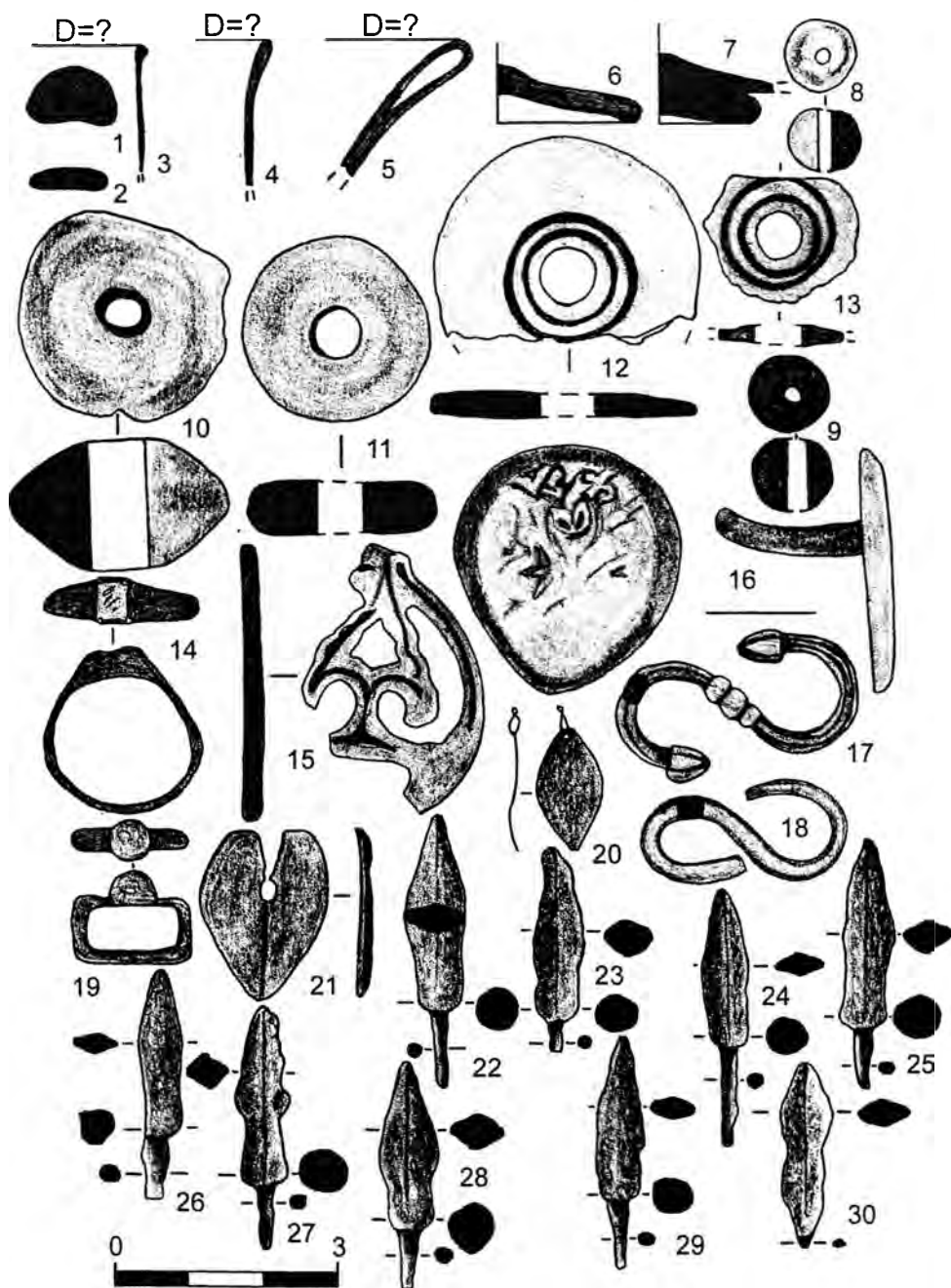

Рис. 19. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. 2-й слой. Изделия из стекла (1-9), керамики (10, 11), кости (12, 13), бронзы (14-19), меди (20-21), железа (22-30).

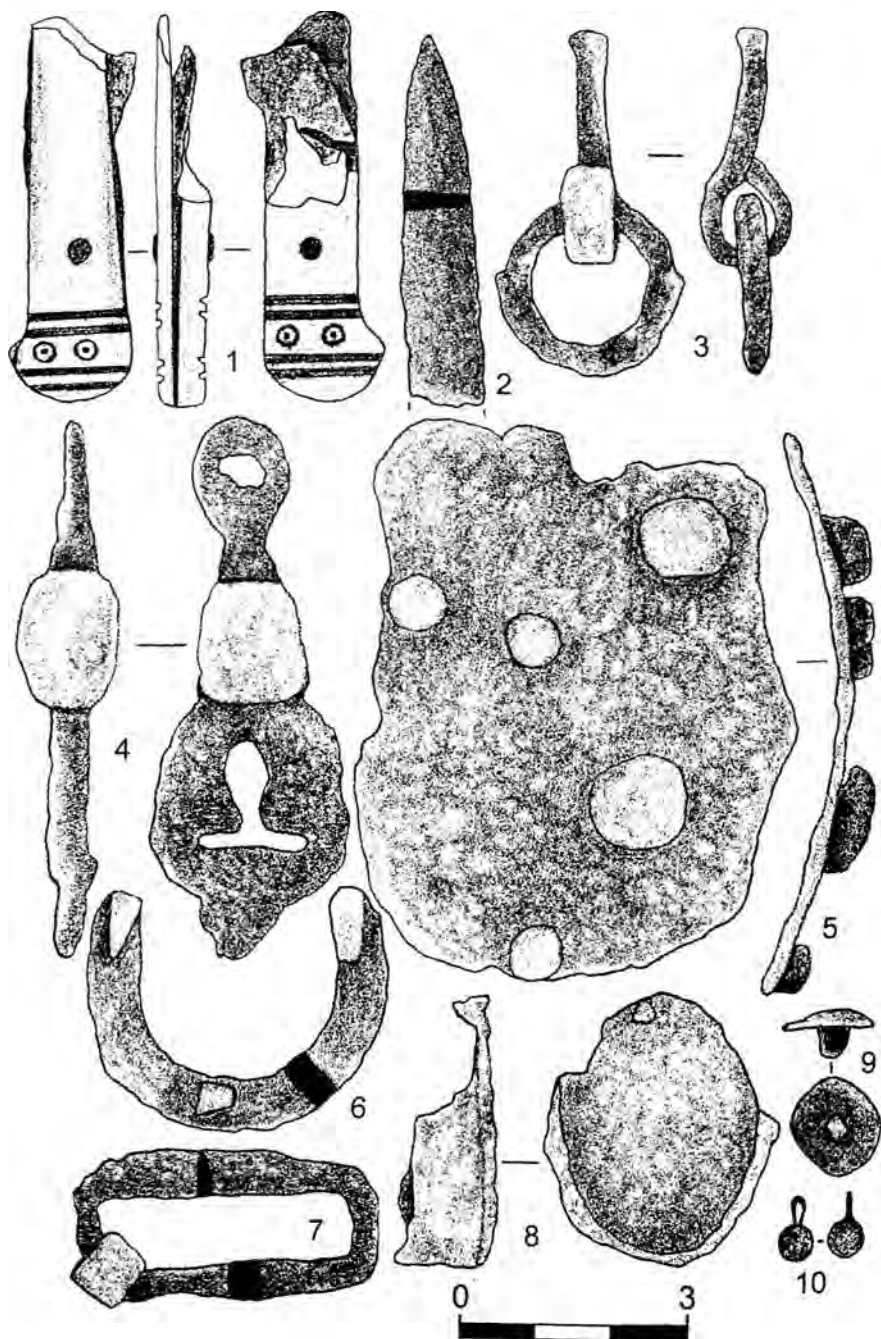

Рис. 20. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. 2-й слой. Изделия из железа (1-8) и меди (9, 10).

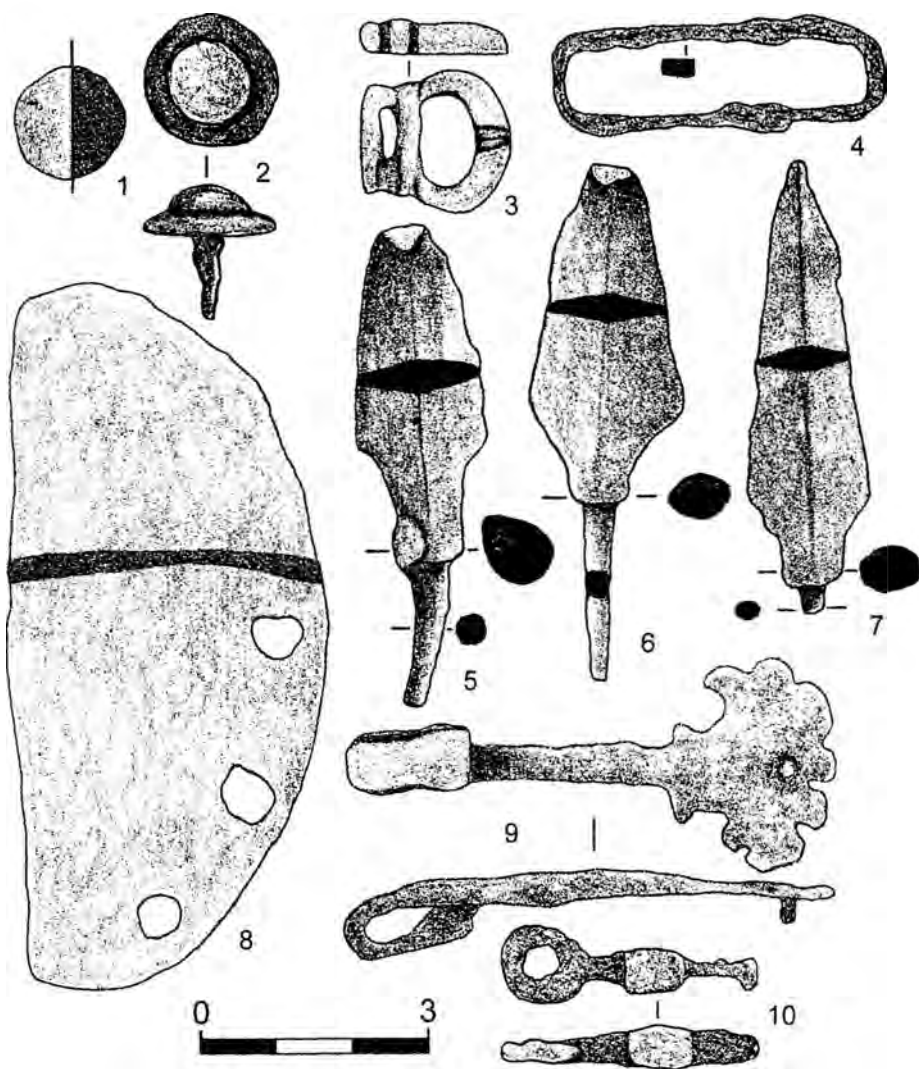

Рис. 21. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун. Квадрат Б. 2-й слой. Изделия из известняка (1), бронзы (3), железа (2, 4-10).

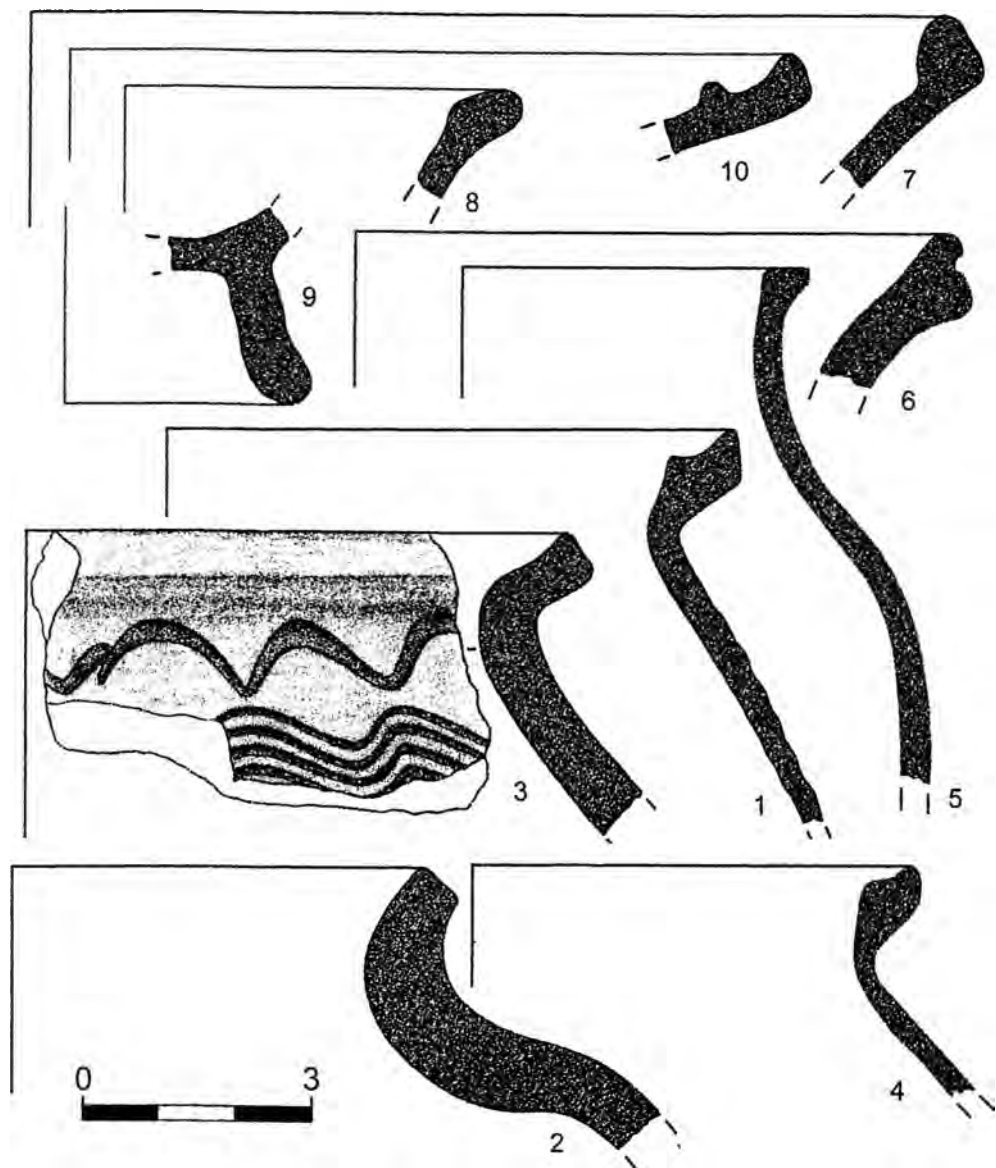

Рис. 22. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Находки из 2-го слоя. Квадрат А. Кухонная (1-6) и столовая глазурованная (7) керамика. Квадрат В. Глазурованная (8-10) керамика.

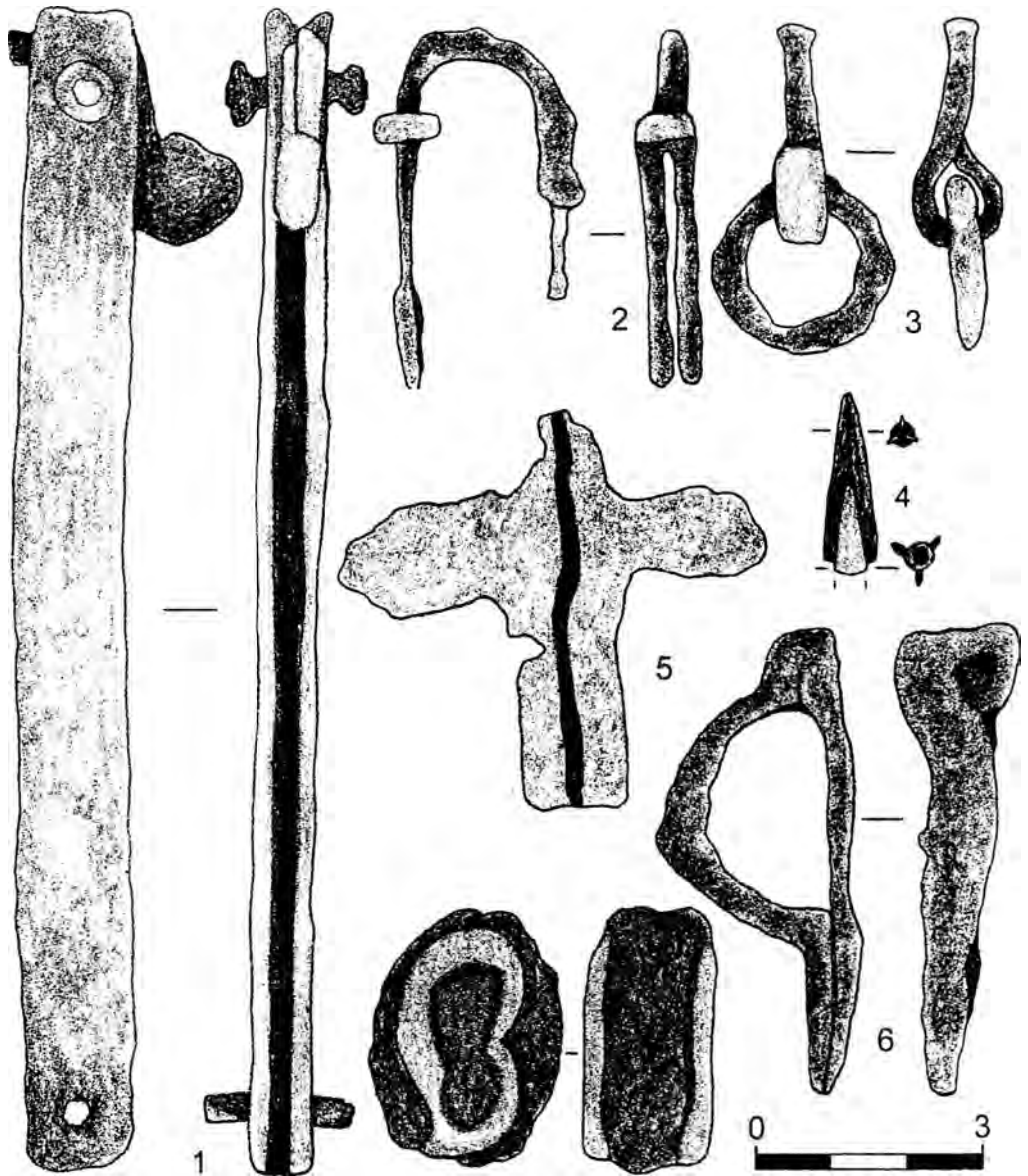

Рис. 23. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат В. 2-й слой. Изделия из железа (1-3, 5, 6), бронзы (4) и кости (7).

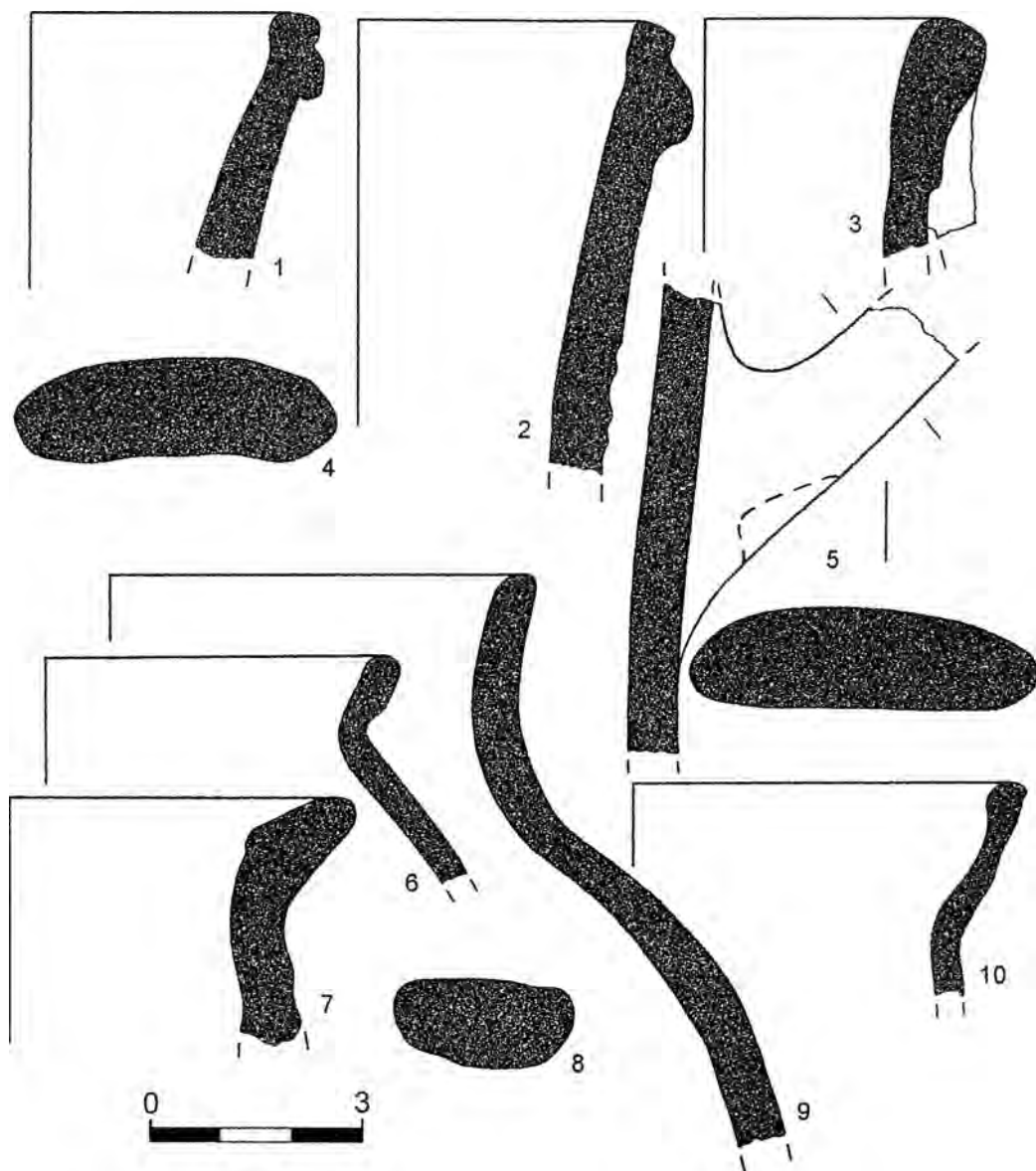

Рис. 24. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 3-й слой. Находки тарной (1-5, 7), кухонной (6, 8, 9) и столовой керамики (10).

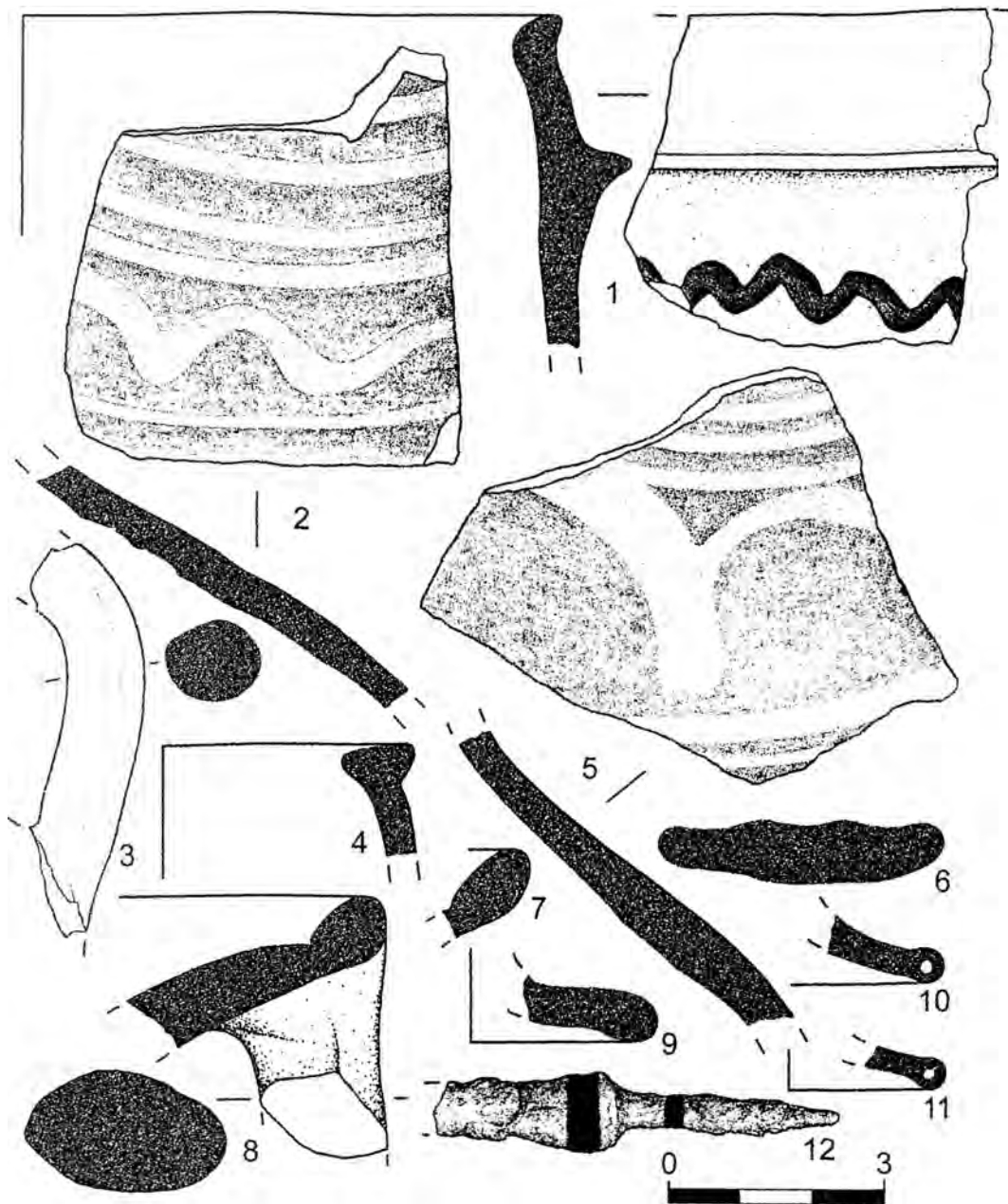

Рис. 25. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 3-й слой. Находки тарной (1), столовой (2-8) керамики, изделий из стекла (9-11) и железа (12).

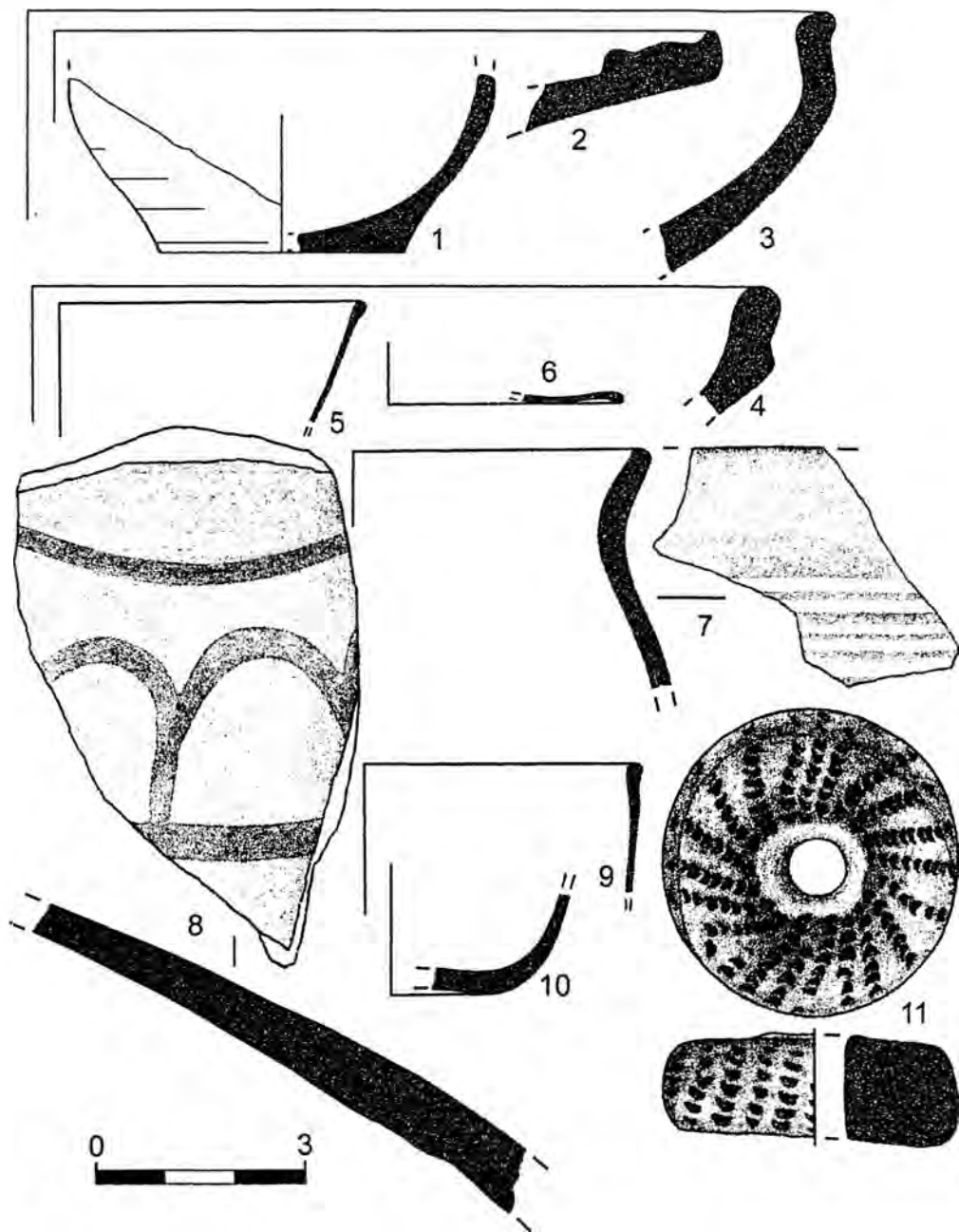

Рис. 26. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Г (1-4) и А (5-11). 3-й слой. Находки столовой керамики (1-4, 7, 8), стеклянных сосудов (5, 6, 9, 10), красноглиняное пряслице (11).

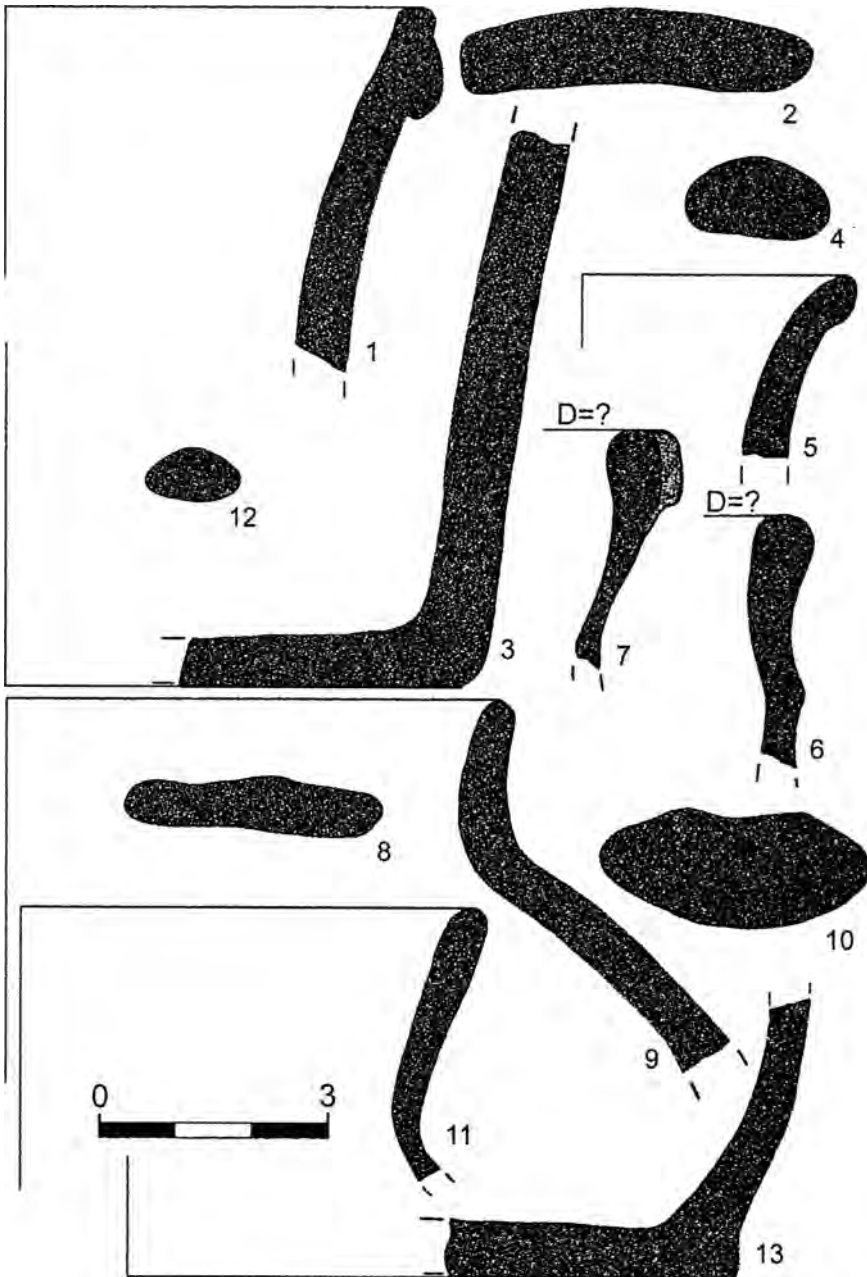

Рис. 27. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат В. 3-й слой. Находки тарной (1-3), кухонной (4, 9, 11, 13) и столовой (5-8, 10, 12) керамики.

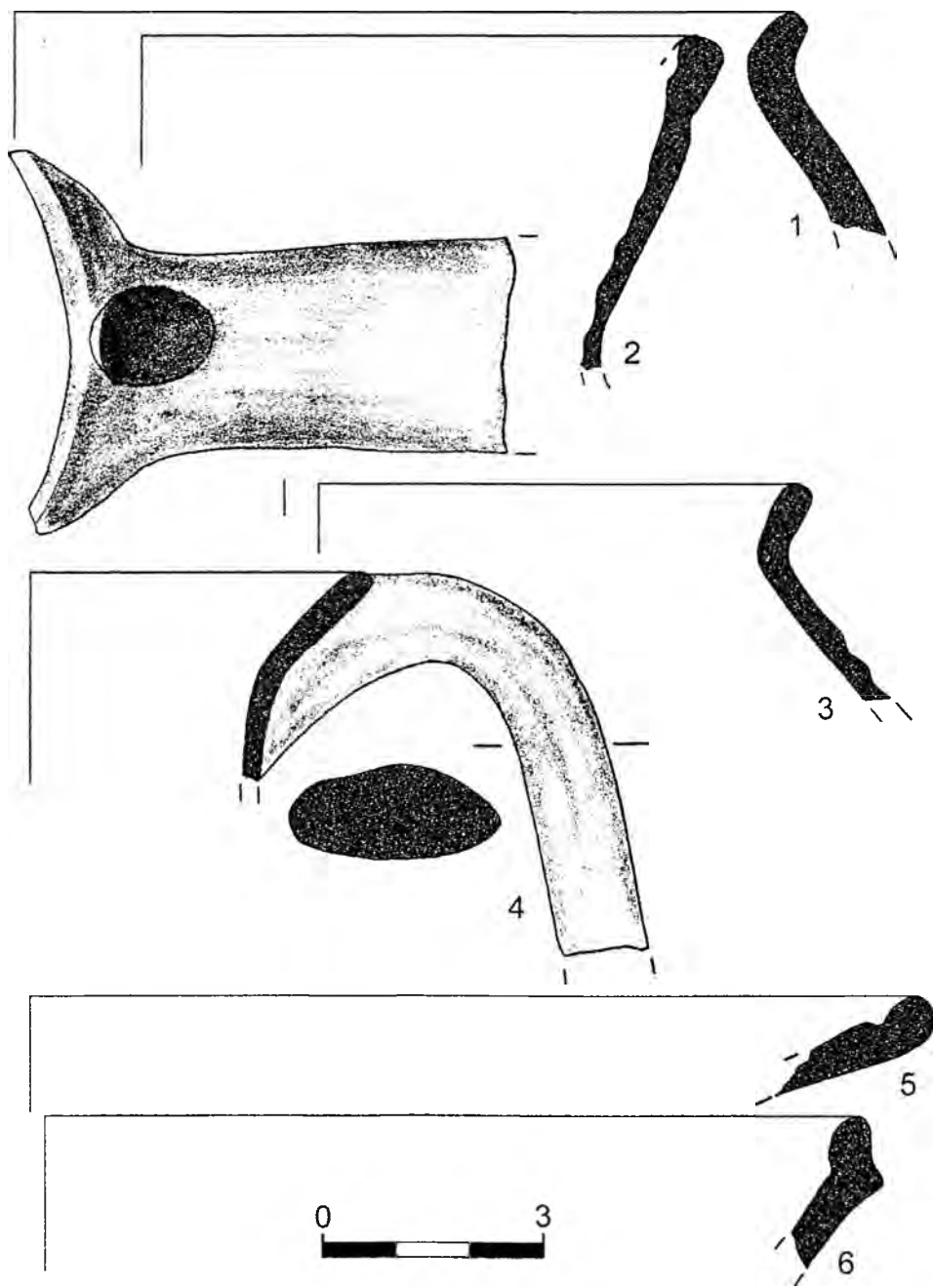

Рис. 28. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат В. 3-й слой. Находки кухонной (1) и столовой керамики (2-6).

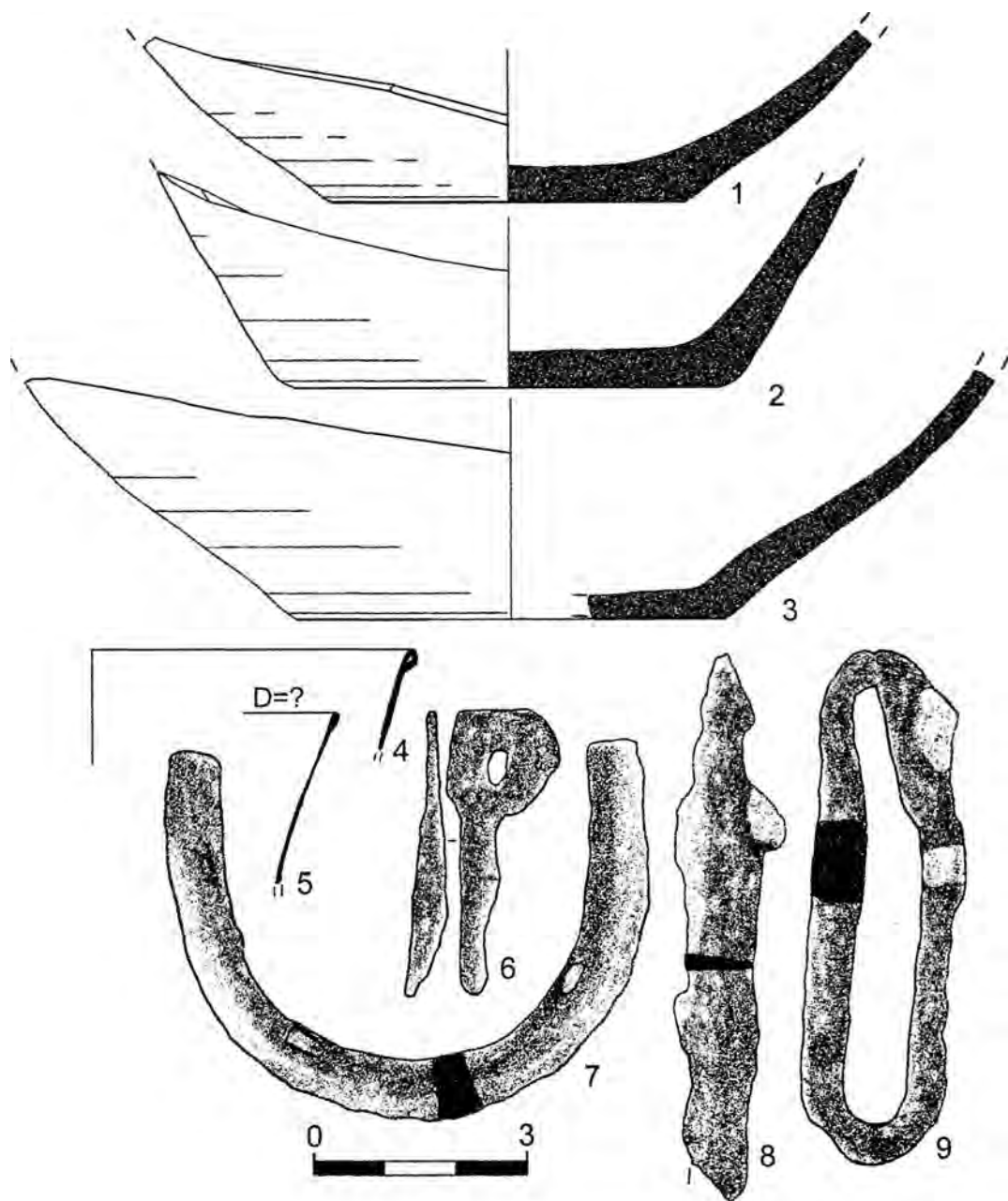

Рис. 29. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат В. 3-й слой. Находки столовой керамики (1-3), изделий из стекла (4, 5) и железа (6-9).

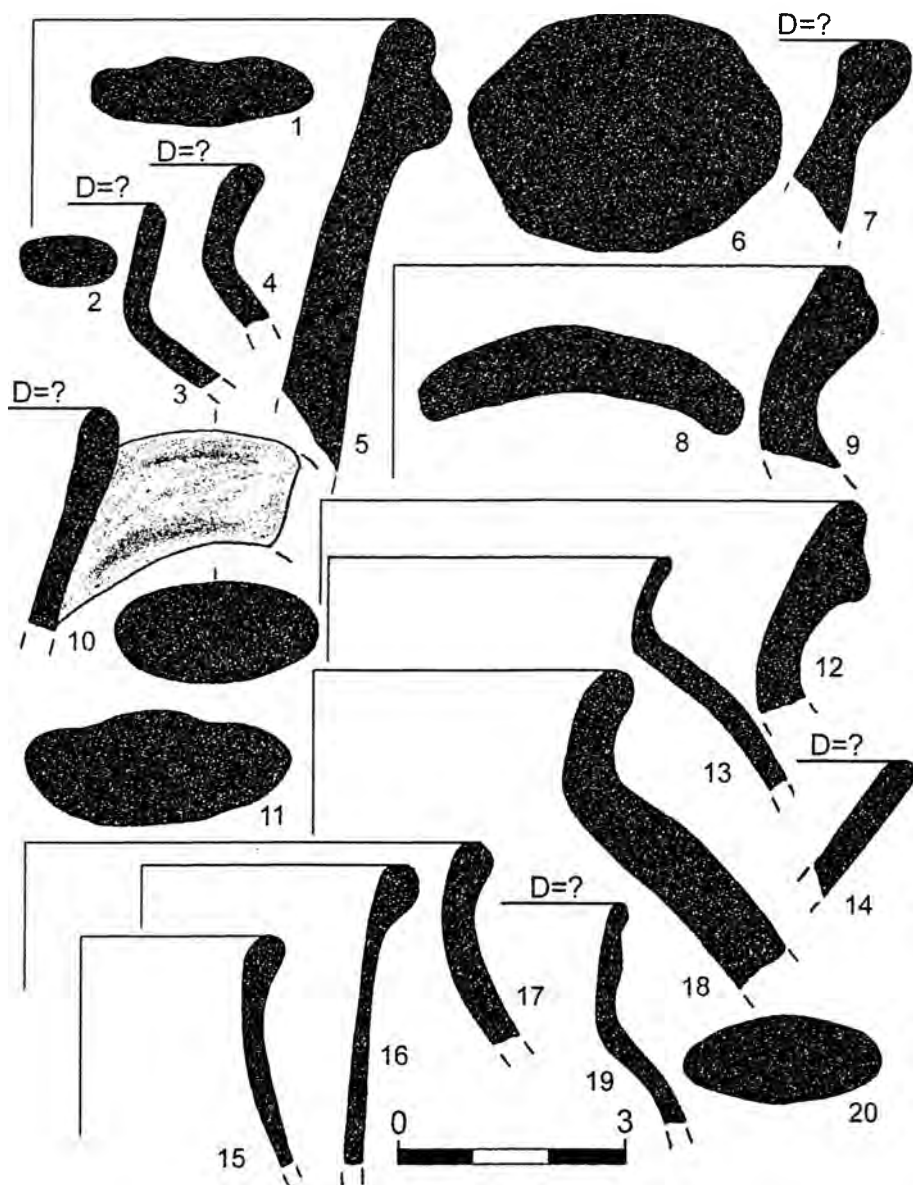

Рис. 30. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Г. 3-й слой. Находки тарной (5, 6, 8, 11), кухонной (1, 4, 9, 12, 17, 18) и столовой (2, 3, 7, 10, 13-16, 19, 20) керамики.

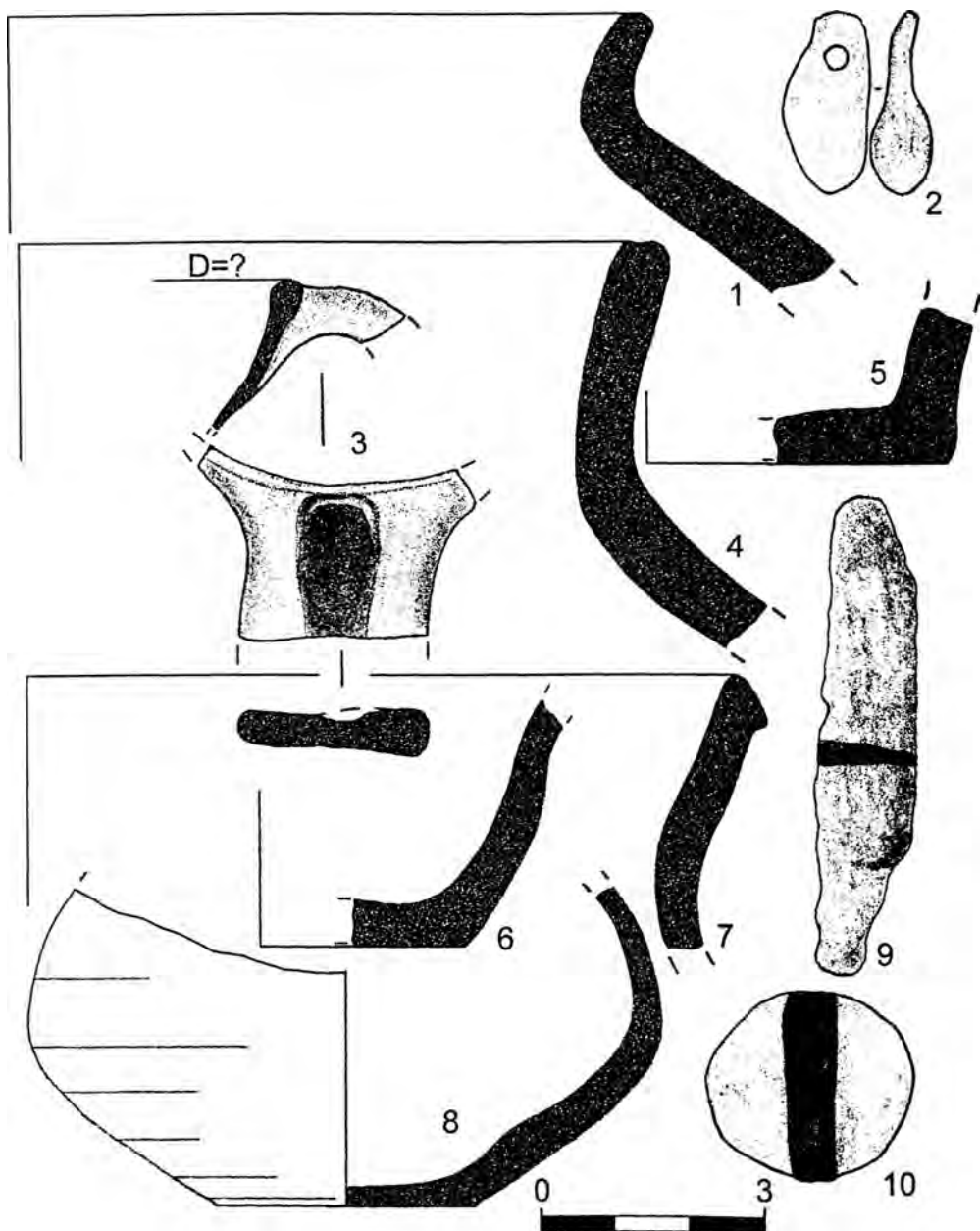

Рис. 31. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешлибурун. Квадрат Г. 3-й слой. Находки кухонной (1, 4, 5, 7) и столовой керамики (3, 6, 8), изделий из кости (2), железа (9) и мергеля (10).

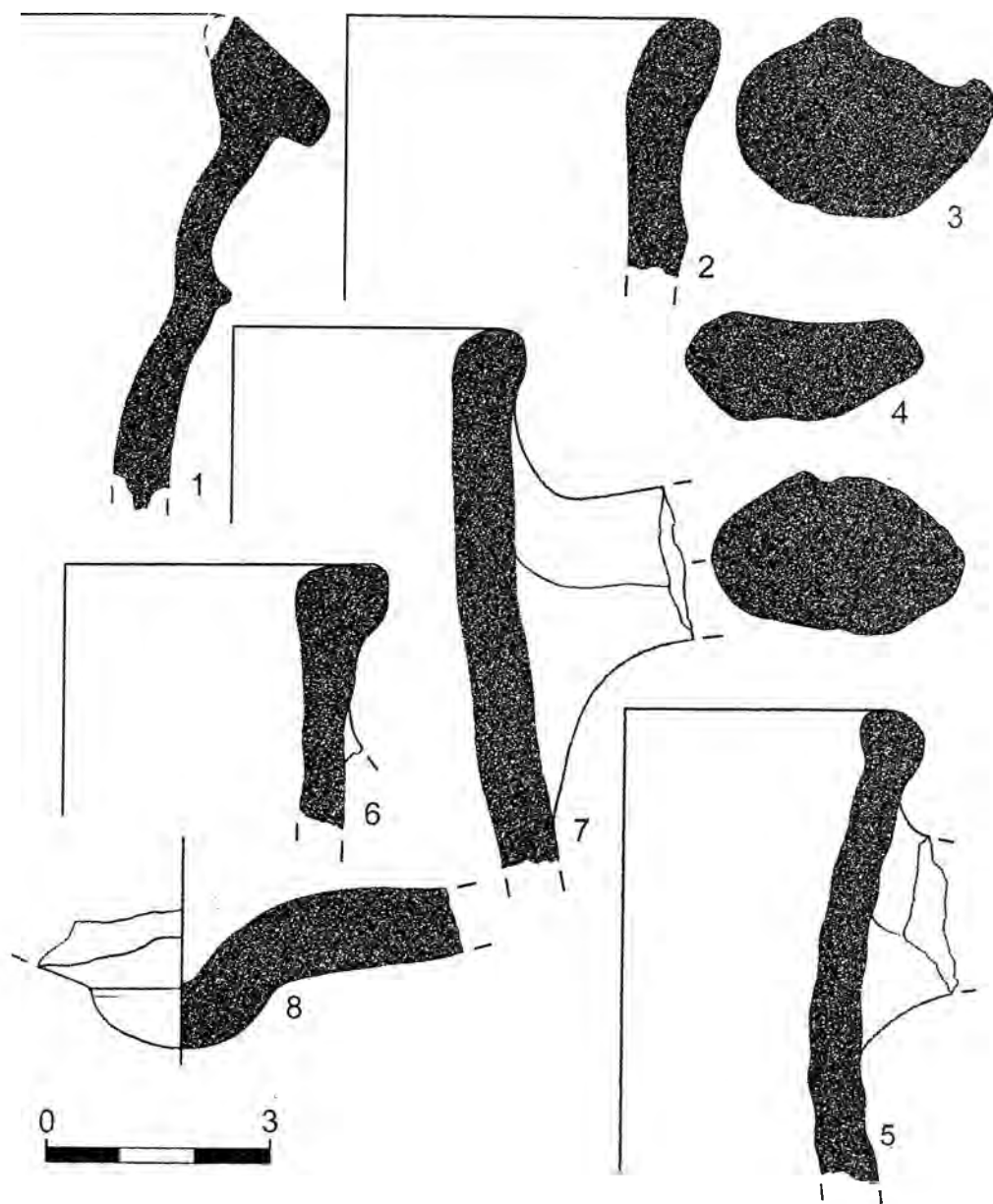

Рис. 32. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 4-й слой. Находки тарной керамики.

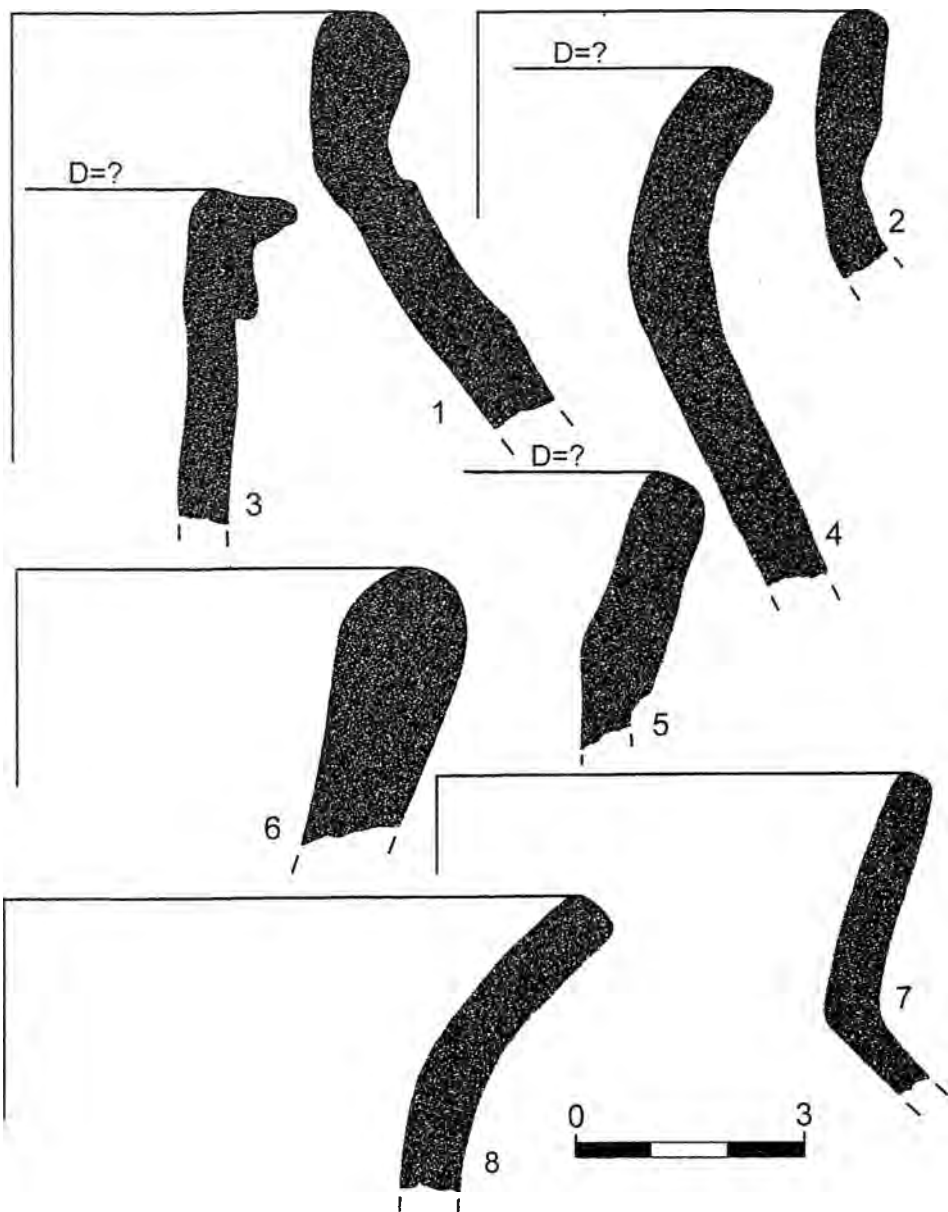

Рис. 33. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 4-й слой. Находки тарной (1-3, 6) и кухонной керамики (4,5,7, 8).

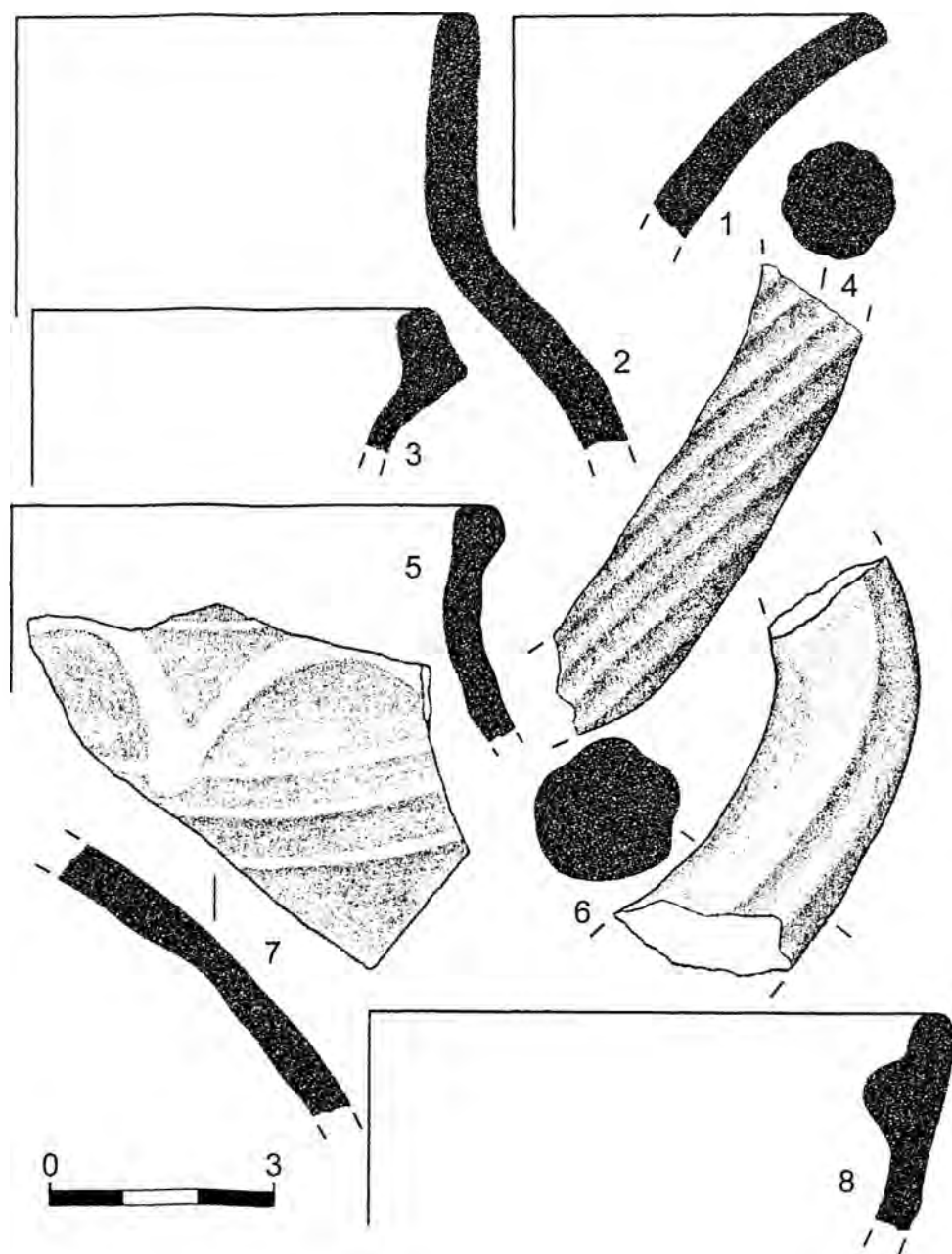

Рис. 34. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 4-й слой. Находки кухонной (1, 2, 4-6, 8) и столовой (3, 7) керамики.

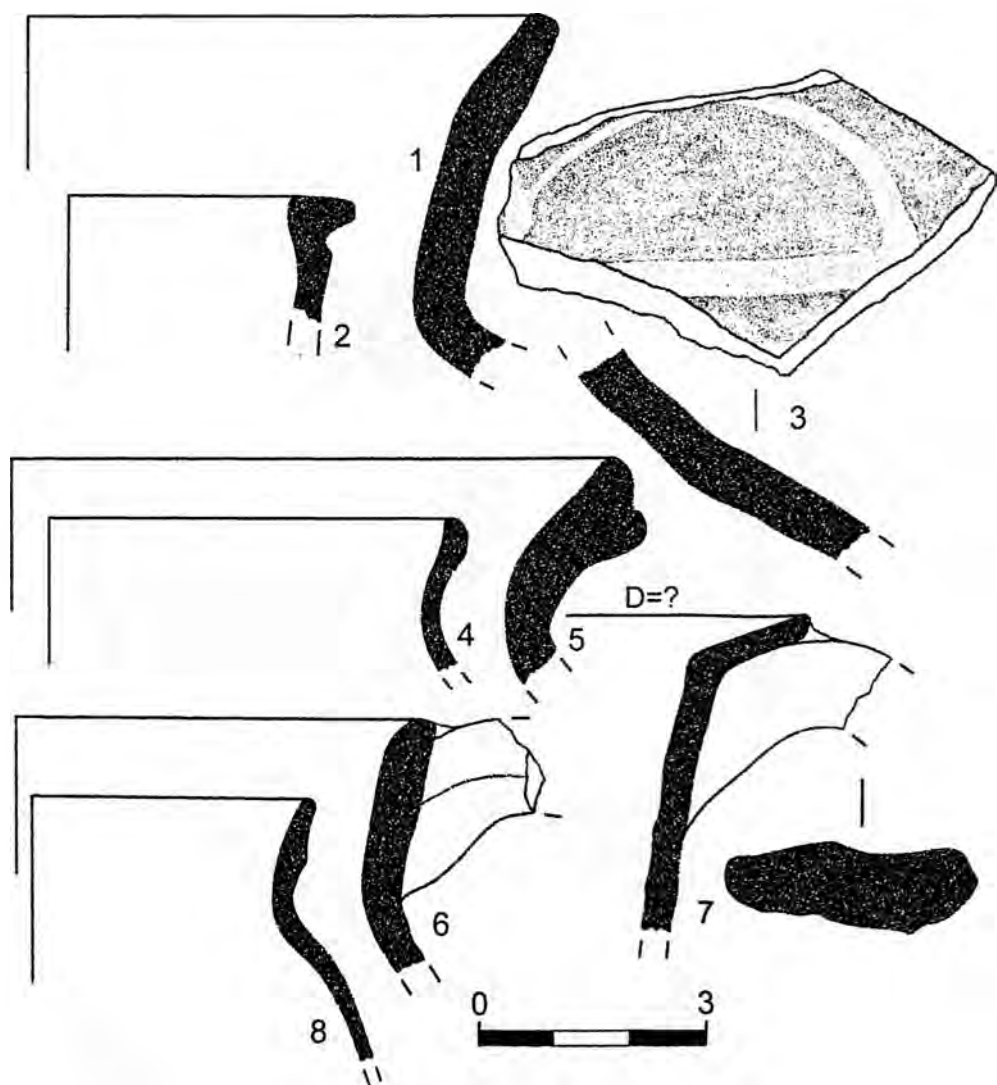

Рис. 35. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун. Квадрат А. 4-й слой. Находки кухонной (1, 5) и столовой (2-4, 6-8) керамики.

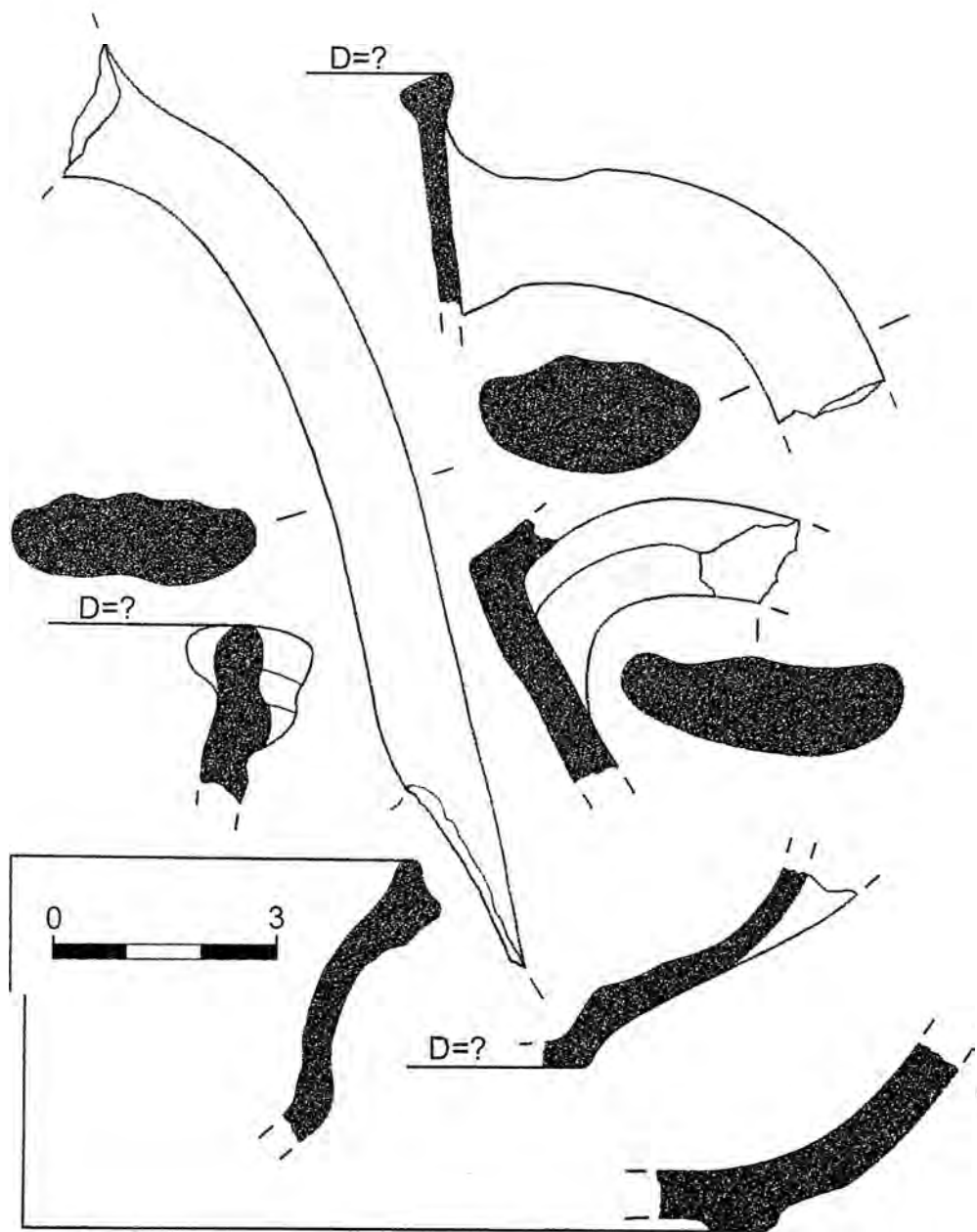

Рис. 36. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 4-й слой. Находки столовой керамики.

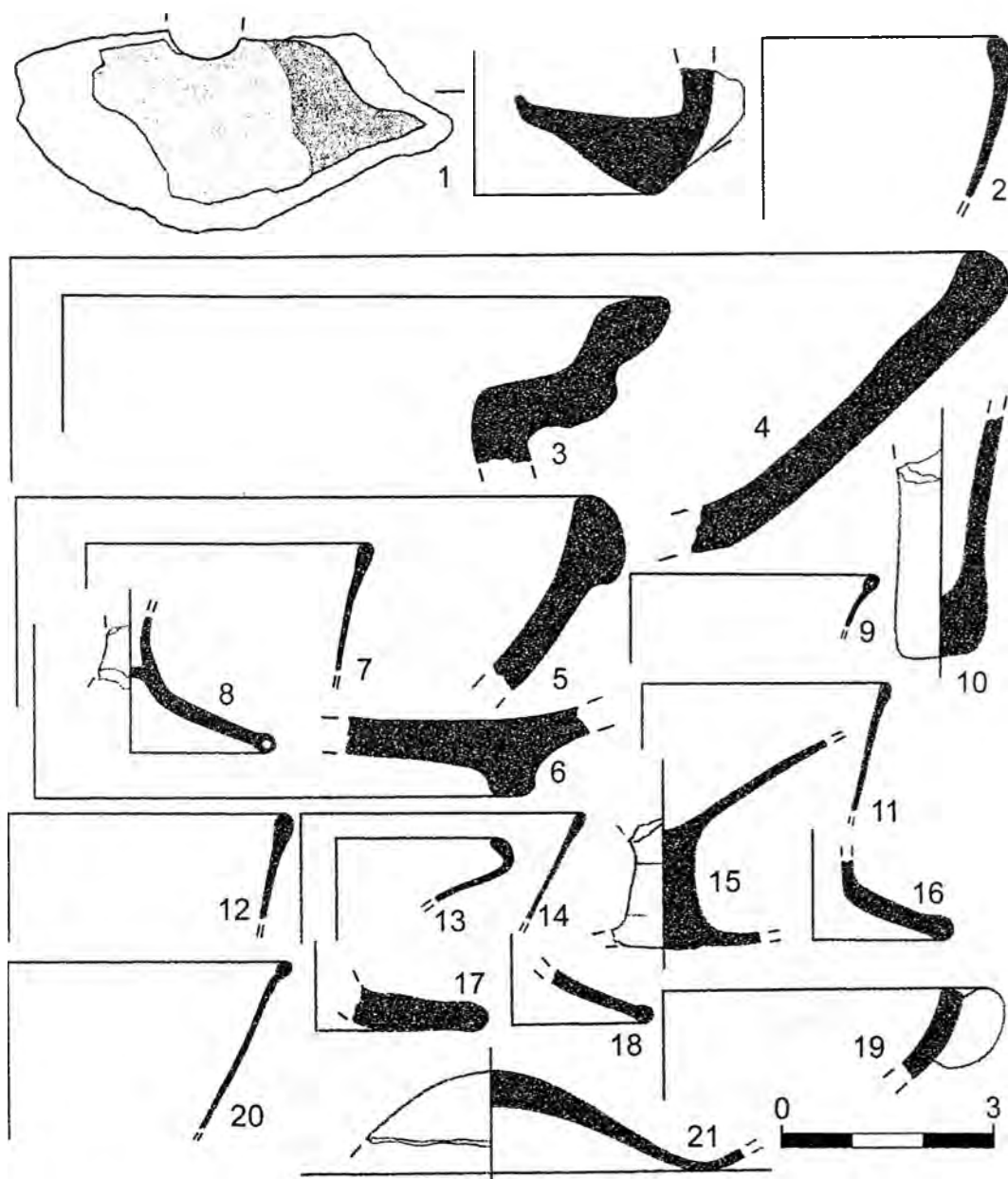

Рис. 37. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 4-й слой. Находки столовой керамики (1, 3-6) и стеклянных изделий (2, 7-21).

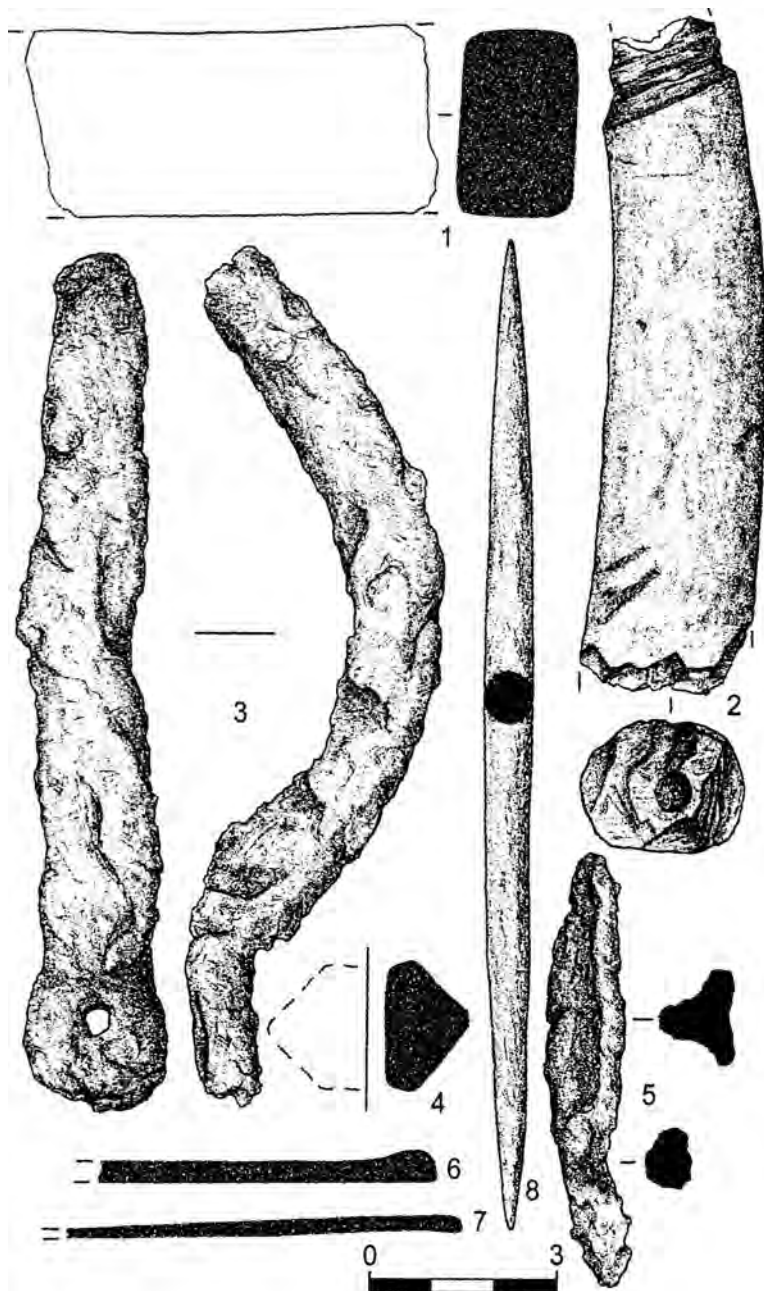

Рис. 38. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 4-й слой. Изделия из глины (4), песчаника (1), стекла (6, 7), кости и рога (2, 8), железа (3, 5).

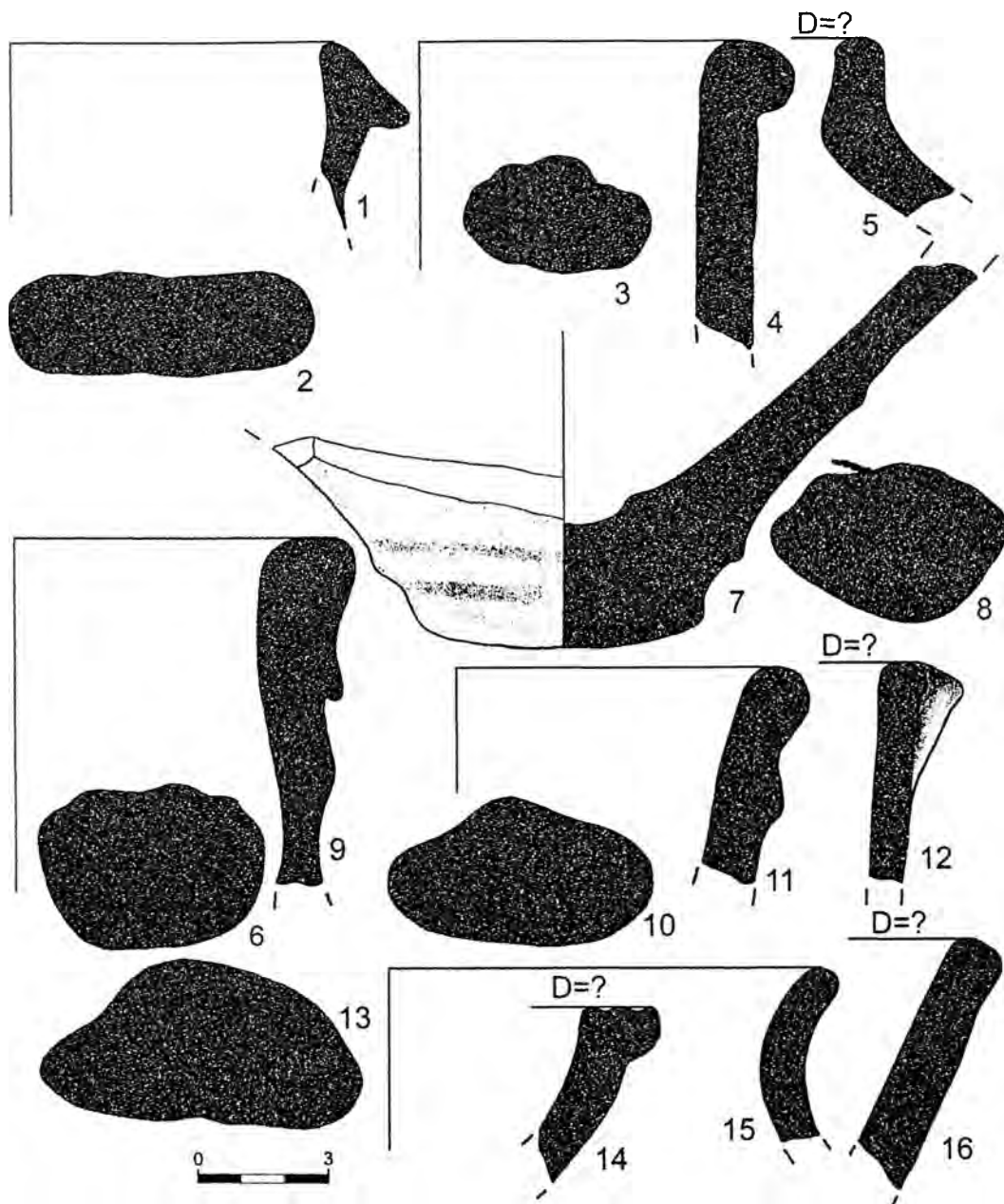

Рис. 39. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. 4-й слой. Находки тарной (1-11, 13), кухонной (12, 15, 16) и столовой (14) керамики.

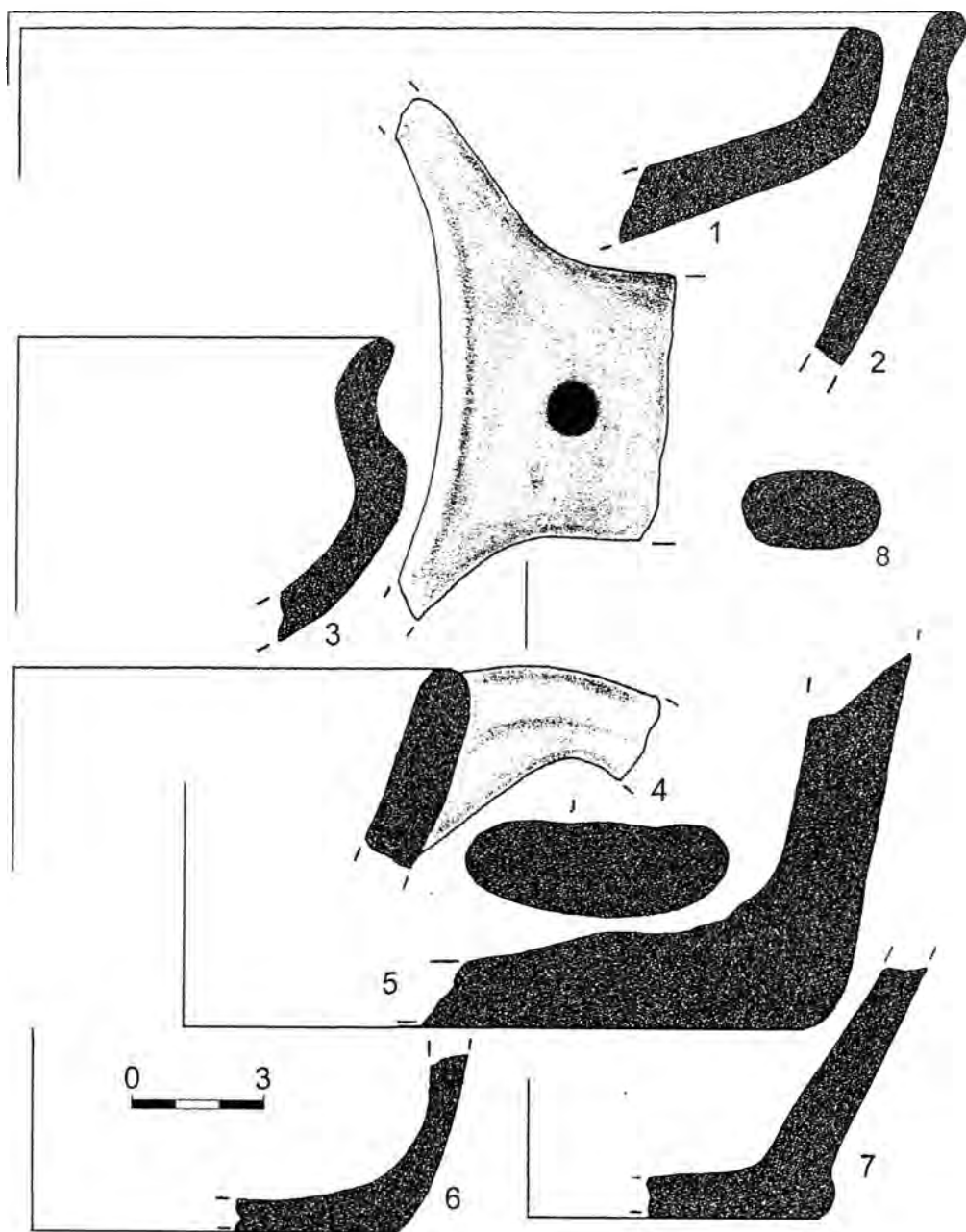

Рис. 40. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат Б. 4-й слой. Находки кухонной (1-4, 7) и столовой (6, 8) керамики.

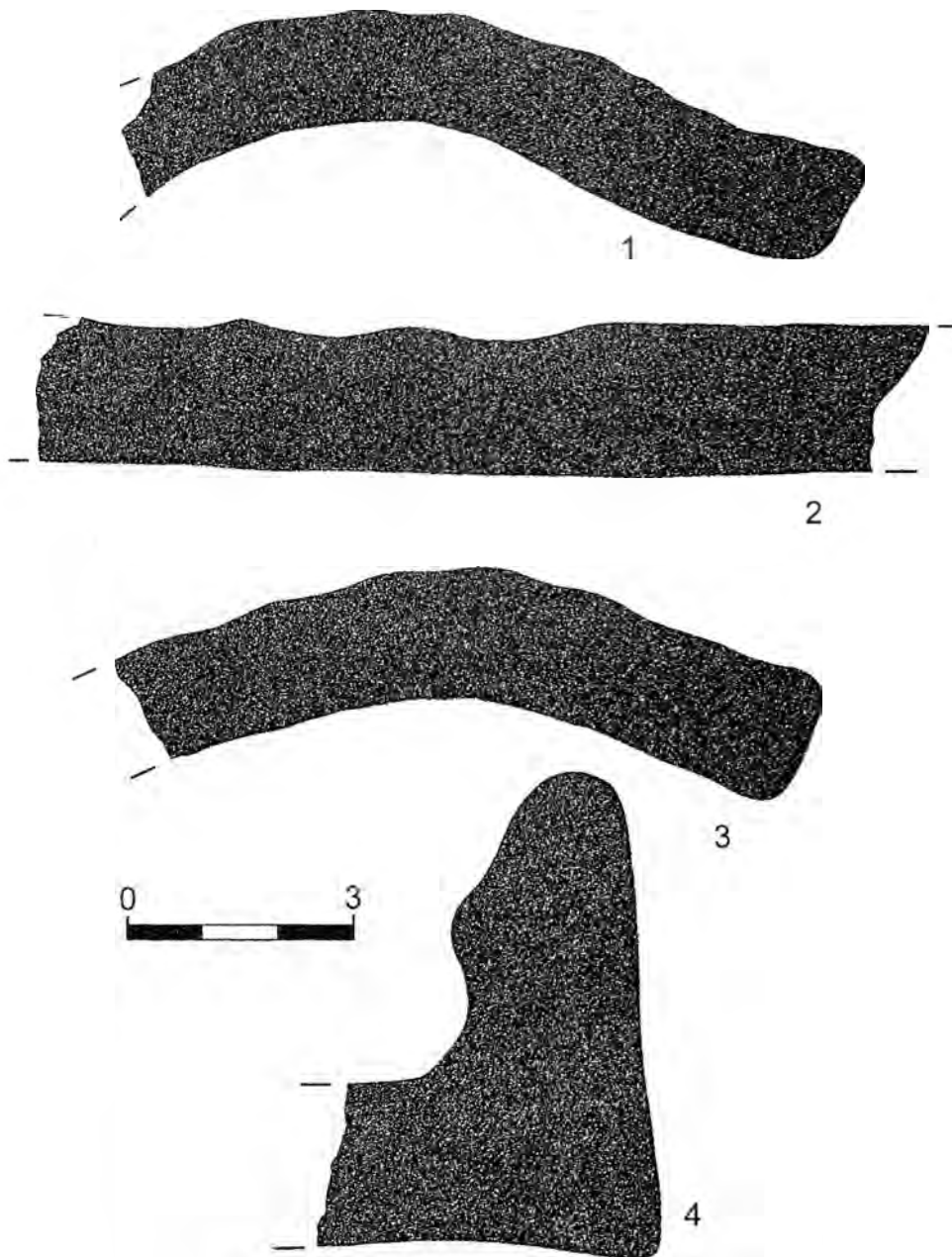

Рис. 41. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Находки строительной керамики.

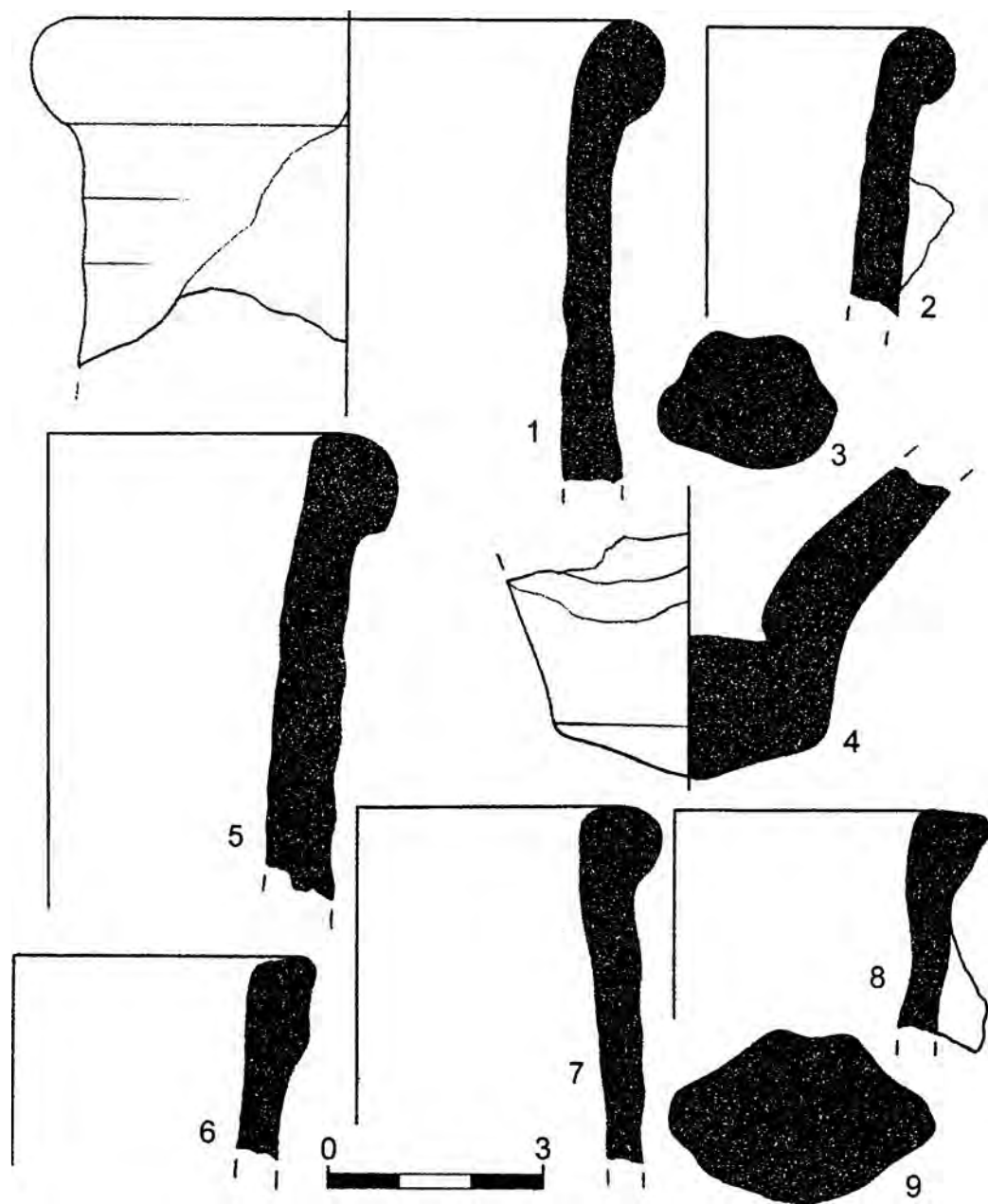

Рис. 42. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Находки тарной керамики.

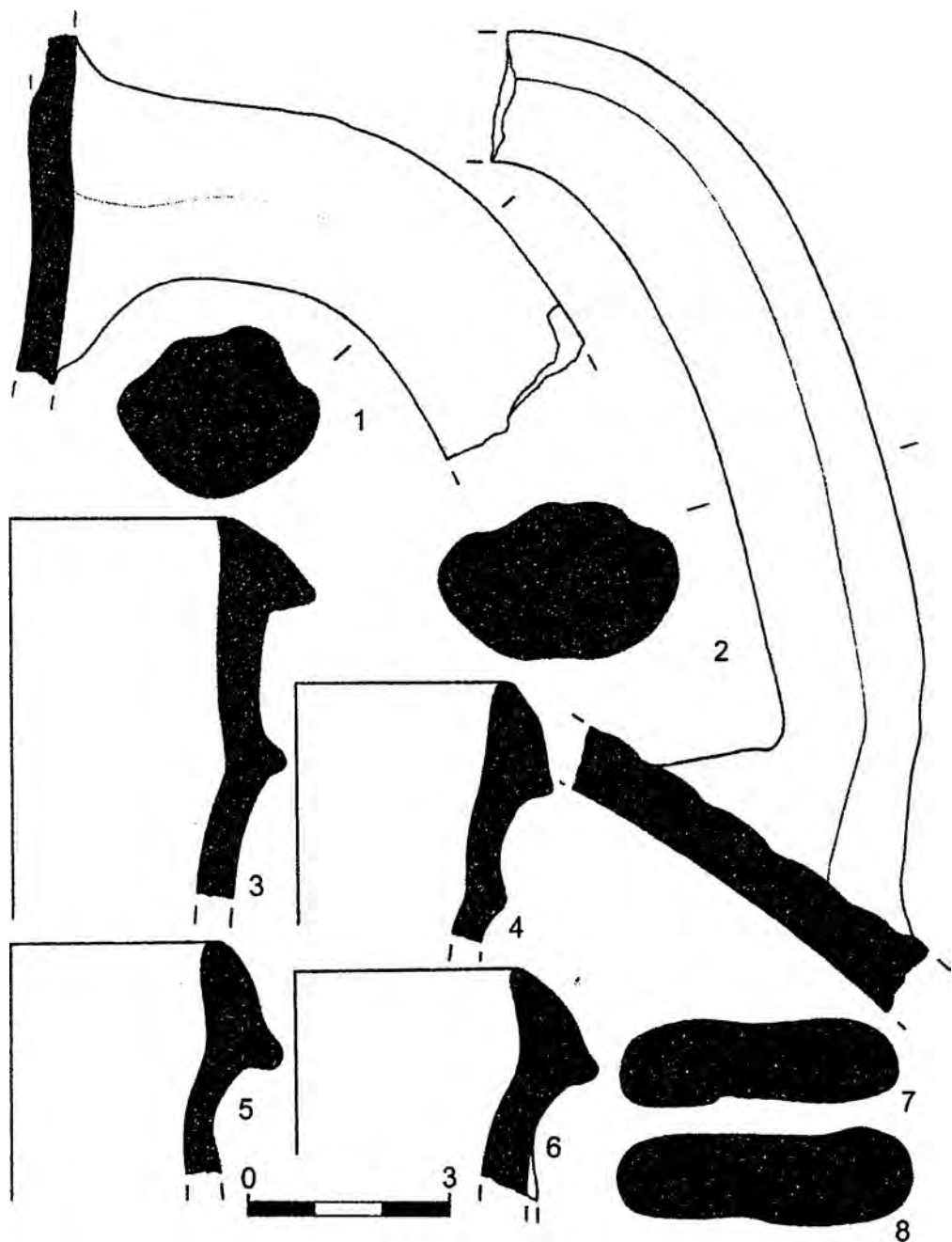

Рис. 43. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Находки тарной керамики.

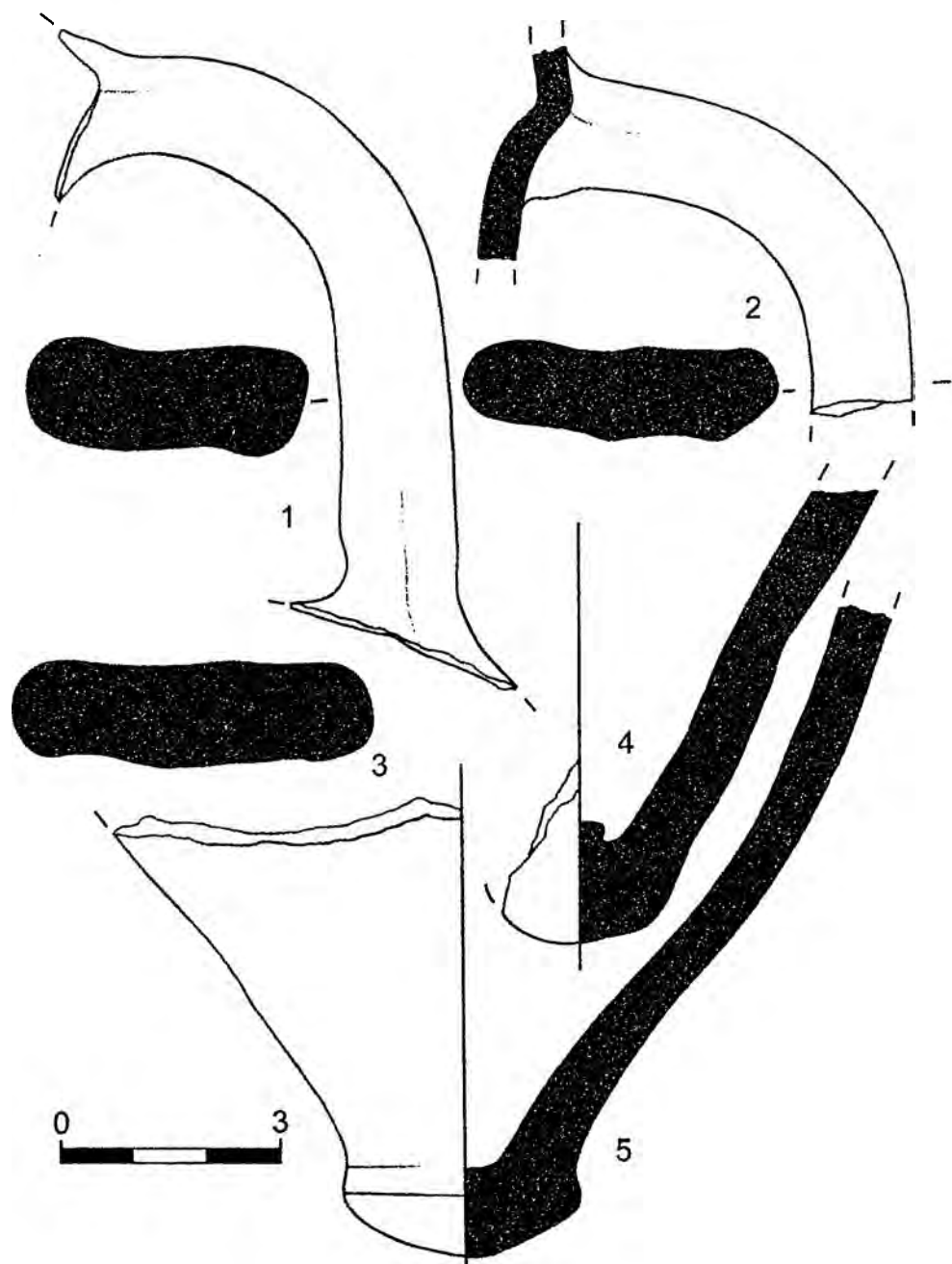

Рис. 44. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Находки тарной керамики.

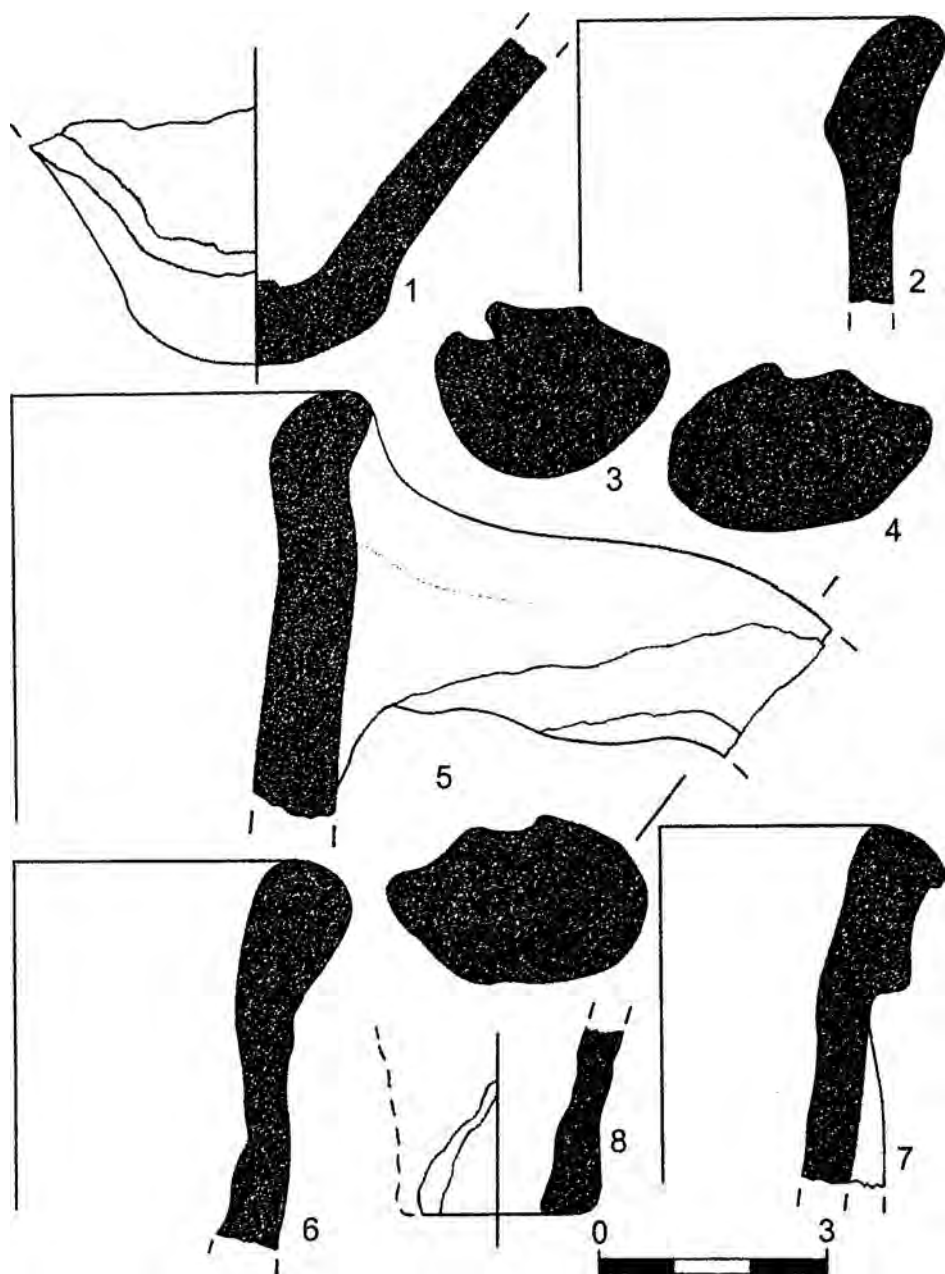

Рис. 45. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Находки тарной керамики.

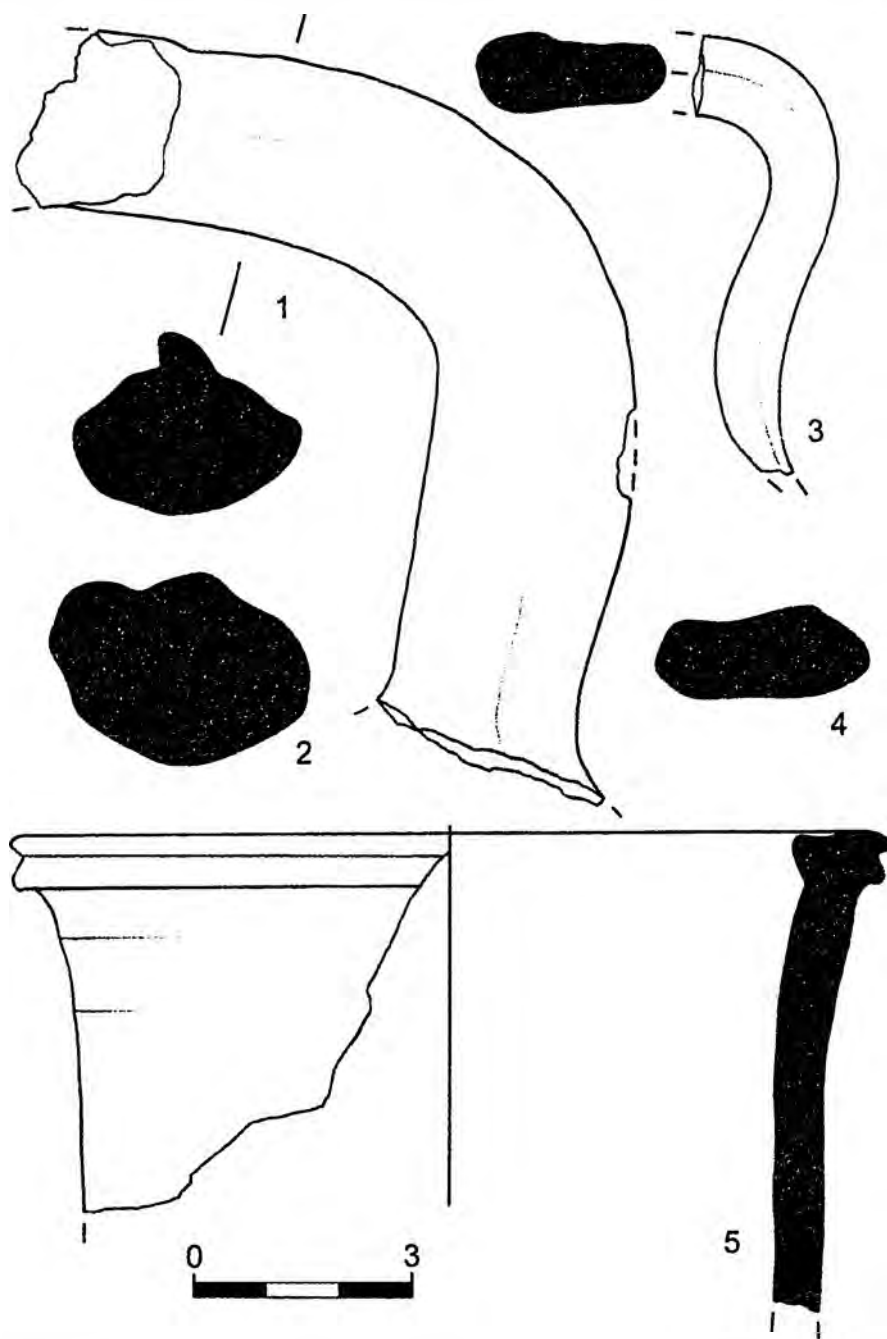

Рис. 46. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Находки тарной керамики.

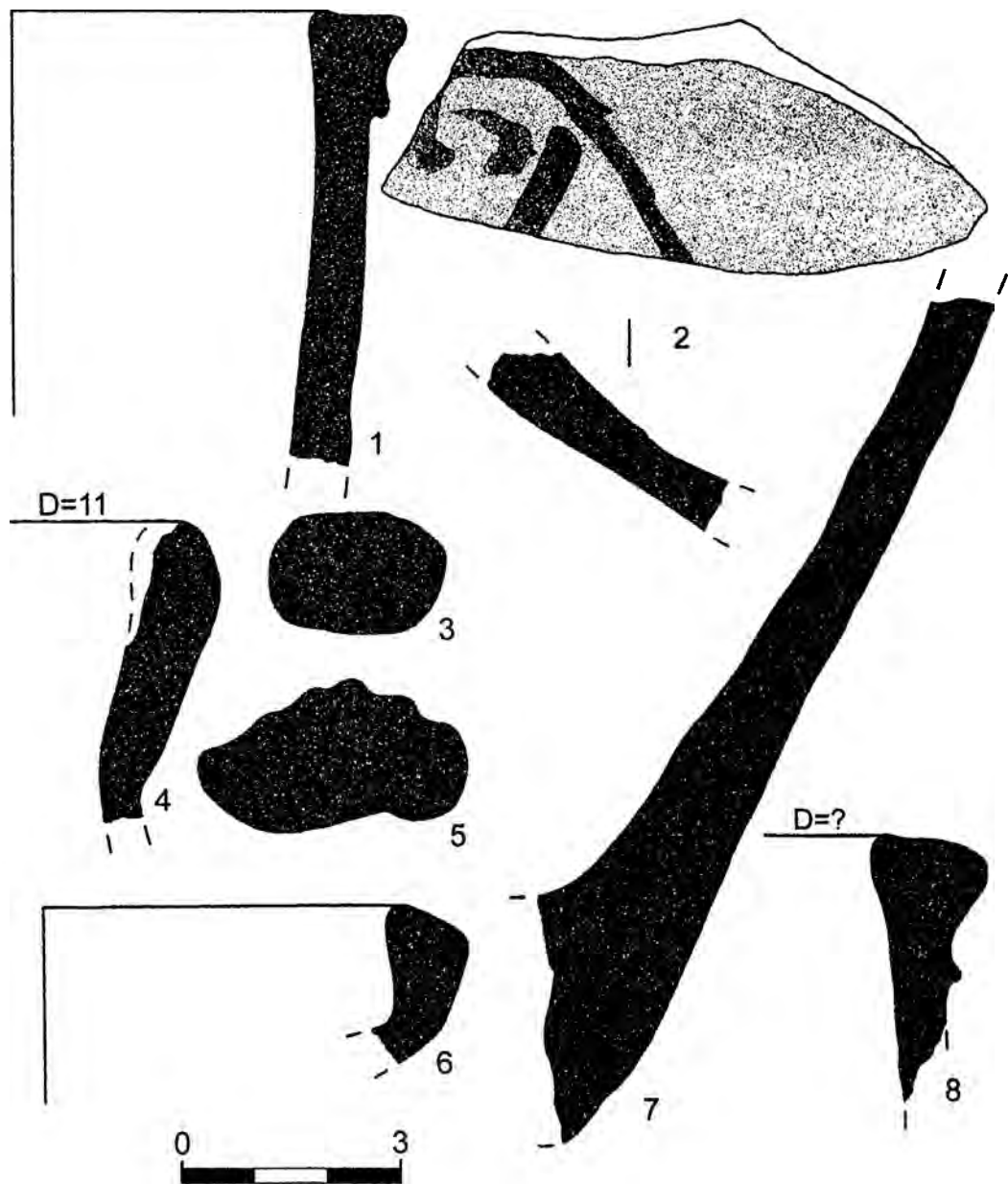

Рис. 47. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Находки тарной керамики.

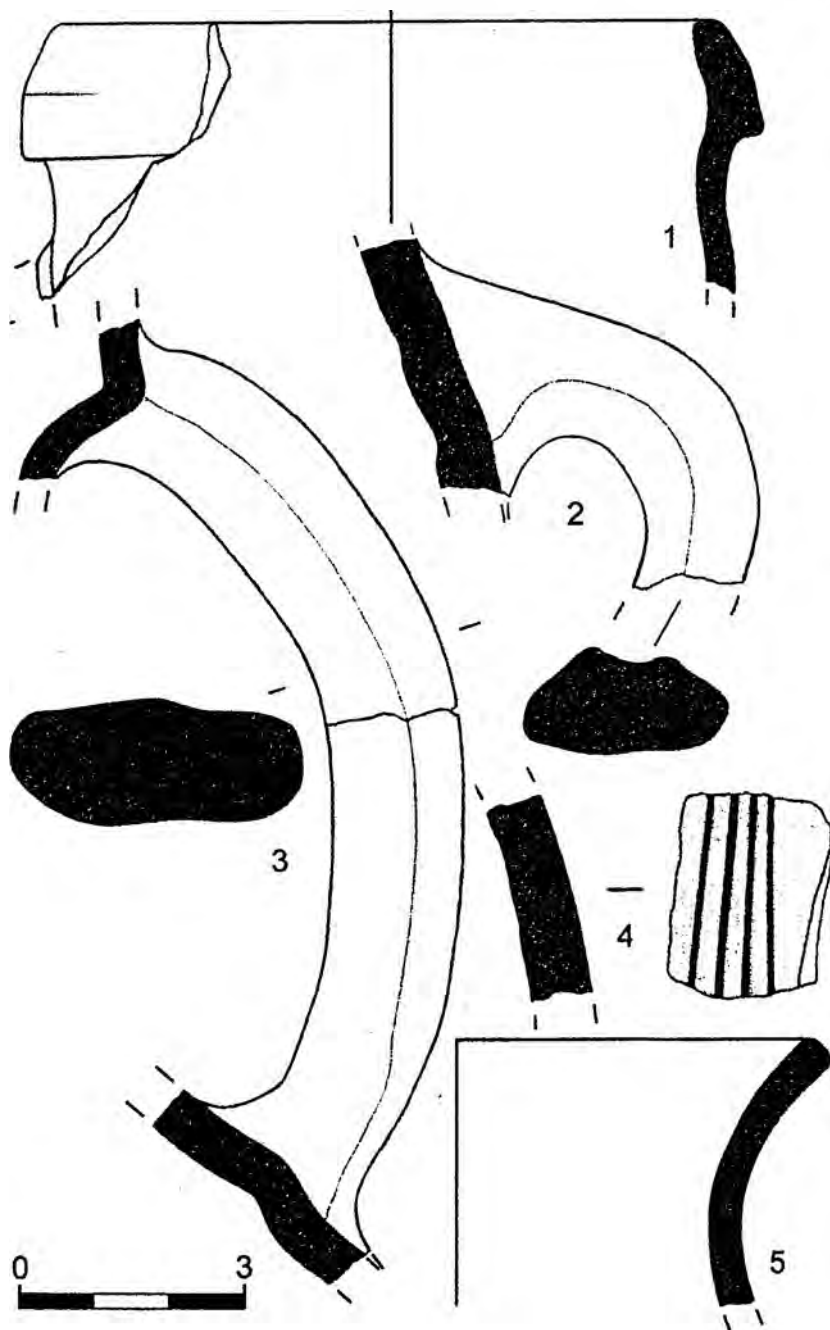

Рис. 48. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Находки тарной (1-3) и кухонной (4, 5) керамики.

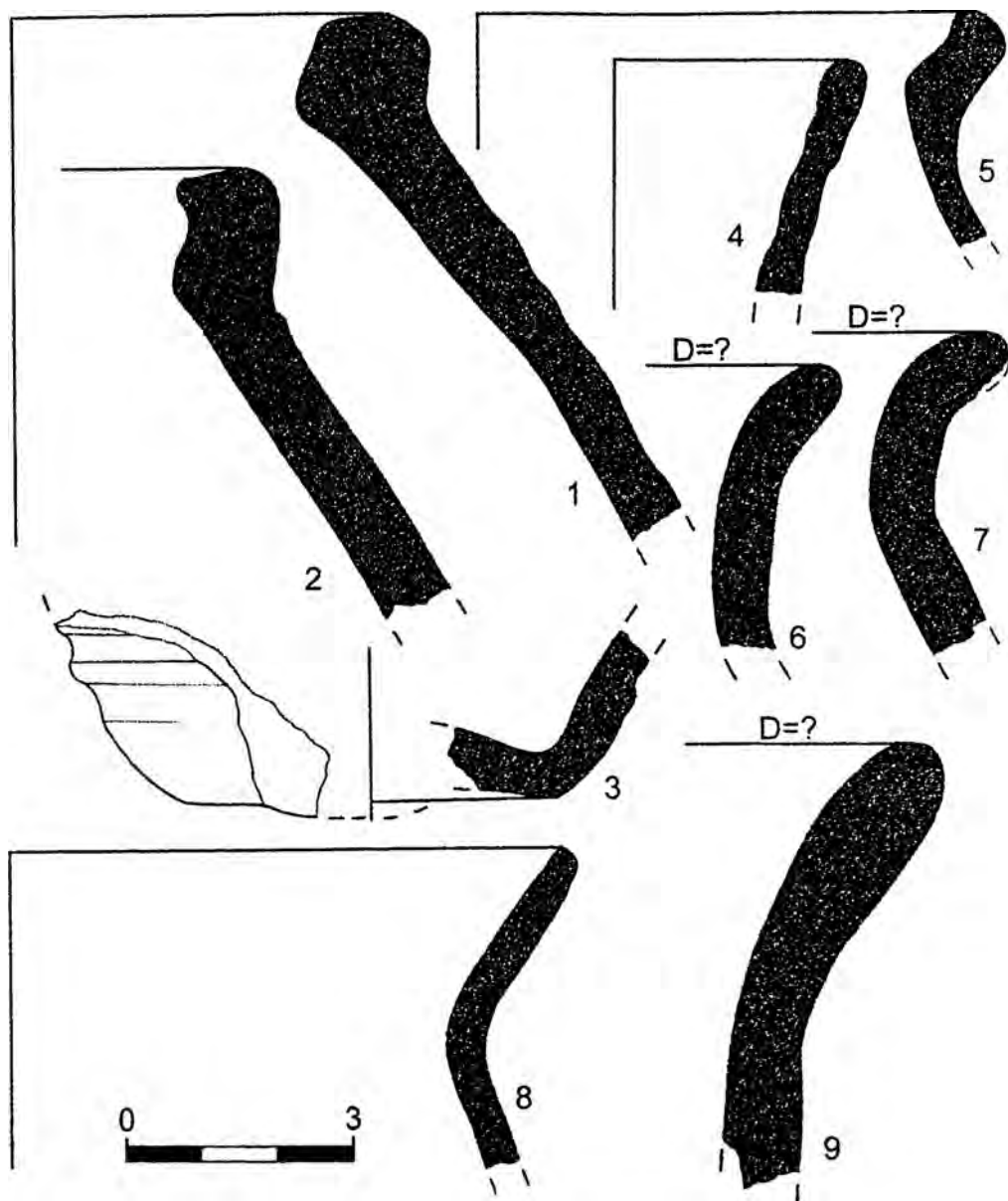

Рис. 49. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Находки тарной (1-4) и кухонной (5-9) керамики.

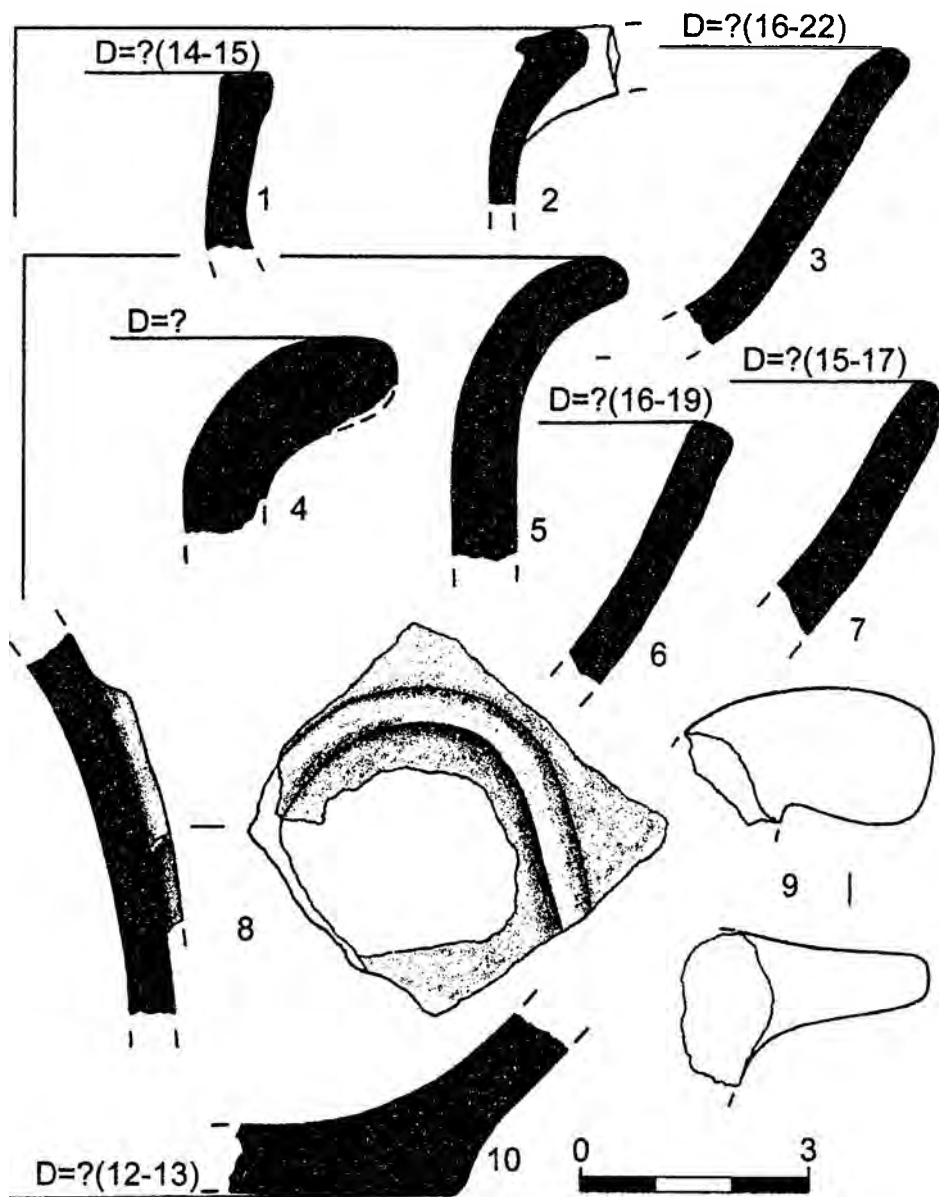

Рис. 50. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Находки кухонной (лепной) керамики.

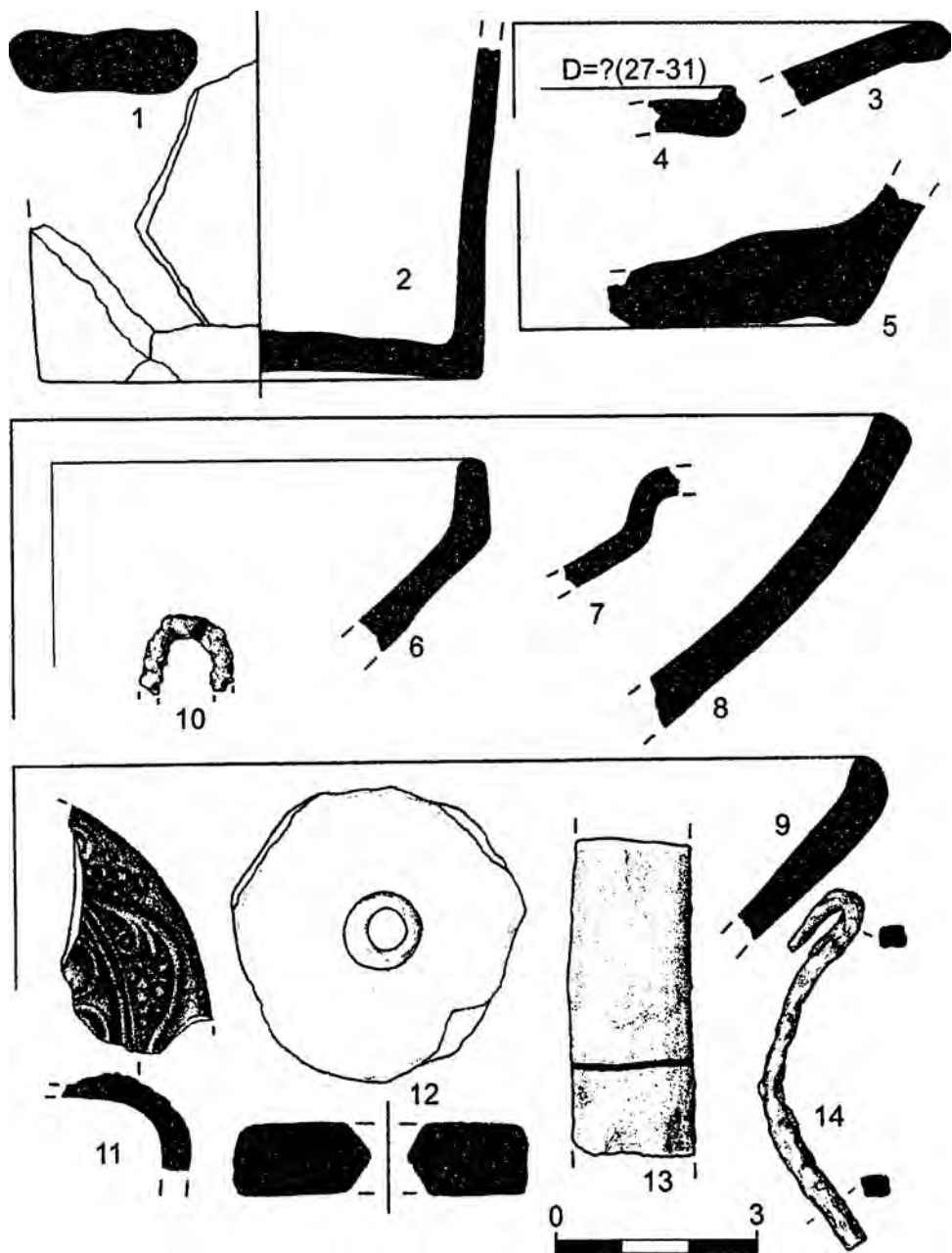

Рис. 51. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Находки столовой керамики (1-9 11), изделий из железа (10, 14), глины (12), свинца (13).

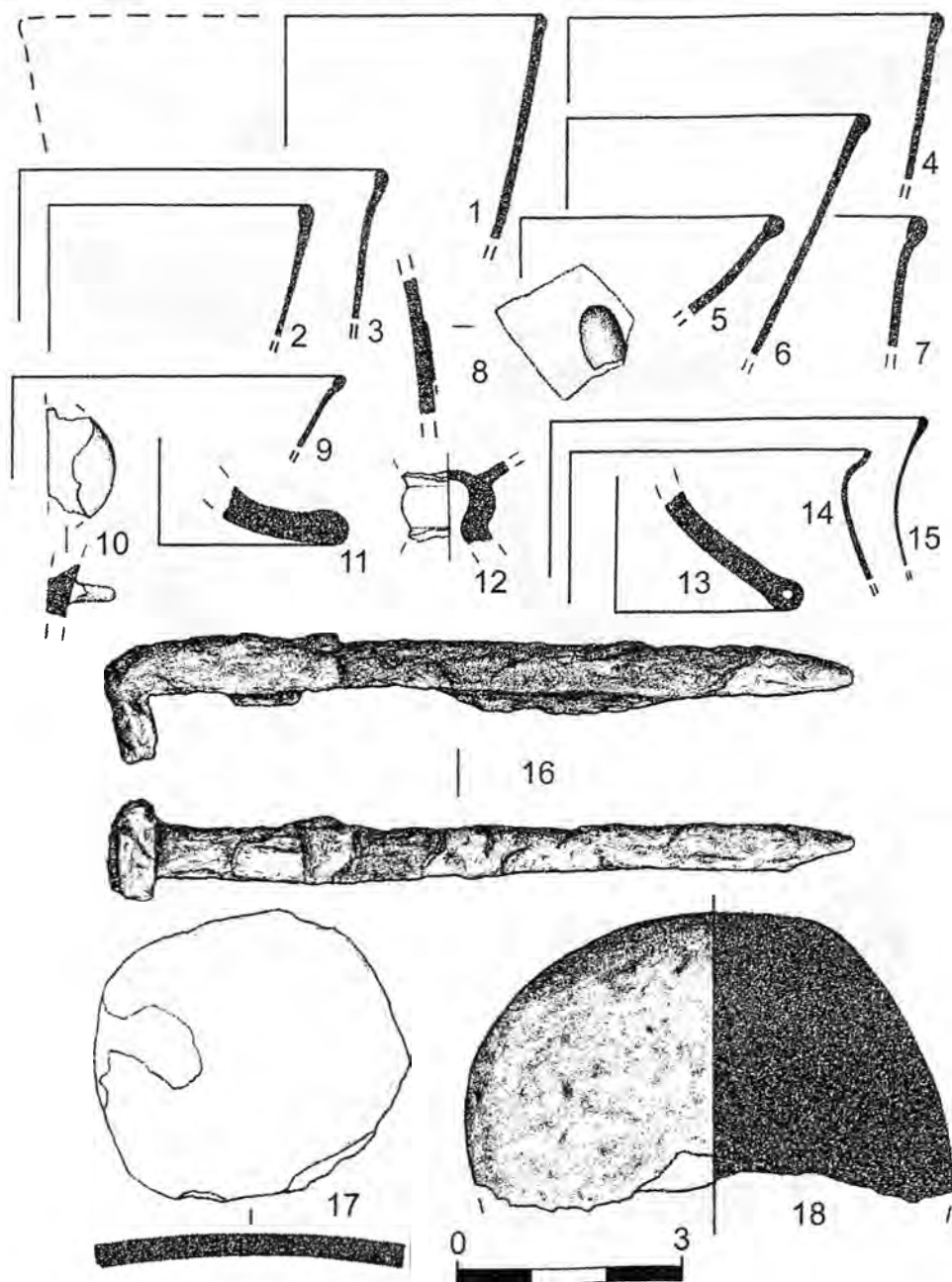

Рис. 52. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. Квадрат А. 5-й слой. Изделия из стекла (1-15, 17), железа (16) и гранита (18).

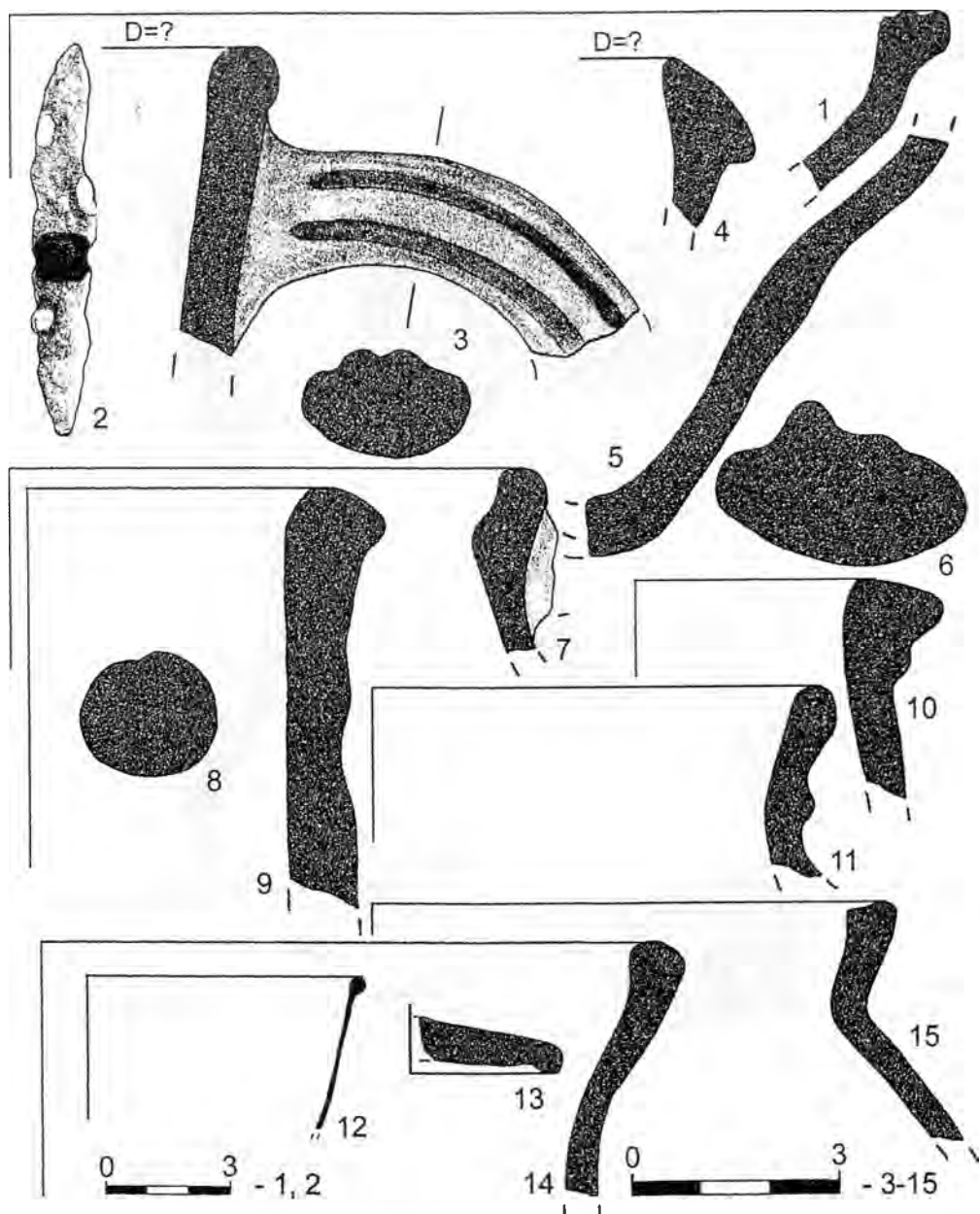

Рис. 53. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешклибурун. 5-й слой. Квадраты Б (1, 2) и В (3-15). Находки тарной (3-6, 9, 10), кухонной (7, 8, 1, 14, 15) и столовой керамики (1), изделия из железа (2) и стекла (12, 13).

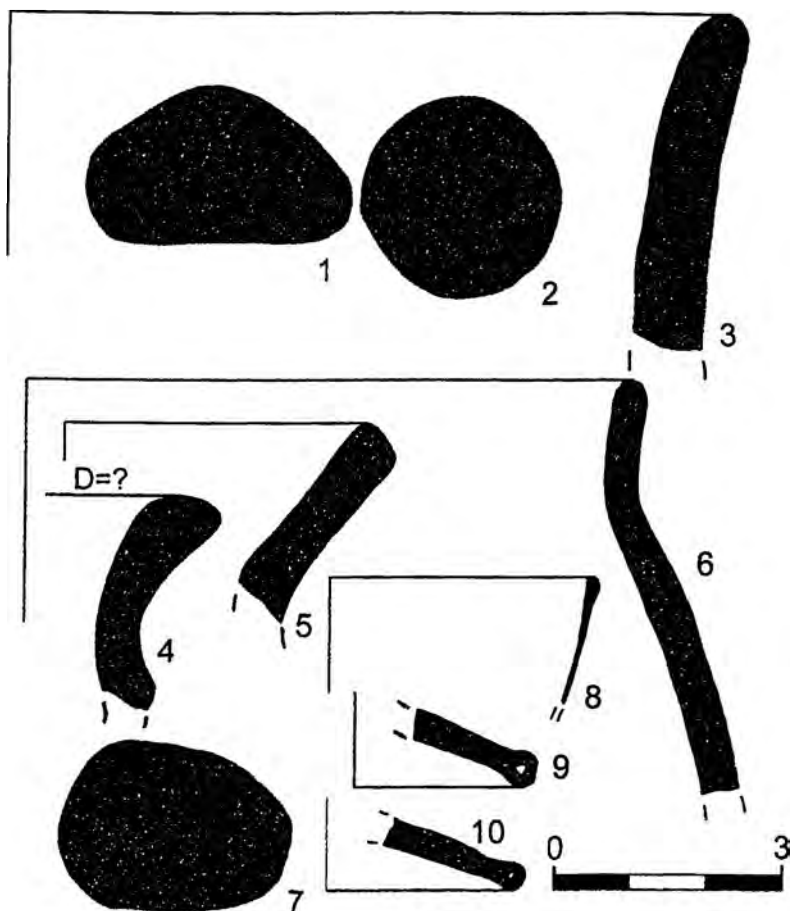

Рис. 54. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун. 5-й слой. Квадраты В (3) и Г (1, 2, 4-10). Находки тарной (1, 2, 4, 7) и кухонной керамики (3, 5, 6), сосуды из стекла (8-10).